

Київський університет імені Бориса Грінченка

**СЕНАТОРСЬКА РЕВІЗІЯ  
КИЇВСЬКОЇ ТА ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЙ:  
ЗІ ЩОДЕННИКА О. О. ПОЛОВЦОВА  
(ЖОВТЕНЬ 1880 – ТРАВЕНЬ 1881)**

*Упорядкування:*

Марина Будзар, Євген Ковальов, Дарина Терещенко





*Александръ Павловичъ*

Видання є результатом науко-дослідницького проекту, реалізованого викладачами та студентами кафедри історії України Київського університету імені Бориса Грінченка.

Щоденник О. О. Половцова (1832–1909), впливового російського урядовця, людини з розгалуженими зв'язками в імперських бюрократичних та аристократичних колах, містить важливі свідчення про комунікації між петербурзьким центральним імперським урядом і місцевою адміністрацією. Тут висвітлено становище місцевих органів державної влади і самоврядування, аграрне питання, діяльність освітніх закладів, роль церкви, а також міжнаціональні відносини в Україні у складі Російської імперії.

Публікація щоденника О. О. Половцова за жовтень 1880 – травень 1881 рр. надасть чимало цінного матеріалу для науковців, що прагнуть реконструювати історію України «імперської доби».

Для фахівців у царині гуманітарних наук, студентів-істориків, усіх, хто зацікавиться історією України.

*Рецензенти:*

Доктор історичних наук, професор **Ярослава Верменич** (Інститут історії НАН України).

Доктор історичних наук, професор **Марина Ігнатенко** (ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди»).

Рекомендовано до друку  
Вченою радою Київського університету імені Бориса Грінченка  
протокол №3 від 28 березня 2019 р.

На обкладинці: Ланцюговий міст у Києві, що з середини XIX ст. з'єднував  
Київщину з Чернігівщиною.  
*Світлина поч. XX ст.*

## ЗМІСТ

Будзар М., Ковальов Є. Олександр Олександрович Половцов: сенатор-ревiзор та його щоденник .....	7
Половцов О. О. Щоденник: жовтень 1880 – травень 1881	
1880 .....	27
1881 .....	97
Примітки та коментарі .....	172
Іменний покажчик .....	182
Географічний покажчик .....	201
Анотації .....	203

*Історія — це мандрівка в інший світ,  
і вона має слугувати тому,  
щоб ми змінилися, перестали  
опікуватися лише собою й щонайменше  
усвідомили своє місце в ній.*

Поль Вейн.

## ОЛЕКСАНДР ОЛЕКСАНДРОВИЧ ПОЛОВЦОВ: СЕНАТОР-РЕВІЗОР ТА ЙОГО ЩОДЕННИК

Перебування українських земель у складі Російської імперії у XIX ст. є важливим проблемним полем для історичних досліджень, що вимагає розширення джерельної бази. Превалювання історико-антропологічних студій передбачає звернення до джерел особового походження. Ego-документи зображують людину у специфічних ситуаціях – матеріальній, соціальній, культурній, лінгвістичній. Це забезпечує стереоскопічність оповіді, доцільно об'єднуючи в тексті індивідуальне («Я») та колективне, загальне («Ми»/«Вони»). Залучення до розвідок ego-документів є особливо доречним в історико-регіональних дослідженнях, слухних для українського контексту загалом і в реаліях XIX ст. зокрема. Одним з таких авто-наративів є багаторічний щоденник російського урядовця Олександра Олександровича Половцова, на сторінках якого, серед іншого, йдеться про його перебування в Україні під час проведення сенаторської ревізії Київської та Чернігівської губерній, що тривала з осені 1880 до весни 1881 рр.

Олександр Олександрович Половцов народився 1832 р. Дворянський рід Половцових не відзначався ані знатністю, ані багатством. Їхній предок Іван Половець на початку XVIII ст. отримав помістя у Великолуцькому повіті. Проте Половцови вважали, що більш далекі їхні предки мешкали в Україні, а Іван Половець був онуком білоцерківського козацького полковника Семена Половця, який начебто походив від старовинного князівського роду Половців-Рожановських зі Сквири, нащадків половецького володаря Тугорхана, тестя київського князя Святополка Ізяславича<sup>1</sup>. Втім, попри цей пишний, але занадто сумнівний родовід, Олександр Олександрович Половцов, будучи в Україні, не виявляв жодних особливих сентиментів до цього краю. Батько його, Олександр Андрійович (1805–1892), був військовим інженером, у 1832 р. перейшов на цивільну службу до Міністерства внутрішніх справ, згодом став чиновником Міністерства юстиції та тривалий час прослужив у Міністерстві державних мастиностей, досягнувши високого чина дійсного таємного радника<sup>2</sup>. Мати, Аграфена Федорівна (1811–1877), належала до давнього дворянського роду Татищевих<sup>3</sup>.

Освіту Олександр Олександрович здобув в Імператорському училищі правознавства, одному з кращих петербурзьких цивільних

навчальних закладів, вихованці якого відзначалися корпоративною згуртованістю та взаємною підтримкою, що допомагало їм обіймати високі посади в імперській бюрократичній ієрархії. У 1851 р., після завершення навчання в училищі, Половцов, добре освічений та надзвичайно амбітний молодий чоловік, вступив на службу до Сенату – вищої судової інстанції Російської імперії. Кар'єра його в Сенаті була дуже успішною: у 1858 р. він став обер-секретарем першого відділення Третього департаменту, а 1867 р. обійняв посаду обер-прокурора Першого департаменту. Такою блискучою кар'єрою Половцов значною мірою був зобов'язаний одруженню з Надією Михайлівною Іоновою (1843–1908). Вони побралися 1861 р. та виростили чотирьох дітей: двох доньок – Анну і Надію та двох синів – Олександра і Петра. Надія Михайлівна була вихованкою та спадкоємицею барона Олександра Людвіговича Штігліца (1814–1884), багатого фінансиста, підприємця, управляючого Державним банком. Походження Надії Михайлівни оповите таємницею. За родинним переказом, вона народилася від позашлюбного зв'язку великого князя Михайла Павловича, молодшого брата імператора Миколи I, з придворною фрейліною; новонароджену дівчинку підкинули у дім барона Штігліца. Однак дехто гадав, що справжнім батьком Іонової є сам барон Штігліц<sup>4</sup>. Як би там не було, але посаг та спадщина Надії Михайлівни перетворили Половцова на багатія-мільйонера. Не менш важливим було те, що, завдячуючи цьому шлюбу, Олександр Олександрович увійшов до вищих кіл російської імперської бюрократії та аристократії. З 1873 р. він уже був сенатором і мав чин таємного радника.

У Петербурзі Половцови мешкали у величному особняку на Великій Морській вулиці, мали дачу на Камінному острові, а їхнім родинним сільським маєтком стала садиба Рапті у Лужському повіті Петербурзької губернії, яку в 1849 р. купив Олександр Андрійович Половцов. Раптями Половцови володіли понад півстоліття, аж до революційного 1917-го року. Олександр Олександрович придбав маєток у батька невдовзі після смерті матері, похованої неподалік, у Черемонецькому монастирі. Згодом він створив у Раптях розкішний палацово-парковий ансамбль, що став принадою Петербурзького краю<sup>5</sup>.

Під час царювання Олександра III [1881–1894] Половцов продовжив сходження вгору бюрократичною драбиною. З 1883 р. він був державним секретарем – керівником Державної канцелярії, опікуючись на цій посаді забезпеченням законодавчої діяльності Державної ради. У 1883 р. йому було надано звання статс-секретаря, а 1885 р. – чин дійсного таємного радника. Залишивши посаду

державного секретаря, Половцов у 1892 р. став членом Державної ради та залишався впливовим державним діячем. Помер він у 1909 р.

Велике значення у житті Олександра Олександровича мали мистецтво та наука. Половцов зібрав цінну колекцію мистецьких творів, з 1869 р. був почесним членом Імператорської академії мистецтв, опікувався Центральним училищем технічного малювання, заснованим його тестем бароном Штігліцем. Проте найбільше уваги Половцов приділяв історії. У 1866 р. він став одним з членів-засновників Російського історичного товариства, утвореного з метою виявлення та публікації джерел з історії Росії. У ньому Половцов спершу посів посаду секретаря, а 1878 р. був обраний його головою, залишившись на цьому місці до самої смерті. Цьому товариству, що доволі швидко стало поважною науковою інституцією, Олександр Олександрович присвячував більшу частину часу, вільного від службових обов'язків. Чималі власні кошти він виділяв на видавничу діяльність товариства. За безпосередньої участі Половцова було опубліковано десятки томів «Сборников Русского исторического общества» з багаточисними матеріалами з історії Росії XVIII–XIX ст. Окрім того, під його наглядом почалося видання «Русского биографического словаря», який досі є важливим довідковим джерелом, особливо для дослідників історії XIX ст. Плідна наукова праця Половцова була відзначена обранням його почесним членом Петербурзької академії наук у 1884 р.

Суспільно-політичні переконання Половцова були вельми складними, не позбавленими певної суперечливості й істотно змінювалися з плином життя, проте видається, що достатньо вірно їх можна загалом схарактеризувати як помірковано-консервативні. Саме з таких ідейних позицій він розглядав ті події, свідком та учасником яких йому довелося стати.

Сучасники, особисто знайомі з Половцовим, у своїх спогадах про нього віддавали належне його освіченості та політичній проникливості, але разом з тим відзначали пригаманний йому холодний кар'єризм, що проявлявся у запобіганні ласки вищих і зарозумілому ставленні до нижчих. Саме так Олександра Олександровича характеризує, наприклад, С. Ю. Вітте, котрий бачився з ним у Києві 1880 року, будучи службовцем Південно-Західної залізниці, а згодом ближче познайомився у Петербурзі, вже обіймаючи міністерські посади:

*...цей Половцов був людиною без сумніву розумною, тямущою, навіть з державницьким розумом. Завдяки своїм статкам і знайомству з великими князями він мав протекцію, особливо від великого князя Володимира Олександровича... Як людина, Половцов був дуже антипатичний: з високоставленими особами*

*або з особами, від яких він чомусь залежав чи міг залежати, він був дуже улевливим, догідливим; з особами же нижчими був украй пихатим, навіть зухвалім<sup>6</sup>.*

Професор Університету св. Володимира, вчений-правник й українофіл О. Ф. Кістяківський, що замолоду служив у Сенаті під керівництвом Половцова, у зв'язку з приїздом свого колишнього начальника до Києва 1880 року занотував у своєму щоденнику:

*О. О. Половцов – людина, з якою я перебував у певних стосунках. Це діялося у 1860 р. Я був помічником секретаря у загальному зібранні перших 3-х департаментів Сенату. Половцова призначено було обер-секретарем. Він не звертав на мене жодної уваги. Я, як молода людина, через це ображався. Коли з'явилися перші мої статті в «Журнале Минист[ерства] юстиции» про англійське судочинство, він їх помітив і, зустрівши мене, став розмовляти зі мною ласкаво, обійняв мене за талію рукою та пройшов зі мною канцелярією. Це мене розлютило. Я був не стільки юним, скільки молодим душею і недосвідченим у житті. Я думав: полюби мене чорньким, а біленьким будь-хто мене полюбить<sup>7</sup>.*

У 1880 р. Половцов був відраджений з Петербургу до Києва для проведення сенаторської ревізії. Цей захід обумовлювався важливими політичними подіями того часу. Наприкінці 70-х рр. ХІХ ст. Російська імперія опинилася у стані глибокої суспільно-політичної кризи. Головною причиною її було невдоволення громадського загалу реформами 1860 – 1870-х рр. Опозиціонерам справа здавалося, що уряд пішов на надмірні поступки, які загрожували самодержавному ладу та невпинно погіршували становище землевласників-поміщиків, котрі були найважливішою соціальною опорою монархії. Опозиціонери зліва, ідеологічно строкаті – від поміркованих лібералів-земців до радикально налаштованих революціонерів-народників – навпаки вважали, що урядова реформаторська політика була непослідовною та занадто повільною; зокрема у Росії так і не з'явився загальнодержавний представницький орган, себто парламент.

Особливо небезпечними для уряду були терористи з «Народної волі», що влаштували численні замаху на представників влади. Уряд відповів на терор репресіями. 1 вересня 1878 р. було запроваджено правила, що санкціонували «необхідні особливі заходи з охорони громадського спокою і безпеки», згідно з якими жандармерії та поліції було надано право без згоди прокурорського нагляду арештовувати осіб, запідозрених у скоєнні державних злочинів, а також учасників заворушень, що сталися на політичному підґрунті. Заарештованих на цих підставах осіб дозволялося карати адміністративним засланням, для чого не потребувалося судової ухвали. Крім

того, указом від 9 серпня 1878 р. справи про державні злочини мали розглядатися у військових судах за законами військового часу<sup>8</sup>.

Однак репресії не змогли припинити терор. Головною «здобичкою», на котру «полювали» народовольці, був імператор Олександр II. У квітні 1879 р. невдалий замах на нього скоїв Олександр Соловійов. Це підштовхнуло владу до жорстокіших репресивних заходів. Для посилення боротьби з політичним тероризмом було запроваджено посади тимчасових генерал-губернаторів, зокрема в Одесі та Харкові: першому підпорядковувалися Херсонська, Таврійська, Катеринославська та Бессарабська губернії, а другому – Харківська, Чернігівська, Полтавська, Курська, Орловська та Воронежська. Тимчасові генерал-губернатори здобули надзвичайні повноваження: вони мали право на власний розсуд застосовувати арешт та адміністративне заслання, могли призупиняти чи зовсім забороняти друковані видання тощо. Такий самий режим було поширено на інші генерал-губернаторства, які вже існували раніше, тож і київський генерал-губернатор, якому підпорядковувалися Київська, Подільська та Волинська губернії, також отримав надзвичайні повноваження. Нерідко генерал-губернатори зловживали своїми майже не обмеженими правами, підміняючи охорону громадського спокою адміністративною сваволею. Особливо це було відчутно в Одеському тимчасовому генерал-губернаторстві, яким керував ген. Е. І. Тотлебен. На тлі таких самодурів поміркованістю відзначався харківський тимчасовий генерал-губернатор М. Т. Лоріс-Меліков<sup>9</sup>.

Втім, посилення репресій не дало бажаного ефекту, навпаки – терористи діяли чимдалі більш зухвало. У лютому 1880 р. народоволець Степан Халтурін влаштував вибух у Зимовому палаці, у петербурзькій імператорській резиденції. За таких умов російські правлячі кола стали схилятися до поступок. Провідну роль в уряді почав відігравати ген. Лоріс-Меліков, призначений головним начальником Верховної розпорядчої комісії, утвореної з метою концентрації сил для припинення революційного руху. Він вважав, що урядова політика має бути гнучкішою, ніж це було доти: у боротьбі з терором корисними є не лише репресивні заходи, але й реформи, здатні розширити соціальну базу уряду, насамперед завдяки співпраці з ліберальною громадськістю.

Отже, програма Лоріс-Мелікова включала, по-перше, централізацію влади заради підвищення ефективності боротьби з революційним підпіллям, а по-друге, здійснення реформ, здатних стабілізувати громадсько-політичну та соціально-економічну ситуацію у країні, причому до найнагальніших завдань уряду він відносив модерніза-

цію органів місцевого державного управління, активізацію місцевого самоврядування, полегшення податкового тягаря, розв'язання проблеми аграрного перенаселення, припинення дискримінації розкольників, розширення меж свободи преси, поліпшення системи освіти<sup>10</sup>.

Здійснюючи цю програму, Лоріс-Меліков передусім прагнув досягти тіснішої взаємодії правоохоронних (каральних) органів – жандармерії та поліції. Йому було підпорядковано Третє відділення Власної його імператорської величності канцелярії та Корпус жандармів, себто політична поліція. У серпні 1880 р. Верховну розпорядчу комісію було ліквідовано, а Лоріс-Меліков став міністром внутрішніх справ. Водночас було ліквідовано пресловуте Третє відділення, замість якого у складі Міністерства внутрішніх справ з'явився Департамент державної поліції, а посада міністра внутрішніх справ була об'єднана з посадою шефа жандармів.

Разом з цим важливим заходом Лоріс-Мелікова стала організація сенаторських ревізій, необхідність яких він обґрунтував у доповіді Олександрю II 11 серпня 1880 р. Сенатори-ревізори мали дослідити суспільні настрої на місцях, з'ясувати масштаб поширення революційної пропаганди, визначити вплив репресій (адміністративних заслань) на громадськість, зібрати матеріал, необхідний для підготовки запланованого реформування місцевих органів влади та об'єднання на місцях правоохоронних (каральних) органів. «Саме призначення ревізій не може, на мою думку, – зазначав у своїй доповідній записці Лоріс-Меліков, – не справити вельми заспокійливого враження на суспільство»<sup>11</sup>. Ще з початку XIX століття відрядження сенаторів для здійснення ревізій вважалося ефективним методом контролювання центральним урядом імперських регіонів<sup>12</sup>. Лоріс-Меліков був переконаний, що сенаторські ревізії завжди сприяли «пожвавленню місцевого життя», як він висловився у доповіді царю.

Для ревізій Лоріс-Меліковим були обрані енергійні, впливові сенатори: І. І. Шамшин вирушив у Самарську і Саратовську губернії, С. О. Морвинов – у Воронежську і Тамбовську, М. Є. Ковалевський – у Костромську і Казанську, до яких згодом були додані Оренбурзька з Уфимською, а О. О. Половцов поїхав до Київської та Чернігівської губерній<sup>13</sup>.

Лоріс-Меліков виступив перед сенаторами-ревізорами з промовою промовою. У ній він зазначив, що їхнє завдання полягає не лише у тому, щоб виявити зловживання і покарати винних, як це завжди бувало під час попередніх сенаторських ревізій; тепер сенатори-ревізори мали насамперед заглибитися у сутність проблем провінційної адміністрації та шукати можливості підвищення ефективності

управління на місцях, зокрема через об'єднання місцевих установ різних відомств з залученням до їх роботи виборних представників від громадськості. До того ж, на думку Лоріс-Мелікова, суттєвою вадою державного управління була надмірна централізація, яку він, вочевидь, прагнув усунути. Зрештою, Лоріс-Меліков закликав сенаторів-ревізорів проявляти ініціативу в порушенні питань, від вирішення яких залежатиме удосконалення державного механізму Росії<sup>14</sup>.

Сенатори-ревізори у своїй діяльності мали керуватися інструкцією, затвердженою 27 серпня 1880 р., що йменувалася «Особливим наставленням». Це був вельми розлогий документ, що містив сорок дев'ять пунктів, згрупованих за відомчим принципом, себто згідно з компетенцією того чи іншого органу державної влади<sup>15</sup>.

Найважливіші проблеми стосувалися Міністерства внутрішніх справ. Ревізори повинні були у першу чергу звернути увагу на місцеві умови поширення «соціально-революційних лжевчень» та з'ясувати, якими засобами їх можна було би знешкодити. Треба було також встановити, яке значення мала система адміністративних заслань і чи є потреба її змінювати. Особливу увагу кожний сенатор-ревізор мав приділити з'ясуванню настроїв селян: чи чекають вони перерозподілу землі на їхню користь (того, що в Україні називалося «слушним часом», як зазначалося в інструкції) та яким чином ці очікування можливо припинити. Ревізору, відряженому до Київської губернії, себто Половцову, крім того, доручалося розібратися у причинах конфліктів селян з поміщиками через межування земель. Проблему межування він також повинен був дослідити й у Чернігівській губернії. До того ж Половцов мав оцінити становище чиншовиків – специфічного прошарку селянства Правобережної України<sup>16</sup>. Ревізори мали збирати матеріали щодо економічного становища населення, насамперед селянства, і визначити засоби його господарського піднесення. Необхідно було оцінити стан місцевих установ з селянських справ і, зокрема, доцільність їх перетворення на Київщині за загальноімперським зразком. Від ревізорів вимагалося вивчати досвід діяльності селянського самоврядування, а також земських та міських самоврядних установ. Сенатори мали підготувати матеріали, необхідні для реформування губернської адміністрації. Важливе значення для ревізорів мало обстеження роботи поліції та жандармерії. Зрештою, було надано вказівку зайнятися національним питанням: поцікавитися значущістю «сврейського елементу», а у Київській губернії з'ясувати настрої поляків та визначити, чи є потреба зберігати репресивні заходи, що були запроваджені щодо них внаслідок Польського повстання 1863–1864 рр.

По судовому відомству треба було оцінити ефективність діяльності судових установ і прокурорського нагляду<sup>17</sup>, а також поліції. Ревізорам було доручено оглянути місця ув'язнення.

По фінансовому відомству ревізорам пропонувалося визначити доцільність об'єднання управління акцизними зборами з казенними палатами, оцінити економічну значущість акцизу на сіль і подушної податі<sup>18</sup>, встановивши при цьому причини накопичення на селянах недоїмок і можливість ліквідації податкової заборгованості, з'ясувати роль кредитних установ у селянському господарюванні, звернути увагу на становище робітників і потребу в регулюванні їхніх трудових взаємин з роботодавцями. Крім того, необхідно було визначити, наскільки паспортна система ускладнює рух робочої сили.

Низка економічних проблем, поставлених перед ревізорами, стосувалася відомства державних маєтностей: оренда державного майна («оборочних статей»), стан аграрної освіти, переселення селян, регуляція лісокористування, видобуток корисних копалин тощо.

По відомству народної освіти ревізори мали з'ясувати стан навчальних закладів різних типів. Особливу увагу вони повинні були приділити вищій школі, зокрема Університету св. Володимира у Києві, визначивши, між іншим, доцільність збереження Університетського статуту 1863 р.

Останні пункти інструкції стосувалися шляхів сполучень.

Очікування Лоріс-Мелікова справдилися: сенаторські ревізії дійсно істотно пожвавили провінційне громадське життя. Проф. Кістяківський, довідавшись про відрядження сенаторів-ревізорів, наприкінці серпня 1880 р. відзначає у своєму щоденнику цю новину і пише про спричинені нею сподівання на політичні зміни, що поширилися серед киян: «Говорять про майбутні сенаторські ревізії. Дехто готовий пов'язати їх з майбутнім буцімто наданням конституції»<sup>19</sup>.

Для Лоріс-Мелікова сенаторські ревізії та матеріали, які вони мали дати уряду, стали важливим складником його реформаторської програми. Він згадав їх у доповідній записці Олександрю II від 28 січня 1881 р., де дуже обережно пропонував створити у Росії щось на кшталт парламенту. У записці зазначалося, що завершення реформ потребувало нагромадження підготовчих матеріалів, і саме для цього знадобилися сенаторські ревізії, результати яких мали враховуватися при здійсненні перетворень. Усі підготовчі матеріали, як зібрані центральними урядовими установами, так і нагромаджені внаслідок сенаторських ревізій, Лоріс-Меліков пропонував винести на розгляд підготовчих комісій – адміністративно-господарської та фінансової, які би складалися з чиновників центральних відомств, громадських

експертів, призначених урядом, а також сенаторів-ревізорів. Завданням цих комісій мала бути підготовка законопроектів. Розроблені у підготовчих комісіях законопроекти передбачалося передати на розгляд спільної комісії, складеної з членів підготовчих комісій та місцевих представників, обраних губернськими земськими зборами і міськими думами. Із спільної комісії законопроекти мали переходити до Державної ради<sup>20</sup>. І хоча Лоріс-Меліков намагався запевнити царя, що робота усіх цих комісій матиме «значення виключно до-радче» та начебто «не має нічого спільного з західними конституційними формами»<sup>21</sup>, очевидно, що здійснення цих пропозицій стало би рішучим кроком на шляху до перетворення Російської імперії на конституційну монархію. Тож очікування «конституції» у зв'язку з призначенням сенаторських ревізій, занотоване у щоденнику проф. Кістяківського, мало певні підстави.

Однак історія Російської імперії, всупереч сподіванням лібералів, пішла зовсім іншим шляхом. 1 березня 1881 р. терористи-народовольці вбили Олександра II. Початок царювання його спадкоємця Олександра III був позначений запеклою боротьбою у правлячих колах між прибічниками реформ на чолі з Лоріс-Меліковим та консерваторами, провідником яких був обер-прокурор Синоду К. П. Победоносцев<sup>22</sup>. Підсумком цієї боротьби став маніфест від 29 квітня 1881 р., в якому було визначено політичне кредо нового імператора: утвердження та оборона самодержавної влади від будь-яких зазіхань на неї<sup>23</sup>. Це означало, що ліберали в уряді зазнали нищівної поразки. Лоріс-Меліков та його однодумці мусили покинути міністерські посади. Відтак сенаторські ревізії втратили свою актуальність. Щоправда, восени 1881 р. для розробки реформи місцевого управління було утворено комісію під головуванням колишнього співробітника Лоріс-Мелікова – статс-секретаря М. С. Каханова, («Кахановську комісію»), до складу якої увійшли сенатори-ревізори, у тому числі Половцов, але діяльність її завершилася 1885 р. без жодних практичних результатів.

Отже, сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній, проведена восени 1880 – навесні 1881 рр. Половцовим, стала вельми важливою подією для України у контексті внутрішньої політики російського уряду доби «диктатури серця», як іронічно назвали публіцисти недовгий час перебування при владі Лоріс-Мелікова з його невдалими ліберальними експериментами. Значна частина матеріалів ревізії Половцова була опублікована невдовзі після її завершення<sup>24</sup>. Однак чимало ще залишається неопублікованого; зокрема багатий масив документів ревізії зберігається у Відділі рукописів Російської національної бібліотеки (ф. 600, 1895 од. зб.)<sup>25</sup>. Ці документи опрацьовувала співро-

бітниця Відділу рукописів М. Я. Стецкевич, що склала каталог цього фонду<sup>26</sup> та опублікувала розвідку про джерела з історії українського селянства у матеріалах половцовської ревізії<sup>27</sup>.

Проте особливо цікавими є щоденникові нотатки Половцова, що відносяться до часу його ревізії та вперше у повному обсязі публікуються у нашому виданні.

Щоденники Олександр Александрович вів упродовж більшої частини свого життя. Вони зберігаються у Державному архіві Російської Федерації (ф. 583). З них досі опублікована лише частина. П. А. Зайончковський у 1966 р. видав двотомник з записами за 1883–1892 рр.<sup>28</sup>, себто за той час, коли Половцов обіймав посаду державного секретаря (2005 р. цю частину щоденника було перевидано). У 2015 р. О. Ю. Голечкова видала завершальну частину щоденника, що охоплює 1893–1909 рр. (раніше, у 1920 – 1930-х рр., записи за цей період частково публікувалися у журналі «Красный архив»).

Записи періоду ревізії, як і весь щоденник Половцова, мають власну жанрову специфіку, що визначає особливості їх аналізу та інтерпретації. Ще П. А. Зайончковський зауважив, що цей текст «є, у найсуворішому сенсі цього слова, щоденником, а не спогадами у формі щоденника, як це іноді трапляється»<sup>29</sup>. Насправді, бачимо, що модус оповіді у цьому документі залишається таким, в якому переважає перша з трьох тематичних ліній текстів цього типу (фіксування та опис зовнішніх подій, свідком яких став автор; змалювання «внутрішніх» подій – ідей, душевного стану, емоцій оповідача; звернення до себе з метою самовизначення та самовдосконалення)<sup>30</sup>. Кожен запис у дослідженому нами фрагменті щоденника складається з переліку подій, що сталися з сенатором-ревізором, опису зустрічей з людьми, аналізу отриманих ним звісток, переповідання почутих від співрозмовників історій. Джерельна вагомість документу визначена саме його подієвою та фактологічною насиченістю, «населеністю» людьми, замальовками їхнього ставленням до того чи іншого явища. Ця особливість щоденника Половцова також кинулася в очі П. А. Зайончковському: «У Половцова ми не знайдемо якихось яскравих та глибоких думок, узагальнень, що мають місце у щоденниках Валуєва та Мілаутіна, проте записи Половцова більш детальні та містять більше фактів, – у цьому полягає особлива цінність його щоденника як історичного джерела»<sup>31</sup>. З великою долею вірогідності припустимо, що така нарративна стратегія була обрана Половцовим не випадково – із розрахунком на те, що у майбутньому його щоденник слугуватиме саме історичним джерелом.

Опубліковані у цьому виданні фрагменти щоденника є безумовно вартісними для реконструкції подій, окреслених певними

часовими (жовтень 1880 – травень 1881 рр.) та просторовими межами (Київ, Чернігів, Петербург, повітові міста, містечка, панські маєтки Київської та Чернігівської губерній).

Завдяки усталеності обсягів просторово-часового континууму оповіді ці записи є завершеним, самодостатнім нарративом з кількома сюжетними лініями, визначеними професійними зацікавленнями Половцова як очільника ревізійної місії та його особистісними пріоритетами.

Часопростір, властивий оповіді Половцова, має ще кілька характерних ознак, обумовлених як реаліями життя, так і специфікою діяльності автора.

Передусім, через наглу загибель Олександра П 1 березня 1881 р., сенатор змушений їхати до Петербургу, перервавши свою поїздку Чернігівщиною, завдяки чому у тексті щоденника простір українських губерній поєднано із простором імперської столиці. Хоча, зазначимо, такі паралелі наявні у всьому тексті, тому що Половцов підтримував постійний зв'язок з Петербургом, як щодо справи ревізії, так і у намаганні зрозуміти, що відбувається у «верхніх ешелонах влади».

Також розширення часових рамок за межі «тут і зараз» відбувається у щоденнику завдяки тому, що Половцов отримував інформацію щодо головних проблем життєдіяльності Київської та Чернігівської губерній (ширше – імперії загалом) від різних конфідентів, котрі нерідко переповідали факти 15-ти – 20-річної давнини, це надає можливість побачити подію та зрозуміти ставлення суспільства до неї в історичній ретроспективі. Як-от, на сторінках щоденника презентовано постаті київських генерал-губернаторів за кілька десятків років – не лише М. І. Черткова, котрий обіймав цю посаду на момент початку ревізії, але і його попередників – В. В. Левашова (1832–1835), Д. Г. Бібікова (1837–1852), М. М. Анненкова (1863–1865), О. П. Безака (1865–1868), О. М. Дондукова-Корсакова (1869–1878) – і наступника – О. Р. Дрентельна (1881–1888).

Не менш важливі властивості цього нарративу обумовлюються мета-жанровою природою щоденника, що, належачи до текстів «non fiction», перебуває на межі «літератури факту», белетристики та публіцистики<sup>32</sup>. Сюжетність оповіді Половцова визначається кількома факторами.

Перший з цих чинників, використовуючи вислів одного зі знахих дослідників творчості М. Гоголя, Ю. Манна, назвемо «ситуацією ревізора»<sup>33</sup>. У половцовському щоденнику знаходимо низку алюзій, інколи – безсумнівних, деколи – опосередкованих, що відсилають нас до тексту гоголівського «Ревізора». Як-от, після прогулянки містом невдовзі приїзду до Києва, сенатор занотовує, що пересвідчився:

«...моє інкогніто не існує більше, околочні та городові відають мені честь»<sup>34</sup>. Або, переповідаючи реакцію оточення на діяльність свою та своїх підлеглих, переказує епізод, гідний гоголівських фантазмагорій: «Один з міських мирових суддів, страхаючись ревізії, мав намір позбавити себе життя, але його схопили ще перш виконання цього наміру, здається, втім, що він не сповна розуму»<sup>35</sup>. Цікаво, що й ставлення місцевих спільнот до дій Половцова та його команди, зокнайменше в інтерпретації автора, є відповідним: на засіданні Київської міської думи голова Г. І. Ейсман «помилково читає чеське прізвище – називає його Ляпкінім-Тяпкінім. Така помилка, через мою присутність, спричиняє посиленний вибух сміху»<sup>36</sup>. Роблячи записи під час інспекційних поїздок Київською губернією, Половцов описує однотипну поведінку місцевої адміністрації у повітових містах. Канів: на пароплаві «приходимо сюди о 7 годині вечора; на пристані очікує мундирна влада»<sup>37</sup>. Черкаси: «...приїжджаємо о 4 г. і знаходимо на березі натовп народу, а також й начальницьких осіб»<sup>38</sup>.

Тобто, за висновком Ю. Манна, сенс відкриття М. Гоголя полягає в тому, що він продемонстрував, як «"ситуація ревізора" охоплює життя багатьох, власне, всіх людей – й тих, котрі перебувають внизу, й тих, які посідають вищі щаблі ієрархічної драбини»<sup>39</sup>. Саме у такий спосіб розгортається оповідь у половцовському щоденнику, коли ми бачимо, що в орбіту сенаторської ревізії втягнуто безліч людей – це особи з імператорської родини та наближені до них вищі імперські сановники, представники губернської адміністрації, повітові посадовці, земські діячі, землевласники, представники інтелігенції, як ліберали, так і консерватори, духовенство від парафіяльного батюшки до митрополита тощо. Їхня індивідуальна та колективна поведінка у межах соціокультурного простору українських губерній вкладається у культурну матрицю «ситуації ревізора» на різних рівнях інтерпретації – локальному, регіональному, імперському.

Приміром, дії різних спільнот обох губерній під час сенаторської ревізії спостерігаємо за споминами, написаними кількома десятиріччями пізніше. У «Спогадах земського діяча» В. М. Хижнякова, тоді – чернігівського міського голови – поведінку місцевих чиновників через приїзд Половцова змальовано цілком у стилістиці М. Гоголя: «Пам'ятаю, який неспокій охопив усі казенні заклади перед приїздом сенатора, коли прагнули підчиститися та приховати незручні кінці. Бідні чиновники сиділи цілими ночами, наводячи лад у справах своїх закладів»<sup>40</sup>. Навпаки, особами з кола ліберально налаштованої інтелігенції обох губерній сам факт ревізійної комісії був сприйнятий як мірило змін у державній політиці, інспірованих Лорис-Меліковим. «Суспільство наче віджило,

сміливіше заговорили земства; по університетах закипіло студентське життя», – писала про той час К. Мельник-Антонович, згадавши те, як професора-історика В. Б. Антоновича було ліберальною професурою Університету св. Володимира обрано деканом історико-філософського факультету. До речі, цю подію у запису від 4 січня 1881 р. сам Половцов оцінив як наслідок початку ревізії: «Ввечері приймаю професора Антоновича, котрому наказано було забиратися з Києва по-доброму, а який тепер, завдячуючи моєму приїзду, обраний деканом факультету»<sup>41</sup>. Тоді ж Чернігівське земство, серед інших ініціатив, вирішило звернутися до уряду, як згадував І. А. Шраг, з проханням «про дозвіл вживати народної мови по сільських школах і видавати сією мовою учебні книжки»<sup>42</sup>. Це починання чернігівців теж було згадано сенатором у щоденнику у запису про те, як О. Ф. Ліндфорс запросив його на засідання земства до Чернігова, де, окрім питання про право обирати гласними адміністративно засланих осіб, «поставлено ще буде питання про визнання рівноправності малоросійського нарiччя з великоросійською мовою»<sup>43</sup>.

Ще одним чинником сюжетності у пропонованих до друку фрагментах половцовського щоденника є ракурс зображуваного та зміна його відповідно до позиції автора щодо описуваних подій.

Перебуваючи у межах Київської та Чернігівської губерній, Половцов виступає у ролі «чужого», тобто спостерігача, котрий залишається відстороненим від спільнот, чия життєдіяльність досліджує. Позиція «чужого» актуалізує різницю трактування подій представниками регіональних співтовариств та імперським урядовцем як «значущих»/«незначних», «важливих»/«неважливих». Ця відмінність поглядів унаочнюється використанням компаративного аналізу епізодів щоденника Половцова та інших особистісних наративів, де відклалися події ревізії, передусім, з щоденника О. Ф. Кістяківського. Наприклад, 22 жовтня 1880 р. Половцов описав відвідини таких прохачів: «Потім з'являються дві дами, що просять про дозвіл співати малоросійських пісень на благодійному концерті, розмова набуває гоголівського оберту»<sup>44</sup>. Як бачимо, запис лаконічний, а відсилає до «Ревізора» (вочевидь, до сцен з участю Хлестакова, дружини та дочки городничого) надає усій сцені відтінок зверхнього ставлення автора до прохачок. У запису від 22 жовтня О. Ф. Кістяківський детально описує ситуацію у колі київських українофілів, котрі майже тиждень до візиту готували докладну записку із проханням клопотатися про дозвіл концертів з українськими піснями, хорами, кілька разів її переписували, збиралися для обговорення, коли ж нарешті відвідини відбулися, сенатор прийняв прохачів більше ніж стримано. «Коли йому заявили, з яким проханням до нього з'явилися, – пише Кістяківський, – він сказав: “Ви бажаєте, щоб я в кінці своєї ревізії згадав про Ваше бажання”. Потім,

взявши до рук записку та кинувши її на стіл, він встав та вийшов з кімнати, примусивши їх самих уходити від нього»<sup>45</sup>. Попри те, що проблема українофільства як одного з маркерів поведінки ліберальної інтелігенції в українських губерніях безумовно цікавила Половцова, і зміст щоденника підтверджує пізніші спомини К. Мельник-Антонович про те, що він, «бажаючи докладно обізнатись з місцевою громадською думкою і настроями в ліберальному громадянстві, розпочав широкі зносини з представниками різних груп і напрямків м. Києва»<sup>46</sup>, інтереси та сподівання цієї спільноти залишалися для сенатора сторонніми та побічними.

Водночас у тій частині щоденника, де йдеться про приїзд Половцова до Петербургу, ракурс оповіді змінюється. Тут сенатор посідає позицію «свого» щодо описаного ним. Цей життєвий простір для автора щоденника є близьким, він знається на правилах гри у такому середовищі, тому дивиться зсередини на драматичну ситуацію, що склалася навколо молодого імператора, котрий мав зробити вибір між помірковано-ліберальним політичним курсом Лоріс-Мелікова та програмою К. П. Победоносцева, яка передбачала негайне згортання усіх ліберальних перетворень. У цій частині щоденника Половцов детально переповів свої розмови з Лоріс-Меліковим та іншими урядовцями його кола, Победоносцевим, імператором Олександром III та, передусім, з молодшим братом царя Володимиром Олександровичем, до якого був особливо близький, і занотував власні слова, звернені до них, доволі детально (зокрема, у розмові з братом царя він назвав Победоносцева фанатиком з ідеями XV сторіччя, котрий здатен всіх повести на вогнище), тоді як у записах, присвячених перебуванню у Києві, Чернігові, інших населених пунктах обох губерній сенатор прагнув швидше записувати розповіді, судження, міркування співрозмовників.

Саме з такою ознакою щоденника Половцова – фіксацією думок, вражень і умовиводів дуже широкого кола осіб, з ким він контактував під час ревізії – пов'язана ще одна прикметна риса цього нарративу, яка, з одного боку, белетризує його, з іншого – підвищує його історичну інформативність. Йдеться про наявність у тексті щоденника значної кількості коротких сюжетних епізодів, кожен з яких міг би бути розгорнутий у новелу, епізодів, що, власне, мають класифікуватися як історичні анекдоти (короткі самостійні описи конкретних подій, що підтверджують або ілюструють більш складні, розлогі історичні оповіді)<sup>47</sup>. Ці історії переповідали Половцову його співрозмовники, ілюструючи ними ті явища з губернського життя, що їх вони обговорювали з сенатором. Наприклад, 19 листопада 1880 р. Половцов записав розповідь протоієрея П. Г. Лебединцева про те, як вікові липи на вулиці Єкатерининській в Києві (зараз – Липська) стали жертвою сварки між генералом-губерна-

тором В. В. Левашовим та генерал-фельдмаршалом Ф. В. Остен-Сакеном, так що від них залишилася лише назва району у Києві – Липки. Записана 19 грудня того ж року від громадського діяча, власника значних земель володінь на Лівобережжі Г. П. Галагана історія про 1-го вікарія Київської єпархії Іоанна (Жданова) слугувала ілюстрацією до поведінки місцевого священства. Звертаючись до пастви із проповіддю, вікарій проголосив: «Православні! Христос народився в яслах! Чому ж в яслах, коли міг би, якщо б захотів, народитися в місті, навіть у губернському місті, у кам'яному будинку, біля входу до якого стояв би швейцар, і цей швейцар не пустив би вас зайти до цього будинку»<sup>48</sup>. У запису від 20 листопада 1880 р. Половцов переповів зі слів М. М. Кочукова, товариша прокурора Київської судової палати, історію на підтвердження всеохоплюючого хабарництва в краї, який він інспектував: «...один справник, взявши 700 р. за дозвіл поховати померлу єврейку, коли конторник приніс йому ці гроші, побачив у гаманці ще 25 р і взяв й ті. На другий день на будинках міста було написано “700+25”»<sup>49</sup>.

Таких розповідей у щоденнику чимало, вони унаочнюють майже всі проблеми, що постають на його сторінках: становище місцевих органів державної влади і самоврядування, аграрне питання, діяльність освітніх закладів, роль церковних структур і конфесійний фактор у губернському житті, міжетнічні взаємини та національні питання – українське, польське, єврейське. Ми знаходимо їх також в епізодах, де описано те, що відбувалося при царському дворі та в урядових колах, а це уможливило вихід і на терени міжнародної політики. Показова, зокрема, історія, що ілюструє ставлення самого Половцова та осіб з кола імперської аристократії до державницьких талантів Олександра II: імператор під час Польського повстання зажадав від О. П. Бобринського, щоб той об'їхав з консультаціями Ф. Ф. Берга, намісника Царства Польського, П. Є. Коцебу, новоросійського та бессарабського генерал-губернатора, М. М. Анненкова, київського генерал-губернатора, та А. Менсдорфа-Пулі, генерал-губернатора Галичини (тоді у складі Австрійської імперії), причому не поставивши до відома ані міністра закордонних справ Російської імперії, ані посланника у Відні.

Осібна природа щоденника як історичного джерела надає можливість дізнатися про особистий погляд очільника ревізії і на події, у центрі яких він опинився в Україні, і на життєдіяльність спільнот, акторів цих подій, створюючи індивідуально-суб'єктивну перспективу того, що відбувалося, у доповнення до сторінок офіційного звіту та документальних матеріалів ревізії.

Як-от, коли у передмові до звіту читаємо висновок про те, що у «Київській губернії народна історія створила особливий вид власності,

який складає єдине міцне підґрунтя будь-якої людської праці; від цей – подвірне володіння. Дбайливе збереження цієї форми землеволодіння від тенденційних та нещасливих за наслідками спроб замінити його общиною витворить залог успішності селянської справи на майбутнє»<sup>50</sup>, то у щоденнику знаходимо низку підтверджень обговорення сенатором питання подвірного/общинного володіння землею в Україні з різними особами, від поміщика-консерватора до інтелігента-ліберала. Вже на початку ревізії Половцов зробив запис про те, що не можна «не здивуватися і порушенню такого питання, і його формулюванню»<sup>51</sup>, а в подальшому бачив повсякчасні підтвердження тому, як представники регіональних спільнот таумачили цю проблему не лише в економічному, але й у політичному сенсі. Такі переконання лунали у приватних розмовах, коли один зі співрозмовників Половцова констатував, що українець ненавидить общину, общинну власність, він прагне відокремити свої володіння, та узагальнювалися у формі доповідних записок, як у тій, що надав сенаторові М. А. Рігельман: «Він бачить порятунок, і економічний, і політичний, лише в розширенні та забезпеченні особистої власності та організуванні селянського самостійного... відрубного володіння»<sup>52</sup>.

Так само, якщо розгляд питання чиншовиків входив до функційних обов'язків Половцова, то в щоденнику маємо результати його особистого прагнення дослідити цю проблему. Передусім сенатор дійшов висновку, що її всі співрозмовники розглядають як нагальну, а різниця лише в тому, що одні прагнуть найшвидшої експропріації поміщиків, інші – визнання їх вільними від зобов'язання утримувати чиншовиків. Половцов мав можливість порівняти ставлення різних осіб, передусім з поміщицької спільноти, до чиншового питання: поміщик Левандовський звинувачував чиншовиків у захопленні земель через сподівання, що ці наділи залишаться за ними<sup>53</sup>, а один з найбільших землевласників Правобережної України граф В. О. Браницький (котрий мав репутацію «хлопомана», за заувагою Половцова) був переконаний, що поміщики повинні чимось жертвувати у цьому питанні. Цікава особиста реакція сенатора на доводи В. Браницького: «Погрози збоку соціалістів наvertsають польських поміщиків на поступливість. Вони, можливо, бажали б навіть очолити справу, щоб цим виграти в очах населення. Зрозуміло, з урядової точки зору допустати до цього не варто»<sup>54</sup>.

Також, якщо у офіційному звіті Половцов дійшов висновку про те, що поліційна влада в Київській губернії настільки відсторонена від селянина, що під час усіх селянських заколотів, які траплялися, поліція завжди діяла не як попереджувальний, але як каральний орган влади<sup>55</sup>,

то у тексті щоденника він набагато відвертіший в оцінці дій і поліції, і жандармерії. Зокрема, вислухавши скарги полковника В. Д. Новицького, начальника Київського губернського жандармського управління, на те, що поліціанти нерідко пропонували підозрюваним у політичній діяльності, за котрими стежили жандарми, змінити помешкання для того, щоб не відбувся арешт на підначальній їм території, Половцов, оцінивши наданий В. Д. Новицьким список висланих за політичні проступки осіб, зауважив у щоденнику абсолютну неосвіченість жандарма. Окрім того, з тексту нарративу стає зрозумілим, що сенатор неодноразово торкався питання перлюстрації кореспонденції та жодного разу не надіслав власних листів, як особистих, так і службових, поштою, але передавав лише з okazji.

Не менш ваговою ознакою щоденника Половцова як еґо-документа, що є змістовним історичним джерелом та одночасно белетризованим нарративом, назвемо наявність низки портретів-характеристик, як індивідуальних – окремих осіб, так і колективних – тих соціальних спільнот, репрезентантами яких були ці люди. Ці портрети створено у щоденнику або як короткі замальовки, або як результат декількох більш розлогих описів, нерідко з власними коментарями автора, відповідно до соціального статусу персони, її місця у житті соціуму або в діяльнісному просторі самого Половцова.

Як-от, одне з основних місць у життєвих стратегіях сенатора під час ревізії посіло його спілкування з київським генерал-губернатором М. І. Чертковим, спілкування, що було конфліктним як професійному, так і в особистісному розуміннях. У трактуванні Половцова М. І. Чертков постав недалекоглядним службовцем-служакою, котрий головні надії покладає на роботу бюрократичного апарату губернської адміністрації, використовує увесь державний ресурс для боротьби з інакомислячими, не переймаючись сенсом кожного окремого випадку, не володіє інформацією про стан справ у ввіреному йому піклуванню краї, передусім щодо низки земельних поміщицько-селянських взаємин («На усі ці питання він відповідає, що не знає і що для таких відповідей необхідне ціле попереднє дослідження»<sup>56</sup>). Цікаво, що жандармський полковник В. Д. Новицький у своїх спогадах як одну з головних рис М. І. Черткова назвав його безмежну відданість престолу, що супроводжувалася патріотичними почуттями та непохитною стійкістю і твердістю, виявленими у всьому: «За часів Черткова адміністративна влада стояла високо, непорушно твердо...»<sup>57</sup>. Як бачимо, окрім іншого, така риса, як ставлення М. І. Черткова до своїх обов'язків, неоднаково оцінена урядовцем та жандармським офіцером. Подальше порівняння щоденників і спогадів, в яких відклалися події ревізії, надає можливість

пересвідчитися, що навіть відставка М. І. Черткова та роль у цій події Половцова тлумачилися по-різному представниками київських спільнот. Тоді як В. Новицький (близько до істини) пише, що сенаторську ревізію генерал-губернатор сприйняв як образу та за власним бажанням залишив свій пост, то К. Мельник-Антонович саму ревізію називає такою, що сталася заради розслідування «незаконних вчинків генерал-губернатора Черткова й усунення його з посади».<sup>58</sup>

Окрім М. І. Черткова, зі сторінок щоденника Половцова постають колоритні фігури аристократа, підприємця-цукрозаводчика В. О. Бобринського, київського губернатора М. П. Гессе, правника, київського міського голови Г. І. Ейсмана, державного діяча М. П. Ігнатєва, міністра внутрішніх справ М. Т. Лорис-Мелікова, лікаря, професора Університету св. Володимира Ф. Ф. Меринга, чернігівського губернського предводителя дворянства М. І. Неплюєва, обер-прокурора Синоду К. П. Победоносцева, чернігівського губернатора А. Л. Шостака, врешті-решт, Олександра II та багатьох інших осіб, акторів цього відрізка історії.

З індивідуальних замальовок складаються колективні портрети, серед яких чи не найцікавішим є зображення київської інтелігенції, бо у щоденнику презентовано увесь спектр суспільно-політичних настроїв цієї спільноти – від право-консервативних (Д. І. Пихно, М. К. Ренненкампф, М. В. Юзефович) до ліберально-українофільських (В. Б. Антонович, О. Ф. Кістяківський).

Не менш промовистим, а, можливо й більш опуклим, є узагальнююче зображення у щоденнику тих осіб з кола чернігівської інтелігенції, кого, за висловом самого Половцова, в місті називали червоною або лівою партією. Це діячі губернського земства В. Є. Варзер, М. О. Константинович, П. П. Червинський, І. Л. Шраг. Запис про зустріч з ними Половцов зробив, перебуваючи в Чернігові, 25 квітня 1881 року, під час візиту до міського голови В. М. Хижнякова. Характеристику цих діячів, чия головна програма, за пізнішими споминами І. І. Петрункевича (він на той момент перебував в адміністративному засланні) «полягала у тому, щоб земські установи перетворити на школу самоуправління та у такий спосіб підготувати країну до конституційного державного устрою»<sup>59</sup>, подано стисло на кількох сторінках щоденника. З коротких, але емних характеристик, що ними Половцов наділяє чернігівських земців-лібералів, можемо пересвідчитися: хоча сенатор прийшов на зустріч з цими людьми, котрі в «у паперах жандармського управління... звинувачуються мало не в приготуванні замахів останніх років»<sup>60</sup>, його власні симпатії – не на їхньому боці. Сенатор-ревізор швидше симпатизує губернському предводителю дворянства М. І. Не-

плюєву, очільнику правої чи-то консервативної партії, котрого земський голова Хижняков у спогадах назвав реакціонером та звинуватив у написанні виказів на «лібералів», здатних йому протирічити<sup>61</sup> (до речі, у такій оцінці Неплюєва з Хижняковим солідаризувалися співробітники Половцова, котрі ще в січні 1881 р. побували в Чернігові: «...людина обмежена, переслідує вузько поміщицькі грошові інтереси, його ненавидять противники за зроблені ним поліційні викази»<sup>62</sup>).

Тобто, аналіз як тих записів, що створюють індивідуальні та колективні портрети осіб з оточення сенатора Половцова, так і всієї оповіді уможливають репрезентацію ще однієї особи, котра постає на сторінках цього наративу – самого автора. Якщо щоденники розглядаємо як форму виявлення свідомості автора, «реальної людини, яка фіксує на папері певні фрагменти власного мислення»<sup>63</sup>, то це безсумнівно слушне й для цього наративу. Попри те, що Половцов, як зазначалося вище, майже ніколи не демонстрував власні думки та відчуття, надаючи перевагу фіксації подій (рідкісний випадок відвертого висловлювання – відгук на звістку про загибель Олександра II: «Якими б великими не були жахи, пережиті нами останнім часом, але після цієї звістки у мене підкосилися коліна й стала бити лихоманка»<sup>64</sup>), але його постать вимальовується на сторінках щоденника передусім через реакцію на поведінку інших, оцінювання людей та явищ, через той процес структурування фактів у події<sup>65</sup>, який формується на основі прагматичного сенсу записів – що саме для автора є значущим, а що – не вартим особливої уваги.

Як бачимо, щоденник Половцова за жовтень 1880 – травень 1881 рр. є важливим джерелом з історії України. Проте його потенціал досі не використаний істориками-україністами. Наскільки нам відомо, з дослідників історії України до цього джерела звертався лише Олексій Міллер, що запозичив звідти чимало цінного матеріалу для своєї монографії «“Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)»<sup>66</sup>. Усвідомлення цього спонукало нас до оприлюднення документу.

Для публікації російську мову оригіналу узгоджено із правилами сучасної орфографії та пунктуації, зокрема вживання рядкових і прописних літер для слів з позначенням посадових осіб, адміністративних закладів Російської імперії, осіб з кола імператорського дому, але збережено особливості у вживанні деяких старих граматичних форм і правопису окремих слів («на откупу», «разверстание», «противуречившими» тощо, форми іменників та прикметників із закінченням на «-ою» / «ею» замість «-ой» / «-ей»). Розділення тексту на абзаци залишене авторське. Загальноновживані скорочення та слова для по-

значення титулів, чинів, географічних термінів тощо (ч. – «чась»; г. / гт. – «господин (-жа) / господа; ген. – «генерал»; т.д. / т.п. / т.е. / напр. – «так далее» / «тому подобное» / «то есть» / «наприклад»; р. – «рубли»; к. – «копейки»; «мил.» – «миллионы»; т. – «тысячи» / «тысяч»; гор. – «город»; гр. / кн. / в. к. – граф, князь, великий князь) не розкриваються. Тоді, коли автор, говорячи про певну особу, спочатку називає її, а потім використовує лише першу букву імені, або у випадках, коли ним скорочується назва певного адміністративного закладу, слово розкривається у квадратних дужках. виправлення слів, закреслення не фіксуються, окрім тих випадків, коли від цього залежить зміст фрази. Пропуски літер та явні обмовки виправлено без попереджень. Фрази французькою мовою перекладено у посиланнях.

Оригінальний текст написано чорнилом, документ має форму зошита обсягом у 155 аркушів, списаних з обох сторін, сенаторська ревізія описана на аркушах 1–134, саме цю частину тексту опубліковано. Збережено авторські підкреслювання. Якщо біля дати відсутня назва місяця, її додано у квадратних дужках. Помітки олівцем, де-не-де наявні в тексті, не позначено.

Текст супроводжується коментарями, іменним та географічним покажчиками.

Щоденник Половцова використовувався укладачами в їхній науково-викладацькій діяльності, зокрема, у навчальному курсі «Історична регіоналістика» для співпраці зі студентами у рамках проекту «Використання архівних джерел в історико-регіональних розвідках». Студенти ІV курсу Київського університету імені Бориса Грінченка (спеціальність «історія та археологія», спеціалізація «архівознавство, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни») – Наргіз Гулієва, Божена Кореневич, Єлизавета Кулик, Сергій Лободаєв, Денис Носенко, Єлизавета П'янкова, Дмитро Резник, Анастасія Сарапіна, Дарина Терещенко, Ірина Хорець, Карина Яковенко – читали, переводили в електронний формат та почасти коментували фрагменти тексту у документі (аркуші 1–117). Дарина Терещенко, як найактивніший учасник проекту, увійшла до складу укладачів видання.

Маємо надію, що публікація щоденника Олександра Олександровича Половцова за жовтень 1880 – травень 1881 рр. сприятиме глибшому усвідомленню досвіду «імперської доби» в українській мистецтві.

## 1880.

10 октября, в пятницу, в 7¼ часов вечера по почтовому поезду отправляюсь в Киев. В Петербурге в предшествовавшую ночь при сильной буре выпал глубокий снег с пятью градусами мороза. Снежный пейзаж продолжается до Москвы и немного за Москву. По мере приближения к Киеву погода становится теплее, а около Киева еще на деревьях много зеленых листьев и дождь.

12 [октября]. Воскресенье, в 5½ ч. вечера приезжаю в Киев и останавливаюсь в гостинице Гранд-отель; помещение просторное, но весьма дорогое; шум, вообще все неудобства трактирной жизни. Пишу Черткову записку с предварением, что буду у него на другой день в час и представляю своих чиновников.

13 [октября]. Понедельник. В 11½ ч. еду к митрополиту. Нахожу весьма почтенного, доброго, слабого, как говорят, в управлении старика. Прошу его благословения на столь трудное [дело], возложенное на меня государем императором. Узнав, что я еще не был у Михаила Ивановича, старик умножает свои благословения и нежно пожимает руки. Я позволяю себе выразить ему мысль, что духовенство своего деятельностью представляет наиболее прочную основу общественной нравственности и порядка. Добрый старец обещает с своей стороны всякое содействие, но присовокупляет при этом, что на днях уезжает в Петербург для присутствия в Синоде. К этому он сообщает, что синодальный обер-прокурор Победоносцев, который приезжает из Одессы. О Победоносцеве выражается так, что для церкви большое счастье иметь столь примерно набожного обер-прокурора. Позавтракав на скорую руку, отправляюсь к Черткову; после первых фраз выражаю желание познакомиться с его женою, которая в гостинице ожидает этого представления и без всякой церемонии тотчас же затевает чуть не допрос о том, как я буду производить ревизию; несмотря на отпущивания, она раза два прямо возвращается к этому предмету, а я всеми силами переносю разговор в сферу дамской области, но тщетно. Изумленный тем, что мои чиновники так долго не едут, я выражаю свое удивление, что они так долго охорашиваются, но Чертков на это мне отвечает, что они давно ожидают и что он не хотел меня беспокоить. Я поспешно выбегаю в соседнюю гостиную, где мои сослуживцы более получаса ожидают. Чертков их принимает стоя, точно император, а я при нем громко извиняюсь в том, что их заставили ждать. Прощаясь, повторяю наш уговор, что Воскобойников будет передавать дела и сведения непосредственно от Раевского. По возвращении домой принимаю визиты старшего председателя па-

латы И. И. Мечникова, прокурора палаты Н. Н. Загоскина и председателя окружного суда Сабурова; одновременно приезжает Чертков для отдания мне визита. Обедаю со всеми своими чиновниками и Победоносцевым, который рассказывает, что проводил цесаревича до Ливадии<sup>67</sup>, являлся там государю, но тотчас уехал, не желая там остаться ни часа, потому что там нравственное настроение очень тяжелое, иначе говоря, из опасения быть представленным княжне Долгоруковой. Относительно сей последней было обещано, что она будет жить по-прежнему на своей даче<sup>68</sup>, а вместо того цесаревич и цесаревна нашли ее водворенною в покоях императрицы, что, без сомнения, доставило им не много удовольствия. Победоносцев только и говорит о купленном им для своего Добровольного флота<sup>69</sup> корабле «Ярославль», на котором он провез цесаревича из Севастополя в Ялту, корабль был заказан в Марсели и по своей конструкции, совершенству, цене и т. д. должен представлять вящее осуждение «Ливадии»<sup>70</sup>, которая при полном ходе должна израсходовать на одно отопление около четырех тысяч рублей в сутки.

14 [октября]. Вторник. В 11 часов являются председатели казенной палаты и палаты государственных имуществ, которые по недоразумению были вызваны губернатором в губернское правление. Первый только что назначен на место уволенного за злоупотребления, обнаруженные ревизию, что значительно упрощает мое дело по отношению к этому учреждению; второй – старый служака, занимающий этот пост уже 16 лет. В 12 часов еду в суд[ебную] палату, где принимаю и окружной суд, и мировых судей, и лиц прокурорского надзора. Затем перехожу в помещение губ[ернского] правления, где обхожу всех служащих административных ведомств, пожимаю каждому руку, расспрашивая о прежней службе и говоря, что очень рад с ними познакомиться; речей никаких, газеты остаются без поживы. Приезжаю домой и принимаю визит Репнина, который на днях назначен губ[ернским] предводителем дворянства, имение его в Полтавской губернии<sup>71</sup>, а в Киеве он имеет лишь дом. Человек не дурной, но пустейший и, несмотря на то, что провел молодость в нужде, снова расстроивший дела, устроенные было женитьбою на кн. Волконской. Вслед за ним приезжает губернатор Гессе, с которым рассуждаю о грустном положении тюрьмы, обещает на следующий день прислать полный доклад. Во время нашего разговора мне приходят сказать, что я забыл зайти в казенную палату, где меня и ожидают. Спешу туда и просиживаю в кабинете председателя, чтобы загладить свою рассеянность. По-видимому, очень порядочный человек. О делах говорим покамест мало; он рассказывает, что б[ыл] представителем гр. Сергеев

Григорьевича Строганова в деле о выкупе земель его пермских крестьян, что он получил 8 миллионов выкупной ссуды и недополучил еще трех единственно по оплошности его управляющего.

Вернувшись домой и зайдя к Репнину, который обещал мне собрать справки о квартире, которую хотелось бы мне нанять, застаю в гостинице Победоносцева, возвратившегося из духовной академии и умиленного своими попами, обеднею, отслушанною в Софийском соборе и т. п. Я ему толкую о проделках попов и в особенности одного в Вольнской губернии, который делал такие мерзости, что крестьяне заперли церковь и решили его туда не пускать; этих крестьян приходится судить, как бунтовщиков, и тащить на суд в Киев, а их более 200. Говоря о раскольниках, Победоносцев выражается так, что они хуже еретиков, штундистов<sup>72</sup>, католиков, потому что они не проповедывают иного учения, не считают себя чем-либо отдельным, иным, чем православная церковь, а считают себя самих православною церковью, так что одно должно исключать другое, смысл речи тот, что это непримиримые враги и что с ними надо воевать. О неудачности гражданских метрических книг думает, что народ не понимает иного брака, как церковного, и, следовательно, книги эти, ведущие к гражданскому браку, не могут привлекать даже и раскольников, для которых сделаны.

Я забыл упомянуть о визите митрополита, который, когда я заводил речь о неудовлетворительности духовенства православного, настаивал на необходимости полицейских мер против еретиков и в особенности запрещении штундистам иметь пресвитеров; затем сообщил, что уезжает скоро в Петербург и предоставляет мне за всем нужным содействием обращаться к викарному Михаилу.

Обедали с двумя председателями и двумя прокурорами. Мечников — положительно здравомыслящий и умный человек, к тому же и поживший, вообще производит очень хорошее впечатление; рассказывает мне тревоги генерал-губернаторские при назначении ревизии и интриги Игнатьева для получения этого места, а также разочарование последнего, когда Чертков вернулся из Петербурга и остался на месте.

15 [октября]. Среда. В 7½ ч. отправляюсь осмотреть дом Гудим-Левковича<sup>73</sup> и решаюсь взять его за 400 р. в месяц; жить в гостинице решительно невыносимо; к тому же за одну гостиную с меня берут 10 р. в день. Являются следующие лица. Начальник местных войск, который много говорит о квартирном помещении войск, состоящем одновременно в заведывании городской управы и распорядительного комитета; рекомендую ему обо всем сообщить Шидловскому. Вслед

за ним приезжает попечитель учебного округа Голубцов, креатура Толстого, весьма старый человек, о котором в Одессе ходил слух, что по его несмотрению все было на откуп у его правителя канцелярии. Здесь он с мая месяца и, казалось, мог бы отвечать на мой вопрос, кто профессора государственного права и гражданского права, однако ответ его был: «Не знаю». Вообще от него я слышал только общие места и рассказы о его собственных будто бы героических подвигах. Я просил его пригласить ко мне ректора. Тотчас после завтрака пришел ко мне правитель канцелярии генерал-губернатора Раевский, хитрый малоросс, проживающий в крае более пятнадцати лет, вертящий Чертковым, как ему вздумается. После нескольких комплиментов и обращений к его уму и опытности, а также упоминания вскользь, что, без сомнения, его взгляды и сведения могут принести пользу и при обсуждении в Петербурге вопросов, поднятых ревизиею, Раевский искренно или неискренно расстегнулся и, установив, что будет в отношении меня говорить и действовать не как правитель канцелярии г[енерал]-г[убернатора], а как Раевский, стал упоминать и о своем начальнике не как о ген[ерал]-губернаторе, а как о Черткове.

Сказанное им сводится к следующему. Процентный сбор следует сохранить, но ограничиться сбором суммы, потребной на расходы, действительно производимые из этого источника по той местности, с которой взыскиваются. Такое разрешение вопроса облегчило бы Юго-Западный край, который платит гораздо более, чем получает. Причтовые помещения следовало бы предоставить строить самому духовенству, отстранив от этого дела гражданское начальство, церковно-строительное дело следовало бы, по возможности, свести к нулю. Критикует записку Ковалевского<sup>74</sup> об административной высылке и полагает целесообразнее оставить за генерал-губернатором право запрещения местожительства в определенной местности, а затем и право административной высылки там, где будет объявлено военное или осадное положение, или что-нибудь в этом роде. Р[аевский] считает весьма удобоисполнимым предположение Лориса-М[еликова] об обращении жандармов в губернских полицмейстеров.

Иду в судебную палату, где в первый раз слушается при сословных представителях дело по закону 9 мая 1878 г. о сопротивлении власти<sup>75</sup>. Мужик, выгнанный со службы из земской управы, пришел туда с револьвером и выстрелил трижды в одного из членов, впоследствии он б[ыл] болен и, выходя из больницы, заявил, что преступление сделал в припадке умопомешательства. Эксперт-психиатр проф. Эргард доказывал сумасшествие тем, что подсудимый на 20-летнем возрасте любил лежать по несколько часов, тогда как движение есть потреб-

ность, присущая человеческому духу, тем, что во время заседания подсудимый, несмотря на громадность возводимых против него обвинений, сидел смиренно, тем, что этот мужик, безошибочно разрешив арифметические задачи с целыми числами, затруднялся разрешать вопрос там, где речь дошла до дробей, наконец тем, что у него слабое пульсобиение. Товарищ прокурора Дурново совсем был озадачен такими определенными выводами, противуречившими общему здравому смыслу, и отвечал довольно мягко, адвокат, напротив, искусно воспользовался пустяками, высказанными седовласым профессором. На подъезде этот же профессор, окруженный студентами, вопиал, покуда я проходил: «Помилуйте, гг., суд не сумел приготовить достаточно материала». Шедшие недалеко от меня два юноши говорили при этом: «Ну вот, у него на субботу лекция и готова».

После обеда приехал ко мне с докладом по вопросу о тюрьме губернский архитектор. Из самых оптимистических его сообщений я убедился, что при постройке тюрьмы сделана большая ошибка. Желая устроить вентиляцию, строители провели из выгребных ям трубы в ту главную трубу, в которой поставлена печь, долженствующая вытягивать дурной воздух, притягиваемый ею из жилых помещений; таким образом, из выгребных ям в здание тюрьмы притекает испорченный воздух, который, при несовершенстве всего этого вентиляционного устройства, распространяется по всем жилым помещениям. С 1-го по 15 октября заболело тифом 110 человек при населении в 740 человек. К этому, разумеется, надо присоединить и много других вредных условий: тюрьма не отремонтирована со времени постройки, т. е. 17 лет, в ней содержится иногда более 1000 человек, когда она устроена на 550, два раза в неделю она переполняется, служа этапом для транспорта ссыльных, больница не устроена отдельно от главного здания. Последнее, весьма важное, неудобство хотели устранить два года тому назад, но все отложено до введения в действие тюремной реформы, которая, таким образом, доселе только повредила киевской тюрьме. Комитет об устранении этого зла был впервые собран Чертковым на другой день по прибытии моем в Киев.

Прослушав архитектора, я пошел к Победоносцеву, куда одновременно со мною приехали Юзефович и Ригельман; последний довольно ступшеван и бледен, но первый весьма любопытен; ему 79 лет и, несмотря на то, он бодр, крепок, болтлив без усталости; разумеется, больше говорил о себе и своих заслугах, доказывал, что своим изданием «Архива Ю[го]-Западной Руси» он доказал, что более 800 теперешних польских именитых фамилий чисто русского происхождения, а о 200 выяснил даже обстоятельства их перехода в ка-

толицизм и ополячания. Рассказы его продолжались за полночь, причем Победоносцев изнемогал от усталости, а Юзефович под конец стал рассказывать вторично те же истории, как, напр., что он подал государю записку о том, что напрасно хотели пропустить на памятнике тысячелетию<sup>76</sup> Николая Павловича<sup>77</sup>, Иоанна Грозного, Державина, что он лично и близко знал Пушкина, который все свои значительные произведения писывал осенью, когда дурная погода заставляла его сидеть дома, и т. п.

16 [октября]. Четверг. В 11 часов приезжает ко мне ректор университета Феофилактов, тихий, скромный старичок, заботящийся, кажется, прежде всего о том, чтобы сложить с себя ответственность. Приписывает теперешние университетские волнения неуместной словоохотливости путешествующего Сабурова, за каждым словом коего студенты зорко следят. Некоторые из его распоряжений также осуждает. Напр.: Сабуров испросил высочайшее соизволение на то, чтобы совет рассмотрел ходатайство какого-то негодя-студента о допущении его к переэкзаменовке на третий год, в чем и после того советом было отказано. Волнениям и сходам Феофилактов не придает серьезного значения, говоря, что все это исходит от меньшинства и молодых студентов, тогда как старейшие их удерживают. Требования их заключаются в следующем: 1) устройство в стенах университета бюро, которое рекомендовало бы студентов лицам, желающим иметь домашних учителей; причем основанием рекомендации должна служить степень претерпеваемой студентом нужды; 2) право сходок; 3) право жениться (в этом действительно напрасно сделано графом Толстым ограничение, которое они, впрочем, постоянно обходят, требуя на несколько дней выдачи документов о своей личности); 4) распоряжение своею библиотекою безотчетно; 5) право иметь свою кассу, которую они, впрочем, негласно имеют теперь, чего не отрицают в неофициальных разговорах с самим ректором. Покуда мы разговаривали, приехал испр[авляющий] долж[ность] инспектора, прося ректора вернуться в университет; вскоре, однако, ректор снова ко мне заехал, чтобы сообщить, что он пошел на сходку и все усмирил, обещав студентам, что неподписанная ими записка с изложением их требований будет им передана попечителю, и они будут уведомлены о том, что с запискою сделает попечитель.

Визиты. Прокурору окружного суда, которого не застал дома, и корпусному командиру Ванновскому, который провел такие тяжелых семь месяцев при цесаревиче в последнюю войну<sup>78</sup>. По его словам, Киев – открытый город, ни с какой стороны не защищен, потому что крепость, выстроенная при Николае Павловиче<sup>79</sup>, лишена

всякого значения, надо строить отдельные форты, но выстроен покамест лишь один. В Киеве шестьдесят четыре роты гарнизона, но только шесть из них имеют хорошее помещение. Зайдя взглянуть на приготовления в нанятой мною квартире, отправляюсь обедать к Победоносцеву, который у себя в гостинице дает обед начальству и профессорам духовной академии; всего 35 приглашенных. Победоносцев говорит им несколько слов очень удачно о том, что наука не должна быть кичлива, а доступна, и не отталкивать, а притягивать неученого, что теперь привыкли все развивать и распространять, а лучше заботиться о том, чтобы сосредоточивать и углублять. Ему отвечает архиерей Михаил, который высказывает надежду, что свою задачу они свершат при его помощи. Архиерей этот, умный русский мужик, высказывает весьма оригинальную мысль, что духовенство имеет мало влияния на народ не потому, чтобы его просвещение было недостаточно, а, напротив, потому что свойство и направление его образования отчуждают его от народа; много этому содействует и роскошь, особенно в Юго-Западном крае, крестьянин ненавидит попадью, которая ходит в шелковых платьях и курит папироски. В разговоре Михаил меня спрашивает, между прочим, о том, что пашковцы и редстокисты<sup>80</sup> составляют две различные секты. Свое юго-западное духовенство винит во многом и просит меня обо всех злоупотреблениях уведомлять непосредственно его. После обеда заходит ко мне Победоносцев и, между прочим, рассказывает, что слышал от бердичевского исправника Бунина, что он получил поручение наблюдать за Игнатьевым, проживающим в имении около Бердичева, и стараться найти что-либо предосудительное в частной жизни его самого и семейства. В 8 ч. разговор, весьма продолжительный и любопытный, с членом крестьянского присутствия Богославским, типом русского чиновничьего деятеля на польский счет. Он выставляет мне, как огромную заслугу, что он и его сверстники выделили крестьянам вместо 900 т. десятин 1500000. И за это присудили ссуду от правительства вместо 60 мил. всего 30 мил. По его собственным словам, ведение хозяйства невозможно вследствие запутанности владения крестьян и помещиков, разверстание между ними угодий не последует никогда иначе, как по принуждению, с новою потерей для помещиков. Мужик не верит больше ничему, кроме собственных надежд, убедившись по опыту, что надежды эти или, скорее, притязания, лишены справедливости, осуществляются самым незаслуженным образом; помочь этому можно только неуклонною твердостью. Сельское самоуправление никуда не годно, но Богославский думает, что оно улучшится по мере распространения

просвещения. О мировых посредниках, на вопрос мой: «Какие они люди?», отвечает: «Никакие», т. е. вполне бесцветные искатели выгоды. Отвергает пользу введения уездных крестьянских присутствий. В итоге очень доволен деяниями людей своего кружка, а, по всей вероятности, еще более доволен тем, что получил в собственность казенную землю, что начинает обращать его в консерватора.

17 [октября]. Пятница. Прокурор суд[ебной] палаты Загоскин встречается у меня с доктором тюрьмы, изображающим санитарное ее состояние в весьма мрачном виде. Делаю визит Голубцову, от которого ничего особенного не слышу, исключая разве того, что деканом в университете избран проф. Антонович, который в настоящее время живет в Цюрихе у друга своего, предводителя революционной партии Драгоманова<sup>81</sup>. Вечер провожу с другим членом крестьянского присутствия, Зехтенем, который также давно служит здесь, но смотрит на дело гораздо бесстрастнее и бескорыстнее. Он особенно интересен по еврейскому вопросу, пробыв шесть лет в Бердичеве председателем мирового съезда и коронным предводителем<sup>82</sup>. Говоря об уклонении евреев от воинской повинности, предлагает не позволять ни одному еврею подавать какие-либо прошения без удостоверения об отбытии воинской повинности, что, разумеется, повело бы лишь к многочисленным подлогам. Между прочим, весьма интересен его рассказ о следствии, им произведенном по вопросу о падиках<sup>83</sup>, всемогущественных властителях над признающими их группами евреев.

18 [октября]. Суббота. Свидание с председателем контрольной палаты, который обещает полное содействие, получив о том письмо от Сольского. Разговор с Раевским, который предлагает учреждение двух полицейских губернских мест: одно – для безопасности, а другое – для народного здоровья и вообще благоустройства; первое – исключительно из чиновников, второе – из выборных с правительственным председателем. Доказывает необходимость упразднения генерал-губернаторской должности, составляющей одну лишнюю инстанцию, в пользу коей Министерство внутренних дел не пожертвовало ни малейшею долею своей власти, и, следовательно, генерал-губернатор – ничего больше, как лишняя пересылочная инстанция.

Иду в крестьянское присутствие, где, после довольно скучного переосвидетельствования рекрут, докладывается возбужденный генерал-губернатором для теоретического разрешения вопрос о том, что в Киевской губернии служит основанием крестьянской собственности: общинное или подворное владение. Нельзя не подивиться и возбуждению такого вопроса, и его постановке. Спорят очень горячо и долго, ни к чему не приходят и откладывают разрешение вопроса до следую-

шего заседания. В 6 ч. обед у Черткова в честь ревизирующего сенатора, причем среди обеда провозглашается тост за мое здоровье, а я отвечаю тостом за здоровье любезной хозяйки, которая все категорически возвращается в разговоре к вопросу о ревизии, причем мои шуточки и попытки перейти к дамскому разговору остаются тщетными. Во время обеда подламывается ножка стола, которому угрожает крушение, но все оканчивается довольно благополучно. После обеда переходим в гостиную, часть которой, отделенная колоннами, составляет кабинет хозяйки дома; в эту часть удаляются Ольга Ивановна, Михаил Иванович и ревизирующий сенатор, а остальные приглашенные лишь издали смотрят на это трио. Надутость и важничанье Черткова поистине комичны, особенно рядом с вульгарностью его жены, которая постоянно употребляет слова вроде «ерунда» или «Сабуров в дурных драпах», т. е. небогат, и т. п. Выйдя из генерал-губернаторского дома, иду пешком с Мечниковым до его дома, знакоюсь с его женою, пожилою и, по-видимому, почтенною женщиною. Возвратясь домой, принимаю некоего Дыновского, заведывающего делами многих крупных землевладельцев в крае. По его словам, крестьянское дело вступает теперь в новый фазис; за окончанием административных распоряжений по устройству крестьян и расстройству помещиков, отношения этих двух классов переходят в руки вновь образованной в крае судебной власти, которая, не будучи знакома с ходом крестьянского дела, обязана будет руководствоваться исключительно уставными грамотами и выкупными актами, все же, исходившее от посредников и крестьянский присутствий, написано так, чтобы как можно более спутать отношения и забросить вопросы, разрешение коих должно возбудить в крестьянах новые притязания, несогласные с справедливостью. Напр., у графа Браницкого находится на землях много прудов, выкупными актами предоставлено крестьянам право на них водопоя, мельницы же, дающие значительный доход, принадлежат Браницкому, земли, смежные с прудами, отведены крестьянам, вследствие того суды отдают крестьянам в собственность озера, а это в имениях Браницкого составляет 100 т. р. дохода и никогда не входило в намерение Главного комитета по крестьянскому делу. Другой вопрос, по его мнению, требующий неотложного разрешения, — это вопрос о чиншевиках. Это повторяют все, с тою разницею, что одни хотят быстрейшей экспроприации помещиков, а другие — признания их свободными от обязанности держать чиншевиков. Дыновский доказывает необходимость введения земских учреждений и, подобно всем, кого я здесь видел, видит в них спасение от произвола и неурядицы.

19 [октября]. Воскресенье. Обедня в Софийском соборе, архиерейское служение; прихожу в 10 ч., застаю обедню уже начатою, ухожу

после 12, когда поют «Отче наш». Возможно ли ожидать от прихожан, чтобы они стояли на месте три часа и более. Церковь полна, но народ постоянно входит и выходит. Благодаря превосходной погоде делаю с Шидловским отличную прогулку, наслаждаемся восхитительным видом на Заднепровье, где какие-то счастливицы оглашают воздух ружейными выстрелами, заходим в лавку Балабухи, где находим громадные цены, оставляем карточки председателю казенной палаты.

После обеда разговор с управляющим контрольною палатою Борисовым, получившим от Сольского предписание мне помогать. Прочитав часть инструкции, относящейся к финансовому управлению, Б[орисов] находит весьма возможным слияние акцизных управлений с казенными палатами, причем считает необходимым освободить казенные палаты от части лежащих на них обязанностей, напр., ведение народной переписи, зачет рекрутских квитанций; вместе с тем Б[орисов] считает нужным во многом упростить делопроизводство, и в особенности отчетность палаты. На вопрос мой о том, какое вообще большое место здешнего управления, советует повидаться с графом Бобринским, что подкрепляет меня в намерении поехать в Смелое.

20 [октября]. Понедельник. Освободившись немного от служебных разговоров и не будучи еще завален жалобами, которым, кажется, доступ до сих пор весьма искусно преграждается здешним начальством, принимаюсь за письмо к жене; в это время входит Победоносцев, вернувшийся из Житомира, где, по собственному его показанию, духовенство из рук вон плохо; передаю ему и письмо к жене, и письмо Каханову, в котором сообщаю затруднительность сношений моих с Чертковым. Ему дано от Лорис-Меликова [понять], что это не ревизия вверенного ему управления, а нечто вроде правительственного исследования о нуждах края, все губернские власти подчинены ген[ерал]-губ[ернатору], и в нем сосредоточивается управление, жалоба на управление, значит, есть жалоба на него, а он поставлен выше моей ревизии. Мне приносится жалоба на то, что человек по ошибке выслан из Киева, я должен отвечать, что я тут ничего не могу сделать, для чего же я приехал? И теперь жалоб мало, а тогда и совсем не будет. В тюрьме происходят безобразия в санитарном отношении, я тоже поставлен в необходимость молчать? Окончив свои письма, делаю визит Борисову на краю города и убеждаюсь, что мое инкогнито не существует более, околоточные и городские отдают мне честь. Захожу к П. А. Кочубею, которого не застаю дома. Перед дверьми своего отеля встречаю члена крестьянского присутствия Зехтена и, пригла-

сив к себе, прошу набросать о главных сторонах, долженствующих обратить внимание при ревизии крестьянских учреждений в уезде.

После обеда заходит Раевский, вот сущность его мыслей. И в губернии, и в уезде разделить полицию на полицию безопасности и полицию, так сказать, хозяйства, первую отдать, конечно, исключительно правительственным агентам, вторую – земским выборным под председательством коронного представителя, уездные учреждения уничтожить, на месте сделать административною единицею волюсть, опять с правительственным надзором, полицейские управления с привлечением жандармских средств можно, пожалуй, ввести и теперь, но не уничтожая губернских правлений, а предоставляя им оканчивать множество пустых, стародавних дел, репрессивные против поляков меры сохранить неприкосновенными, потому что поляки сильны по-прежнему и ждут лишь случая или восстать против р[усского] правительства, или каким бы то ни было способом добиться присоединения к Галиции с дарованием им автономии, на том же основании, как Венгрия<sup>84</sup>. По уходе Раевского захожу к Победоносцеву, у которого опять застаю Юзефовича.

21 [октября]. Вторник. Застаю у отъезжающего в это утро Победоносцева викарного архиерея Михаила, выслушиваю между ними любопытный разговор. Посетовав на личный состав духовенства и в особенности священников, на то, что они не знают Священного Писания, а некоторые читают его разговорным языком<sup>85</sup>, Победоносцев переходит к вопросу о раскольниках, жалуется на то, что в высших административных петербургских сферах никто об этом вопросе не имеет понятия, что прокуроры считают правильным преследовать в уголовном порядке лишь тех, кои принадлежат к вредным сектам, т. е. хлыстов и скопцов<sup>86</sup>, и даже хлыстов не всегда причисляют к вредным; при этом Победоносцев рассказывает, что намерен поручить Субботину составление краткого очерка истории и учения раскола для того, чтобы вразумить высших государственных сотоварищей своих. Простившись с Поб[едоносцевым], перехожу на свою новую квартиру, в доме Гудим-Левковича, просторно, чисто, светло; изумляюсь, как мой Александр Владимиров успешно распорядился; делаю по соседству визит сначала Юзефовичу, а потом Черткову. Разговор с ним очень тяжел, натянут; заикаюсь о тюрьме и выслушиваю от него длинный рассказ, оканчивающийся тем, что ничего нельзя сделать, так как башню в крепости может отдать только военный министр, которому Чертков об этом и представляет, переделки могут последовать только весной; при этом ссылается на свидетельство прокурора окружного суда Островского о том, что он редко выдывал такую провинциаль-

ную тюрьму. Не настаивая, я перехожу к вопросам внешней политики, говоря, что для меня она важнее внутренней, упоминаю о слышанном мною от гр. Капниста, приехавшего из Парижа (я забыл внести сюда его разговор). По словам Капниста, нам угрожает великая опасность войны со стороны Пруссии. Бисмарк неоднократно высказывал своему другу князю Орлову (со слов коего Капнист, разумеется, и говорит), что он желал бы иметь у себя за спиною довольную, спокойную Россию, что он надеялся, что турецкая война и содействие, оказанное при этом России Пруссией, удовлетворит нацию и даст Пруссии того мирного соседа, которого Бисмарк желал; вместо того неудовольствие в России весьма велико и выражается все усиливающимся ворчанием газет. Газетам в России не придают значения, но Бисмарк не может поступать так, во-первых, потому что ясно испытал значение прессы в европейской политике, во-вторых, потому что видел, как газетные статьи раздули болгарский вопрос и втянули Россию в войну<sup>87</sup>. Еще весьма важное обстоятельство в сношениях наших с прусским правительством составляет то, что Бисмарк не видит в рядах нашего правительства того, что он называет *ein leitender Staatsmann*<sup>88</sup>, а иметь дело прямо с императором Александром II довольно затруднительно для всякого, не исключая Бисмарка, с которым наш государь обходится почти как со своим генерал-адъютантом. Притом Бисмарк любит заключать не платонические, а деловые союзы, а между тем какие же он может делать дела с нашим Министерством иностранных дел. Князь Горчаков, выживший из ума старец, почти поселившийся в теплых краях, да и ничем, кроме чтения грязных романов, более не занимающийся, его товарищ Гирс, запутанный, бездарный чиновник, думающий только о сохранении своей квартиры и жалованья, постоянно сопровождает государя в путешествиях или крымском пребывании, бегая за приказами к Милютину и занимая еще долж[ость] дир[ектора] Азиатского д[епартамент]а. Какое же тут министерство? Прибавить к тягости подобного положения нашей внешней политики, что на Францию мы несколько рассчитывать не должны. При последнем проезде в к. Константина Николаевича чрез Париж президент Гриви заявил ему, что ни Франция, ни ее правительство ни малейших побуждений к войне не имеют, что обладание Эльзасом и Лотарингиею для них не важно, а важно развитие сил и обогащение, которому война помешает. В. к. К[онстантин] Н[иколаевич] передал этот разговор Капнисту, который составил об этом протокол и отправил его в Ливадию. Бисмарк это, разумеется, очень хорошо знает и на случай войны с Россией держит наготове часть Лотарингии, которую даром отдает Франции, или даже ограничится тем, что вовлечет их в переговоры об уступке и продер-

жит в этих переговорах в критическую минуту, а потом, когда пройдет нужда, то во всем откажет. В подтверждение всего здесь написанного Чертков повторил мне со слов Лорис-Меликова, что Катакази подал ему записку, в которой доказывал, что Пруссия и Австрия решились будущего весною объявить войну России. Выйдя от Черткова на свежий воздух, захожу в лавочку к жиду, торгующему старинными вещами; он, разумеется, уже знает, кто я такой, и заводит речь об угнетении, в котором евреи находятся. Торговать он не имеет права сам, поэтому купец 1-ой пильдани выдает ему прикащикье свидетельство, за которое берет с него 110 р., тогда как оно ему обходится 45; за паспорт еврей платит 10 р., которые посылает в кагал; кагал тратит половину денег на добывание паспорта, а половину откладывает в общие суммы. По улице всякого еврея в Киеве постоянно останавливают полицейские чины, требуя с него предъявления паспорта, если у него нет паспорта в кармане, то его немедленно тащат в полицейский участок, но если есть паспорт, то и тогда с него берут деньги под предлогом какой-нибудь неформальности. На главной улице – Крещатике – еврей может сделать таких 5 или 6 встреч, одну вслед за другою, и потому он не показывается на больших улицах и смыкается по переулкам, где менее вероятности встретить полицейского чиновника<sup>89</sup>.

Отобедав с своими сослуживцами, просиживаю вечер дома, раскладывая книги и бумаги.

22 [октября]. Среда. В 9 часов приезжает ректор университета, с которым уговариваюсь ехать в университет в субботу в 10 ч. утра; время самое благоприятное, потому что студенты подали заявление о своих нуждах, которое и препровождено попечителем к министру, заявление само по себе довольно дерзко и детско; за подачею этого заявления, для них не представляется никакого основания о чем бы то ни было ходатайствовать или с чем бы то ни было обращаться ко мне. Вслед за ректором приезжает управляющий акцизными сборами, который доказывает невозможность соединения акцизных управлений с казенными палатами в виду обширности и значительности акцизного дела по Киевской губернии. Потом являются две дамы, просящие о разрешении петь малороссийские песни на благотворительном концерте, разговор принимает гоголевский оборот<sup>90</sup>. Жандармский полковник Новицкий приезжает рассказывать о своих заслугах; убедившись из собственноручного его списка высланным за политические проступки в полной его безграмотности, поручаю ему написать соображения его об обращении жандармских полковников в губернских полицмейстеров. Надеюсь, что эта рукопись повлияет на взгляд в этом отношении графа Лорис-Меликова. Заходит весь-

ма уважаемый здесь доктор Меринг, который владеет значительными поместьями и пространно говорит о затруднительности или просто невозможности хозяйничать самому, так что поневоле приходится отдавать все в руки евреев. Крестьянин охотнее имеет дело с евреем, потому что в случае судебного спора судья будет снисходительнее к мужику, чем к еврею, а еще больше потому, что и до суда дело никогда не дойдет, а все кончится водкою. На днях Меринг ехал из одного имения в другое, еврей нанял для переезда крестьянина, который дорогою внезапно остановился на том основании, что его рядили ехать в деревню Малые Будянцы<sup>01</sup>, а теперь он видит, что от него требуют везти до Больших Будянцов, что составляет 20 верст разницы при той же плате. Во время этих объяснений еврей преспокойно молчал и сворачивал папироску, которую и подал мужику, со словами: «А ну?», мужик ухмылялся, закурил и поехал далее, не говоря ни слова. По словам Меринга, отношение крестьян и помещиков спутаны донельзя, а мировой судья или мировой посредник всегда расположены решить дело в пользу крестьян. На днях у Меринга прорвало плотину, крестьяне воспротивились починке этой плотины, потому что по выкупному акту вода принадлежала Мерингу, но земля под водою должнаствовала принадлежать крестьянам, о чем дело пошло в крестьянское присутствие. После Меринга является Мечников, который, между прочим, рассказывает, что недавно был в деревне у [графа] Льва Толстого, который готовится роман из жизни декабристов; для этого он рылся в московских архивах, и это расследование так его заинтересовало, что он, продолжая разбирать дела, и преимущественно судебные, восходя все дальше и дальше, добрался до времен Петра Великого, которого, разумеется, страшно критикует, что вполне отвечает, впрочем, его взгляду на исторических деятелей, высказанному в романе «Война и мир». Отпустив словоохотливого, но часто повторяющегося Юзефовича, отправляюсь с Мечниковым сделать визит ректору, погода отличная. Мечников высказывает мысль, что Лорис-Меликов, при всей своей ловкости, не имеет под собою достаточно твердую почву и не может удержаться; на Каханова набрасывает подозрение в великом себялюбии и двуличии; о Черткове отзывается как о круглом дураке; пеняет на прокурора судебной палаты Загоскина, который не умел себя поставить, а отошел с первого раза на задний план благодаря своей уклончивости и молчаливости. Вечером сидит у меня товарищ прокурора судебной палаты князь Ливен, который, по-видимому, умный и весьма порядочный человек, но недавно здесь и потому мало может помочь делу ревизии; прошу его высказать мнение по пунктам, вставленным в инструкцию Министерством юсти-

ции. Ливен придает особенное значение пересмотру Уложения о наказаниях, приписывая неправильность действий присяжных тому, что судьи не имеют довольно простора в применении наказания; между прочим, рассказывает прием, сделанный ему Чертковым, который ему сказал, что видит с удовольствием, что судебное ведомство подает руку администрации, что администрацию часто напрасно винят, что притом несчастные чиновники иной раз получают такое ничтожное вознаграждение, что их нельзя винить за взятки. Ливен очень остроумно заметил ему, что, конечно, нельзя винить судебных чинов, если они не подают руки администраторам последней категории.

23 [октября]. Четверг. Попечитель приезжает со списком требований, заявленных студентами: во всем этом слышится голь и нищета. Университет превратился в реальное медицинское училище, где учатся бедняки в надежде заработать кусок хлеба; конечно, такое положение состоит в связи с общественным преобразованием целой России, но от этого далеко до высшего образования. После попечителя приходит Зехтен, член крестьянского присутствия, приносит слишком добросовестное объяснение на жалобу какого-то негодяя; повторяю ему просьбу указать главные пункты, заслуживающие внимания при обревизовании крестьянских учреждений в уезде. Продолжительный разговор с губернатором Гессе. Относительно постройки причтовых помещений рассказывает, что не так давно ему досталось по наследству имение в Веневском уезде Тульской губернии; приехав туда, он увидал священника, собственноручно пахавшего землю, оттуда он проехал в Васильковский уезд, где в первый же день его чуть не сшиб с ног священник, мчавшийся на четверке серых цугом, причем крестьянин, при этом находившийся, на вопрос о том, кто это, отвечал, что это отец Роман едет на сенокос. Говоря о разверстании помещичьих и крестьянских земель, без которого немыслимо улучшение в хозяйстве, Гессе рассказывал, что ему случалось самому слышать, как генерал-губернатор Безак, отправляя посредников, говаривал им: «Но смотрите, чтоб разверстаний не было, а то уволю». Теперь приходится пожинать плоды этой безрассудной политики. После завтрака исполняю обычную пешеходную прогулку и, зайдя в неизвестную мне местность, спрашиваю о дороге прохожего, артиллерийского офицера, который предлагает мне идти вместе и дорогою горько жалуется на Черткова, который сажает под арест на две недели офицера, если встретит его без перчаток, а иметь перчатки, да еще чистые, обходится дорого. После обеда приезжает ко мне доцент Пихно, редактор газеты «Киевлянин», начинает разговор с того, что надо бы в видах усиления

русского местного элемента облегчить крестьянам способы приобретения земли, затем указывает на необходимость организовать группу людей, которые служили бы оплотом против украинофильства, а за сим, разумеется, горько жалуется на положение свое относительно местной администрации, рассказывает, что некто Щербина, написавший статью о положении в тюрьме, б[ыл] немедленно вызван к губернатору для внушения, а между тем тюрьма такова, что на днях в нее было заключено на короткое время 8 человек, прикосновенных к мало преступному делу о браке юноши, не достигшего 18 лет; все 8 человек умерли тифом. Сегодня умер тифом инспектор врачебной управы, добросовестно исполнявший свою обязанность.

В 10½ часов иду на вечер к Черткову, который принимает по четвергам, застаю чиновную аристократию, упивающуюся чаем из рук Ольги Ивановны. Ч[ертков], сам в расстегнутом сюртуке, без эпюлет, расхаживает по комнате. Разговаривая, спрашиваю его между прочим, не хочет ли он, чтобы в случаях более важных я обращался с бумагою прямо к нему, а не чрез правителей канцелярий, но он отвечает, что у него нет ничего сокровенного для Раевского и что он у себя не оставляет никакой бумажки. В этом я, впрочем, и не сомневался. Поговорив с Ольгою Ив[ановною] и выслушав несколько пошлостей, ухожу домой в 11½, когда еще не все съехались.

24 [октября]. Пятница. Разговор с начальником жандармского железнодорожного округа, который доказывает невозможность соединения своего управления с общею полициею. Поручаю ему составить на эту тему записку, а также представить мне дело высланного по их расследованию мальчика Лика. Разговор с Гессе о поездке в Канев, Черкассы и т. д. Неудовольствие губернатора на независимое положение жандармов, глухой ропот против Ч[ерткова], но еще сдерживаемый неуверенностью, чем все это дело ревизии кончится; намек на то, что исправники назначены помимо его Чертковым. Гудим-Левкович, чиновник по особым поручениям, здешний помещик, рассказывает, что готовит к сельскохозяйственному съезду реферат на тему устройства отношений помещиков к крестьянам без вмешательства чиновников и обязательного выкупа; обещает мне сообщить особую для меня об этом записку. Прогулка по чудной погоде.

Вечер у Юзефовича. В маленькой комнате, уставленной шкафами и увешанной портретами, местные аристократы мысли делят Европу и критикуют Бисмарка, я стараюсь удаляться в разговоре от всяких современных вопросов и рассказываю анекдоты из прошлого, что сопровождается большим успехом. Юзефович показывает мне три письма Бальзака за время пребывания его в Киеве.

25 [октября]. Суббота. В 10 ч. университет. Обхожу сначала все помещения коллекций, кабинетов, собраний, клиники и пр., потом присутствую на лекции пр[офессора] Незабитовского по международному праву, речь идет о значении государственной территории и идет довольно вяло, темно, неудовлетворительно. Свиданье с председателем казенной палаты, отъезжающим в уезды; прошу начать объезд с Умани, где мои чиновники на днях приступят к ревизии. После обеда заходит товарищ прокурора Дурново, чтобы рассказать, что арестованные лица были указаны из Петербурга и что один из них – убийца Жиркова; его узнали, потому что он рыжий и постоянно кусает ногти.

Продолжительный разговор с городским главою Эйсманом; сущность сказанного им. Городское управление затруднительно по недостатку людей, средства города весьма ограничены, потому что обязательные расходы так велики, особенно тяжел расход на полицию, которая прескверна, и расход на квартиры для войска, надо бы строить казармы и легко можно было бы, если бы Военное министерство соглашалось на возведение деревянных построек, которые даже были бы целесообразнее; к этому надо прибавить, что нет гарантии, чтобы вследствие возведения казарменных зданий не была увеличена численность гарнизона. Главная жалоба Эйсмана направлена против евреев; от них угрожает Киеву большая опасность; в близком будущем они овладеют Киевом, злоупотребления их по отбыванию воинской повинности невыносимы для христианского населения и почти неотвратимы вследствие злоупотреблений полиции.

26 [октября]. Воскресенье. После обычных занятий с сослуживцами, разговоров и завтрака осматриваю Царский дворец, весьма разумно и скромно построенный; вид на Днепр поистине восхитителен. Разговор с управляющим удельною конторою, в заведывании коего по Киевской губернии находится 100 т. десятин, а в целом округе – 250 т. дес[ятин]. Удельное ведомство, получая выкупные платежи, достигающие цифры 50 мил., закупило имений на 19 мил., но в последнее время приостановилось покупкою. В Киевск[ой] губ[ернии] куплены имения Браницких по 30 и 35 рублей за десятину, когда теперь десятина стоит более ста рублей. О чиншевиках говорит, что за двенадцатилетнее управление он сам размножил их число, но теперь при заключении договоров называет их арендаторами, а не чиншевиками. У него их 6000 дворов, но вопрос упрощается тем, что они владеют почти исключительно усадебною землею, а при желании получить землю полевою совершают договоры на всю отдаваемую им землю. После обеда собрание профессоров юридического факультета на квартире у ректора<sup>92</sup>. Всех больше говорит

Кистяковский, представляющий либеральную часть, прочие весьма небойки и недалеко ушли от учителей гимназии. Вопросы, о коих идет речь, касаются преимущественно университетского быта, ничего особенного не слышу, укрепляется во мне убеждение, что русские университеты близки к училищам и что вопрос о насущном хлебе играет первую роль; этому поможет только поднятие экономического уровня всей страны. Забыл записать разговор с Ворониным.

27 [октября]. Понед[ельник]. Весь день пишу письма для отправления их на следующий день с особым посланным в Петербург. Один из городских мировых судей, убоясь ревизии, вознамерился лишиться себя жизни, но еще схвачен прежде исполнения этого намерения; кажется, впрочем, что он полуумный. Разговариваю с старшими своими сотрудниками о том, как из формального бумажного материала извлекать ответы на вопросы «особого наставления». Член крестьянского присутствия Богославский докладывает о произведенной им ревизии Уманского уезда, в который мы отправляемся. Получаю от Каханова депешу такого содержания: «Письмо читали вдвоем, следует действовать на точном основании сенаторского полномочия, нисколько не стесняясь при необходимости доводить о делаемых затруднениях подлежащему министру для всеподданейшего доклада; в случае таких фактов, как тиф, можешь требовать сведения, давать свое мнение и в случае неисполнения немедленно официально сообщать министру по принадлежности». Я отвечал, что конфликта производить не намерен, чтобы не подвергаться их петербургским случайностям разрешения. Во всякой другой местности, не генерал-губернаторской, я бы просто предложил губернскому правлению, а здесь я должен высказывать свое мнение и доносить министру, я не чиновник особых поручений и поступать таким образом не буду.

28 [октября]. Вторник. Докончив свои письма и отправив их с человеком, нарочно для сего отправленным в Петербург, иду на парходную пристань, где в сопровождении четырех своих чиновников – де Росси, Щировского, Шидловского и Воскобойникова – сажусь на пароход и спускаюсь до Канева. Приходим сюда в 7 часов вечера; на пристани ожидают мундирные власти, которых отпускаю до следующего дня.

29 [октября]. Среда. В 9 ч. приезжает назначенный от правительства предводитель дворянства Селецкий, еду с ним вместе в воинское присутствие, где представляются посредники: Капнист, который обещает прислать мне в Киев записку о проделках духовенства в с. Пшеничниках, а также несколько приговоров о разделе запасных земель, достающихся обыкновенно волостному старшине и его при-

ятелям; другой посредник, Абаза, по-видимому, плох; от него получаю лишь обещание прислать три дела о выделе крестьян из общества; доктор констатирует факт, что крестьяне начинают охотнее обращаться к медицинской помощи; акцизный ничего, кроме своих контрольных снарядов и фискальных выгод, не знает, и знать не хочет. Осмотрев миниатюрную больницу, довольно чистую и поместительную тюрьму, принимаю по одиночке мировых судей, причем один из них, каж[ется], Фогель, обещает прислать записку о неурействах городского управления, известного ему по прежней его службе городского головы; выходя из съезда мировых судей, вижу двери собора открытыми и священника в облачении, ожидающего меня; вхожу в собор и выслушиваю продолжительное приветствие на ту тему, что здесь колыбель русского христианства, что в Каневе бывали государи, но не бывало сенатора, что мое присутствие довершает реформы и т. п. Узнав, что священник не отличается добросовестностью и бескорыстием, отвечаю ему, что очень счастлив находиться в месте колыбели р[усского] христианства, что реформы, произведенные государем, весьма велики и важны, но что основу успеха их составляет, конечно, христианская религия и добросовестное исполнение священниками обязанностей своих в отношении паствы, нуждающейся в руководителях больше, чем прежде, что такое добросовестное исполнение пастырями обязанностей своих, быть может, важнее самой сенаторской ревизии. Покуда я говорю, гораздо пространнее, чем здесь написано, церковь наполняется народом, и я незаметно для самого себя делаюсь проповедником. Заглянув в школу и арестантский дом для мировых судей, возвращаюсь на пароход и в 12½ часов продолжаю плаванье до Черкасс, куда приезжаем в 4 ч. и находим на берегу толпу народа, а также и начальствующих лиц. Во время этого плаванья имею довольно характерный разговор с несколькими матросами, которые оказываются крестьянами соседнего имения князя Воронцова и, зная, кто я, как будто невзначай начинают разговаривать о тягостях своего положения, заключающихся, по их мнению, в недостатке земли; недостаток происходит от того, что земельный надел дан был отцу, которому теперь 75 лет, у отца четыре сына, и у сыновей есть дети; по их мнению, каждому члену семьи следовало бы давать вновь земли. На мой вопрос, откуда ее взять, отвечают, что у их помещика земли много и что царю надо только приказать, что, во всяком случае, следует помещику их запретить продавать землю евреям, которые перепродают землю с барышом тем же крестьянам, а приказать продавать землю прямо им, крестьянам. Тут же двое из мещан г. Черкасс жалуются на то, что городской голова мошенничает при отдаче с торгов городских земель, крестьяне горько жалуются на своих волостного

старшину и писаря, а в заключение утверждают, что при крепостном состоянии было гораздо лучше. В Черкассах беру экстренный поезд и в шесть часов прибываю в м. Смелое к графу Владимиру Алексеевичу Бобринскому, который в первый же день после обеда рассказывает мне и спутникам моим прелюбопытные подробности о той необыкновенной неурядице, среди которой приходится жить. Не только нет единства власти, но полный разлад и взаимно противодействие между всякими правительственными агентами.

30 [октябрь]. Четверг. Чудесный день и богатая охота; в первый загон убиваю двух волков, и одного огромного; вечером опять продолжительная и весьма интересная и оживленная беседа. В 9½ ч. приезжает князь Лопухин-Демидов.

31 [октябрь]. Пятница. Утром охота, но весьма неудачная; по всей вероятности, вчерашние волки разогнали диких коз. После обеда осматриваю обширные и блестяще действующие сахарные заводы в Смеле. По отзыву Бобринского, наши свеклосахарные заводы, удовлетворяя теперь всей народной потребности на сахар, служат доказательством полезности разумного применения покровительственной системы.

1 ноября. Сильный снег, почти вьюга, охота опять малоудачна, мне удастся, однако, дуплетом убить наповал одну козу и ранить другую, убегающую с довольно сильным кровотечением. Отобедав у Бобринского, сажусь в 9 ч. в вагон и переезжаю в Шполу, при сильном дожде. Пред самым отходом поезда полицейские власти арестуют человека, намеревавшегося подбросить мертвое тело под колеса локомотива.

Трехдневное пребывание мое в Смеле много доставило мне и приятного освежения после моего двухнедельного довольно тяжелого киевского пребывания, много принесло пользы и самому делу моей ревизии. Бобринский — человек, каких весьма немного среди нашего общества. Его умственные способности, т. е. сметливость, проницательность и т. п., я не назову выходящими из ряда, но в нем замечательна необыкновенная стойкость убеждений, прямота, честность, искренность и при этом настойчивость в труде. Жизнь его прошла в неутомимой работе по этому самому имению Смеле, и можно сказать, что исключительно своим трудом он создал обширное состояние для своих племянников. Точно так же почтенна и его общественная деятельность. По окончании курса в Петербургском университете он служил столоначальником и секретарем Петербургского губернского правления, потом уехал в деревню, а когда началась Восточная война<sup>93</sup>, то в 1854 г. пошел юнкером в гусарский полк, состоя ординарцем кн. Горчакова, выдержал Севасто-

польскую осаду, потом попал во флигель-адъютанты к нынешнему государю, имел разные поручения и, бывши весьма молодым, был сделан министром путей сообщения; министерский пост он оставил потому, что не захотел исполнять приказание государя об отдаче постройки железной дороги лицам, покровительствуемым княжною Долгоруковою. Выйдя в отставку, он поселился в деревне, продолжая усовершенствовать хозяйство. Я не видал его со времени выхода его в отставку, т. е. около девяти лет, и был очень изумлен тем, что он так мало постарел. В разговорах с глазу на глаз он сообщил мне много весьма и весьма интересного. Прежде всего, взгляд его на положение дел в Киевской губернии далеко не розовый. Всякого рода законодательные и административные произвольничания пошатнули прежний порядок вещей, во многом несовершенный, но твердый, и взамен его создали что-то неопределенное, смешанное, спутанное, отсутствие всякой власти и, в большей части случаев, безответственность и безнаказанность.

В конце сороковых годов Бобринский был черкасским предводителем дворянства, Д. Г. Бибииков б[ыл] киевским генерал-губернатором; он был умный человек и, не вдаваясь в большие подробности, основывал свое управление на предводителях, которые и наблюдали по возможности за нравственностью служебного персонала. Со времени несчастного Польского восстания 1863 г. и безаковского<sup>94</sup> управления страной все изменилось совершенно. Крестьянам отдали то, о чем они не мечтали и на что не имели никакого права, власть помещика разрушена в корне, ее заменила власть мирового посредника, мирового судьи, исправника, суд[ебного] следователя – все лиц, пришедших со стороны, пришедших исключительно под влиянием себялюбивых целей, людей, равнодушных к этой местности, не связанных с нею никакими узами; во взаимных их отношениях царствует великое смешение, возбуждаются вопросы о подсудности, измышляются тонкие различия юридических понятий, малодоступные пониманию не только крестьянина, но даже и самого помещика; все эти власти, с присовокуплением многих других, действуют крайне разнообразно, а направления в смысле единства направления, которое они могли бы получить если не из Петербурга, то из Киева, Чертков, по ограниченности ума своего, им дать не может. Он стоит исключительно на прямолинейной субординации и правильном шествии бумаг; согласно с этим каждому, кто вздумает к нему обратиться, он отвечает: «Вы нарушаете порядок, идите к становому, становой – к исправнику, исправник – к губернатору, а губернатор доложит мне, тогда все будет в порядке». Таким ответом он себя не компрометирует. Недавно гр. Владислав Браницкий просил государя о разрешении передать жене своей в пожизненное владение

имение Белую Церковь; так сказать, для соблюдения административной вежливости приказано б[ыло] спросить согласие Черткова, который не замедлил спустить дело по административной лестнице, исправник явился к Браницкому, получил тысячу рублей, и высоч[айшее] повеление последовало. Заехав в Смелу, Чертков просил Бобринского сказать ему неофициально, берет ли исправник что-либо с сахарного завода, Бобринский сказал ему, что исправник получает столько-то в треть. Доехав до соседней станции, Чертков сменил исправника; результатом было то, что новый исправник немедленно явился на завод и вытребовал свою треть, которую на этот раз и пришлось заплатить вдвойне. Таких рассказов о глупости Черткова скопился у Бобринского порядочный запас. О губернаторе Гессе, пользующемся весьма двусмысленною репутациею, Бобринской мне говорил, что его давно бы прогнали с места, если бы он не был сыном повивальной бабки, принимавшей нынешнего государя при рождении!

Независимо от этих, т[ак] с[казать], местных рассказов, Б[обринский] сообщил некоторые весьма любопытные подробности из своей прошедшей карьеры. Говоря о государе и выражая к нему глубокую привязанность, он замечал, что его всегда поражало некоторое легкомыслие этого человека и вообще поверхностность. Вот тому примеры. Во время Польского восстания кн. Долгоруков, шеф жандармов, призывает Бобринского и объявляет ему, что государь намерен послать его в Варшаву – к гр. Бергу, Одессу – к Коцебу, Киев – Анненкову и Галицию – к Менсдорфу-Пульи для объединения их действий. Б[обринский] выразил свое удивление, как относительно трудности задачи, неопределенности способов действия, так, в особенности, затруднительности давать советы австрийскому правителю. Долгоруков отвечал одно, что государь сам выразит свою волю; действительно, Б[обринский] был призван к государю и из уст его получил то же самое приказание. Услышав имя Менсдорфа-Пульи, генерал-губернатора в Галиции, Б[обринский] не мог не выразить своего удивления, но государь отвечал ему: «Почему ты удивляешься, ведь это тот же вопрос». Тогда Б[обринский] спросил, извещен ли [о] его путешествии князь Горчаков, а также наш посланник в Вене. «Нет, но это и не нужно», – отвечал государь. Б[обринский] промолчал, объехал русских генерал-губернаторов, но, разумеется, к австрийскому не поехал. По возвращении его в Петербург никогда ни о каком Менсдорфе-Пульи не было речи.

Осенью 1870 г. Бобринский, быв уже министром путей сообщения, получил приглашение явиться в Царскоесельский дворец; приехав, он узнал, что под председательством государя будет собран совет для

обсуждения предположения об уничтожении Россиею Парижского трактата<sup>95</sup>. Заседание началось краткою речью государя о важности вопроса, после чего кн. Горчаков прочитал несколько выписок из депеш Бейста за 1864 г. и отзывов нескольких госуд[арственных] людей Англии о невозможности для России продолжительного подчинения таким унижительным условиям. Все министры молчали. Б[обринский] решился спросить, существуют ли подписанные договоры между Россиею и другими державами относительно уничтожения Парижского договора и кто будут наши союзники в случае войны. Государь отвечал: «Да ведь ты слышал, что говорил кн. Горчаков», и затем, осенив себя крестом, благодаря Провидение, которое помогло ему свершить такое великое дело, закрыл заседание, попросив безусловной тайны от всех присутствовавших, во избежание биржевой игры, при чем пристально смотрел на кн. Горчакова. В вагоне на обратном пути сидел морской министр Краббе, который, по привычке своей произносить грубые ругательные слова, шутил с Б[обринским] о том, что он в самом деле серьезно считал себя государственным министром. Чрез несколько дней после этого любопытного заседания Рейтерн решился написать письмо к Горчакову, прося, чтобы при уничтожении Парижского трактата говорилось лишь о Черном море, а не упоминалось об отторгнутой от нас части Бессарабии; письмо это было доложено государю, который одобрил его содержание, и вслед за тем, когда Б[обринский] пришел к государю с докладом, то государь сообщил ему об этой прибавке к заседанию, в котором он, Бобринский, говорил.

Не менее любопытно описание заседания Совета министров по представленной военным министром записке о введении всеобщей воинской повинности. Объемистая печатная по этому вопросу записка была разослана в понедельник утром с приглашением на заседание совета в четверг. Б[обринский] отправился к тогдашнему премьеру Шувалову, чтобы переговорить о невозможности изучить столь сложный вопрос в такое короткое время. Там он нашел Палена и Тимашева, приехавших с тою же целью; разумеется, разговор кончился ничем, потому что государь не допустил бы такого заявления. По заведенному порядку министры, кроме обычных своих занятий, провели понедельник утром в Государственном совете, а вторник – в Комитете министров, оставалась среда для изучения этого значительного и для всех их нового дела. Заседание началось с того, что государь обратился к Милютину, который отвечал, что записка была разослана присутствовавшим и что он ожидает возражений; после нескольких минут тягостного молчания гр. Шувалов решился заговорить о том, что предложения военного министра о народном ополчении сход-

ствуют с постановлениями о французской национальной гвардии и что он, Шувалов, желал бы знать, отвечают ли эти предположения воле е[го] и[мператорского] в[еличества]. Государь очень изумился, что есть что-то подобное в проекте, и просил Милютину отвечать, Милютин сказал, что если гр. Шувалов заявляет о каких-нибудь по сему неудобствах, то это может сделаться предметом особого обсуждения, и в этом отношении, не особенно существенном, могут быть произведены перемены. После новой паузы Рейтерн решился сказать, что он желал бы знать, предрепает ли настоящее обсуждение принципа о всеобщей воинской повинности финансовую сторону дела, т. е. размер издержек на вооружение, обмундирование, передвижение, содержание настолько умножившегося количества войска; на это ему министр военный отвечал, что вопрос этот остается открытым. Как ни странным мог показаться такой ответ, но после нескольких минут молчания государь опять перекрестился, благодаря Провидение за окончание такого важного дела, и совет разъехался.

При вступлении Бобринского в управление Министерством путей сообщения он скоро заметил, что ему приходилось докладывать государю весьма вздорные бумаги. Для одного из своих докладов он собрал исключительно пустейшие дела и, окончив доклад этого вздора, сказал государю, что по всем этим пустякам у него не было и предварительных занятий с директорами департаментов, а просто в это же самое утро ему принесены были эти бумаги, он их заучил и повторил государю их содержание; вследствие этого Бобринский просил позволения не утруждать на будущее время подобными пустяками внимание императора. На это последовал такой ответ: «Non, mon chér, je vous demanderai de continuer, car de cette façon j'apprends quelquefois des choses qui ne seraient pas arrivées jusqu'à moi»<sup>96</sup>.

Во время высочайших проездов по железной дороге Б[обринский] во всю ночь не спал и смотрел по сторонам дороги, чтобы убедиться, что соблюден предписанный порядок; при этом он нередко видел, как столпившиеся по дороге крестьяне во время прохождения поезда становились на колена, снимали шапки и крестились. Все это происходило ночью, когда никакое начальство их видеть не могло. Оставляя министерский пост, Б[обринский] рекомендовал на свое место Абазу или Баранова, но государь по рекомендации Шувалова взял графа Алексея Павловича Бобринского, с которым вскоре расстался, и притом весьма недружелюбно и даже невежливо.

2 ноября. Воскресенье. Проспав в Шполе с большими удобствами, выезжаем на другое утро в 10 ч. и приезжаем в Умань около девяти вечера. Дорогою звенигородский исправник, по-видимому,

весьма порядочный человек, выдерживает в коляске расспрос, из которого явствует, что он завален самою пустою перепискою, на которую должен тратить часть своего жалованья, весьма ограниченного, в том же положении находятся становые, урядников сколько-нибудь порядочных набрать почти невозможно, будущности, карьеры для исправника нет никакой, чтобы исполнять дело в действительности, а не на бумаге, он должен иногда прибегать к мерам, не вполне законным; так, напр., при взятии евреев на военную службу он запирает их в арестантскую при полиции, потому что иначе они все разбегутся, и тогда он же будет отвечать за то, что их упустил. Отпустив исправника для пользы службы, так как в этот день в Шполе начался призыв, заменяю его становым, но этот оказывается отвратительным по нравственному впечатлению существом. На границе Уманского уезда встречает седовласый казак, довольно любопытного типа, на днях назначенный Чертковым. В Умани находим де Росси и Щировского, обревизовавших тюремный замок и недовольных проделками зрителя. Квартира мне отведена у старого аптекаря-ростовщика, который с первого же слова заявляет жалобу на решение Сената и, получив в ответ, что это превосходит мою власть, немедленно исчезает и заменяет свое подобострастие разного рода сетованиями.

3 ноября. Понедельник. Сотрудники мои принимаются за ревизию полицейского управления, а я принимаю местных чиновников, начиная с председателя окружного суда и кончая участковыми полицейскими приставами. На мое замечание одному из мировых судей, что лесничие жалуются на недостаточность наказаний, налагаемых за порубки, и председатель съезда, и мировой судья восклицают: «Помилуйте, В[аше] п[ревосходительств]во, ведь порубщик платит вдвое и втрое против цены срубленного, что для крестьянина очень тяжело». По их мнению, кажется, следовало бы взysкивать цену срубленного со скидкою соразмерно бедности крестьянина. Лесничий жалуется, что у мир[овых] судей дела лежат по месяцам, а между тем обвиняемые продолжают порубки. Все, кому удастся коснуться духовенства, отзываются о нем крайне дурно. После завтрака осматриваю Училище садоводства и земледелия с превосходным садом, устроенным Потоцким в начале столетия. Грустно смотреть на остатки изящного труда, постепенно уничтожающиеся без всякой пользы, почти без всякого удовольствия для людей, могущих оценить этот труд и им насладиться. Какой-то чиновник М[инистерства] г[осударственных] и[муществ] продолжает культивировать ананасы, разведенные Потоцким, под предлогом выгодной для казны продажи; в теплицах, служащих учебным для школы пособием, стоит, между прочим, мраморная статуя

Аполлона, которую пьяный офицер разбил саблею за то, что она не отдавала ему чести. Тут же хранится в жалком виде бронзовый бюст Трембецкого, воспевшего сад Софиевки<sup>97</sup>; бюст сделан в Петербурге в [18]27 году. Погода восхитительная, местность восхитительная, много для нее сделало Провидение и весьма мало – Петербург, проедающий то, что отсюда собирают. Я забыл упомянуть, что при приеме думы я спросил голову о доходах и расходах города, на что он не в состоянии был отвечать. На вопрос мой, что городское самоуправление сделало на пользу города, он отвечал мне, что представило ходатайство о сложении недоимок. За обедом председатель окружного суда рассказывает, что дом для суда нанят был пять лет тому назад, что за все это время производилась плата и только в нынешнем году здание это понадобилось, что в будущем 1881 году истекает срок контракта и таким образом за полтора года заплачено 20 т. рублей; между тем, в городе стоит пустым большое здание, когда-то служившее монастырем, после – казармою, а теперь ненужное Военному министерству, потому что Милютин выдвинул всю кавалерию на границу. Здание передано М[инистерст]ву юстиции, но для приспособления его к помещению суда ровно ничего не делается.

4 ноября. Вторник. В 10 часов приходит мировой посредник Домашнев, отставной гусарский офицер, служащий посредником с 1863 года. По продолжительной его деятельности в этом крае сказанное им не может не заслуживать внимания. Вот в главных чертах сущность его мнения. Крестьяне бесспорно богаты, и лежащие на них платежи для них необременительны, крестьяне не идут ни на какие посторонние заработки, не идут даже работать на сахарные заводы, не имеют никаких промыслов и исключительно занимаются хлебопашеством; тем не менее, положение бывших казенных крестьян завиднее положения крестьян бывших помещичьих, потому что последние получили подворный надел и при умножении членов семейства размер подворного надела остается один и тот же, тогда как казенные крестьяне получили душевой надел и при умножающихся семьях каждый член семейства мужского пола получает четыре десятины на душу; конечно, придет время, когда и этому положению придет конец, т. е. когда не будет более земли, подлежащей раздаче, но положение это отдаленно, а покамест страдают вдовы и сироты женского пола, лишающиеся всего, несмотря на то, что их отцы и мужья уплачивали выкуп за свою землю. Нередко, по свидетельству посредника, к нему приходит женщина с тремя или четырьмя дочерьми и не уходит с его крыльца по целым суткам, не зная, куда деваться. Иной раз удается общество уговорить, чтобы

оно выделило что-либо подобной несчастной, но общество делает это по снисхождению, и принудить его к тому посредник не имеет права. Малоросс ненавидит общину, общинную собственность; он стремится обособить свою собственность, и даже в одной семье каждый женившийся сын спешит выстроить отдельную хату и завести отдельное хозяйство. Примеров выделения из общества до сих пор было немного, вследствие трудности для крестьянина разом внести всю выкупную ссуду, причитающуюся на его долю. Недалеко от Умани есть крестьянин, выкупивший свой надел, получивший его особняком и ведущий свои дела блестящим образом. Крестьянское управление идет плохо, потому что на сходах влияют горланы, крикуны, большею частью пустые люди; устранение неисправных плательщиков немного изменило бы теперешние порядки, недоимщики и теперь играют мало роли, им зажимают рты словами: «Молчите, мы за вас платим». Для усиления здорового контингента следовало бы лишать на определенное время права участия в сельском сходе крестьян, подвергшихся наказаниям по суду мировому или волостному. Волостные старшины и писаря, конечно, злоупотребляют своею властью, но сами крестьянскою землею не пользуются; зато почти каждый волостной старшина имеет землю от помещика в виде взятки; конечно, с выбытием его из должности он немедленно лишается и земли. Одно из главных крестьянских бедствий составляет конокрадство; бывают примеры, что крестьянин, особливо отбывший службу волостной старшина, наживший врагов честною деятельностью, лишился постепенно сорока или пятидесяти голов скота, т. е. окончательно разорялся. Воровство происходит преимущественно осенью, во время праздников и сопряженного с ними пьянства, воруют пьяницы, негодяи-мужики, которые в одну ночь угоняют скот за 50, 60 верст и продают пару лошадей за три рубля жиду, и ускользают постоянно от преследования судебной власти. Ненависть населения к конокрадам такова, что их нередко замучивали до смерти, вешая, например, вверх ногами и предоставляя каждому мужику дать обвиняемому удар палкою до воспоследования смерти. Конокрадов высылают административно по приговорам обществ, и таких ссылок за последние 5 лет было более двухсот; примеров высылки за другие проступки не было. Убеждение крестьян о том, что рано или поздно им отдадут помещичьи земли, всеобщее и непоколебимое. Акцизное управление всячески потворствует развитию кабаков, содержимых всегда евреями чрез подставное лицо, получающее за то известную сумму. Волостной суд дурен донельзя, приведение к присяге судей при вступлении их в должность, по мне-

нию Домашнева, усилило бы их добросовестность. Позавтракав с председателем окружного суда, который, по-видимому, очень боек, отправляюсь с ним вместе осматривать отданное военным ведомством под окружной суд весьма обширное здание, вмещавшее некогда базилианский монастырь, что-то будет в нем помещаться после суда? Осматриваю еще тюрьму и больницу, находящиеся в довольно жалком состоянии; потом делаю большую прогулку пешком, погода чудесная, солнце, тепло. После обеда разговор с председателем мирового съезда, который весьма давно служит в этом крае. По его мнению, главнейшие бедствия происходят от упадка нравственности в населении, разнузданность в теперешнем поколении составляет реакцию прежней суровости. Молодое поколение не воспитывается никем, так как священник помышляет исключительно о наживе, а рядом с ним еврей преследует ту же цель другими путями, он заводит в деревне кабак, в который всякий мальчишка тащит все, что может стянуть из отцовского хозяйства, там же у еврея он научается всякому разврату, а в особенности лжи, что доказывается лжесвидетельством и клятвопреступничеством на суде. Попадая по судебному приговору в тюрьму, он окончательно портится в этой школе разврата и выходит оттуда готовым для неукоснительного следования карьеры преступника. Поляков он считает окончательно примирившимися и не представляющими политической опасности, потому что они убедились, что для них возможно существование только в союзе с Россиею (?). Прогулка по чудной лунной ночи.

5 [ноября]. Среда. Являются исправник и предводитель. Первый — донской казак-старик, который ни о чем понятия не имеет, второй (Каменецкий) не только говорит глупости, но еще, по слухам, и взвточничает. Осматриваю городское училище, где ученики и ученицы смотрят забитыми и весьма плохо отвечают на вопросы, особливо на уроке Закона Божия, причем старик-священник говорит такой вздор, что противно слушать, смотритель, явившийся в мундире, настаивает на том, что все идет отлично, рассказывая тут же, что в нынешнем году обязан был отказать в принятии 120 ученикам за недостатком помещения. В духовном училище в двенадцать часов ученики уже распушены, и я присутствую лишь на уроке пения; причем ученики исполняют весьма удовлетворительно какой-то сложный концерт. Возвращаюсь домой и, чувствуя себя нехорошо, остаюсь целый день дома.

6 [ноября]. Четверг. Воинский начальник, болезненный, но, по-видимому, весьма порядочный человек. По его мнению, хотя евреев и приходится брать, но из них солдат никогда не сделать; в нынешнем году их поступление б[ыло] исправнее, потому что в прошлом

году не было сделано евреям никакого снисхождения и взяты были льготные по числу не оказавшихся нельготных; впрочем, и при полном поступлении евреев на военную службу они весьма скоро с нее возвращаются под тем или другим предлогом, так, напр., из сданных в прошлом году 36 в течение года 28 были под разными предлогами возвращены домой, весьма многие приходили действительно больными, повредив здоровье свое навеки благодаря какому-нибудь фельдшеру. Преобладающее влияние над христианами он, воинский начальник, приписывает тому, что евреи с малолетства учатся, и учатся усердно в своих школах, тогда как русским, благодаря регламентации Министерства народного просвещения, невозможно в умножении школ конкурировать с евреями. Говоря о своих воинских обязанностях, утверждает, что склад, вверенный его попечению, есть нелепость, потому что вещи испортятся прежде, чем пойдут в употребление; он, пятый уже год, хранит десять тысяч аршин сукна, мучит своих солдат выветриванием этого сукна и знает, что делает это напрасно. Вслед за воинским начальником входит чиновник генерал-губернатора Гудим-Левкович, присланный будто бы для обследования действий председателя съезда, который мошеннически обманул крестьянина, выманив у него деньги. Между прочим, Гудим-Л[евкович] рассказывает, что нынешнею осенью был в Киеве француз Тиссо, написавший книгу «*Voyage dans le pays des milliards*»<sup>98</sup>. Он рассказывал, что на австрийской границе собирают много войска и к весне закупают много фуража. После завтрака присутствую при ревизии уездного казначейства и выношу отсюда самое приятное впечатление: несколько скромных чиновников, получающих в совокупности менее 4 т. р. жалованья, собирают около четырех миллионов ежегодно, хранят значительные ценности, ведут пресложную бухгалтерию и почти не представляют в целой империи примера злоупотреблений; вот как действует учреждение, исторически сложившееся и разумно веденное. Покуда я сижу в казначействе, мои сотрудники ревизуют съезд мировых судей и приходят в ужас от оказывающихся там беспорядков. Пред обедом вызываю предводителя, который продолжает хранить дорожную, квартирную комиссии, уничтоженные законом 1874 г. Комитет о натуральных повинностях уничтожен пред самым моим приездом в октябре месяце. Вызванный по тому же вопросу исправник отвечает, что ничего не знает, причем довольно забавно говорит, между прочим, следующее: а) что у его помощника нет хорошего руководителя в голове и что он подозревает его в сумасшествии; б) что относительно поднадзорных пристава доносят ему, но что он бросает эти

донесения в печку, вместе с другими получаемыми им вздорными делами; в) что у него есть секретные дела, которые он не счел себя вправе дать ревизирующим чиновникам и т. п. Вечером приходит еще раз Гудим-Левкович говорить о крестьянском вопросе и о приготовляемом им реферате об уничтожении сервитутов. По его мнению, можно бы уничтожить право общей пастбы скота независимо от разверстания или неразверстания угодий. Об общей толоке рассказывает, что когда у П. А. Кочубея в Полтавской губернии крестьяне не хотели разверстаться, то Кочубей пустил на общий выгон 5000 овец, которые не оставили никакого корма крестьянскому скоту, так что на следующий год крестьяне умоляли размежеваться.

7 ноября. Позавтракав с своими сослуживцами, в двенадцать часов сажусь в коляску и по превосходнейшей погоде приезжаю в 10½ ч. вечера в Шполу. Дорогою обедаю в Тальном у Шуваловых, которые в настоящее время находятся в Крыму.

8 ноября. Спокойно проспав ночь в Шполе, выезжаю отсюда в 9½ и в 12 приезжаю в Корсунь. Лопухин встречает меня на станции. Самый дом с архитектурными претензиями на замок выстроен недавно умершим князем Лопухиным, братом любовницы императора Павла, которой и он, и отец его обязаны были и обогащением, и возведением в светлейшие князя. Теперешний князь Лопухин родился Демидовым и получил наследство и титул после смерти дяди; жена его, весьма красивая, теперь уже немолодая бойкая барыня, рожденная Столыпина, живет безвыездно в деревне и занимается устройством денежных дел при пособии Бобринского, которого я застал здесь же. За исключением прогулки по весьма живописно расположенному на реке Роси саду, день прошел в болтовне; причем я насыщался нескончаемых рассказов о Черткове, его глупости, самодурстве и т. п. Горькие жалобы слышатся на священников, в особенности на корсунского, чтобы избавиться от этого безнравственного человека, княгиня Лопухина предложила ему устройство его жилища в другом приходе с расходом в 4 т. р. и сверх того 2 т. р. наличными деньгами, но он, выслушав эти предложения, спокойно отвечал: «Нет, светлейшая, меня сместить и сама царица не может, а если хотите, то раскошелитесь побольше».

9 ноября. Воскресенье. Проводим день на охоте, которая, впрочем, оказывается не очень удачною. Гуляя по лесу, выслушиваю от Бобринского рассказ об обстоятельствах, сопровождавших его назначение и увольнение от поста министра путей сообщения. Бобринскому было поручено объездить некоторые линии железных дорог для исследований злоупотреблений, отчет свой он предоста-

вил государю, которым был передан в Комитет министров и заслужил всеобщее одобрение. Через несколько времени спустя к Бобринскому приехал министр путей сообщения Мельников и с согласия государя предложил ему пост товарища министра, Бобринский сначала выразил удивление, а потом согласился, лишь под условием, чтобы ему дано было время для изучения этого дела. Государь решил, что назначение последует немедленно, но что Бобринскому будет дан целый год для учения, после чего он будет назначен министром. Бобринский решился в видах собственного своего образования отправиться в Америку, но был задержан смертью отца, а тем временем Мельников окончательно перессорился с Рейтерном, не хотел более оставаться, и Б[обринский] назначен был министром. Передавая ему министерство, Мельников сказал: «Если хотите быть полезным нашему отечеству, то безусловно подчиняйтесь Рейтерну, он человек уколобий, ограниченного ума, но честный и желающий строить железные дороги. Не очень останавливайтесь над изучением направления линий и условий концессии, может быть, линия, Вами избранная, не всегда будет наилучшая, но это соображение второстепенное». «Этому завещанию, – говорит Бобринский, – я подчинился и благодаря такому образу действий строил 3000 верст жел[езных] дорог ежегодно; после меня мой двоюродный брат перессорился с Рейтерном, и с этого времени постройка жел[езных] дорог прекратилась. Рейтерн иногда требовал положительно пустяков, но, как скоро это не препятствовало постройке, я на все соглашался. Он человек, который видит весьма ясно, но на весьма короткое пространство, и потому у него выходят иногда заключения весьма недалководные. Напр.: в то время, когда в правительстве возникла забота о развитии горных и железоделательных заводов, то ко мне (рассказывает Бобринский) явилась компания английских предпринимателей, компания весьма серьезная, не требовавшая никаких денежных пособий, но готовая предпринять обширное горнозаводское дело, если министр финансов обяжется не изменять таможенного тарифа в течение десяти лет. Я умолял Рейтерна, но он отказал наотрез, и дело не состоялось. Вообще при отсутствии одномыслящих министров обязанности министра путей сообщения исполнять б[ыло] весьма трудно. Так, напр.: при утверждении годичной сметы министерства государственный контролер находил, что на известных линиях число назначенных мною поездов было слишком велико, и сокращал его, не имея понятия о потребностях движения и торговли. Я ехал к председателю Департамента государственной экономии Чевкину и умолял его поддержать меня при рас-

смотрении сметы в совете, но он отвечал мне, что гораздо проще согласиться с госуд[арственным] контролером и вслед за тем с января войти с представлением о сверхсметном кредите».

Обстоятельства отставки Бобринского особенно замечательны. Для устранения злоупотреблений при исходатайствовании концессий было постановлено в совете, под председательством государя, что на будущее время министр путей сообщения вместе с министром финансов будут рассматривать наиболее выгодные и серьезные предложения и затем вносить свое заключение в Комитет министров. Для двух линий, составлявших в сложности 1200 верст, были сделаны предложения, и по рассмотрении их Б[обринский] остановился на предложении, кажется, Варшавского, ценою, каж[ется], 33 т. за версту. Провожая государя за границу до Вержболова, Б[обринский] стал докладывать ему это дело и поименовал конкурентов, сказал, что считает справедливым отдать тем, кои просят наименьшую цену. Выслушав, государь отвечал, что он желает отдать другому, который просил не 33, а 36 т. Б[обринский] сказал, что, вероятно, неясно выразился и повторил сказанное, но государь ему отвечал: «Да я понял, ты избираешь одного, а я избираю другого». Б[обринский] стал доказывать, что избирает того, который просит дешевле и что это составляет разницу около шести миллионов, но государь, запрошенный княжною Долгоруковою, стоял на своем. Тогда Бобринский сказал ему: «По закону я в качестве министра должен внести это от своего имени, так Ваше величество требует, чтобы я так и сделал?». — «Да, я тебе это предписываю». — «У меня честь одна, и я ее никому не отдам», — был ответ. «Довольно», — закричал разбешенный властелин. Бобринский тотчас по возвращении в Петербург написал государю очень резкое письмо, прося увольнения, но до увольнения должен был вынести еще тяжелую сцену; к нему пришел жид Варшавский, предлагавший цену низшую против той, за которую была отдана постройка дороги, и, узнав от Б[обринского], что постройка отдана не ему, плюнул, сказав: «Так действительно в России нельзя честного дела сделать». С этого времени Б[обринский] видел государя лишь один раз, при проезде его чрез Киев, в начале военных действий, причем Б[обринскому] предлагал вступить на военную службу.

10 [ноября]. Понедельник. Выезжаю из Корсуня в двенадцать часов. За две станции до Белой Церкви в мой вагон входит управляющий графа Браницкого граф Чацкий. О Черткове выражается, сколько может сдержанно, напр., что Чертков очень добрый человек и от него можно многого добиться, но не иначе, как после продолжительного приготовления, неожиданный вопрос производит на него столь сильное впечат-

ление, что он не дает обыкновенно никакого ответа. Прошлою весною супруги Чертковы отправились на пикник в имение Браницких Белую Церковь, не будучи знакомы с хозяевами дома, находившимися в то время в Париже. Жители местечка пришли к Черткову с хлебом и солью, причем жаловались ему, что у них много воров; Чертков не нашел им другого ответа, как только: «Да ведь не я вам их посылаю». Вскоре после отъезда Ч[ерткова] жители стали вытаскивать из жилищ тех, кого подозревали в воровстве, и самоуправно бить их, говоря, что им ничего иначе не остается делать, так как ген[ерал]-губернатор не может их защитить от этого зла. В 9 ч. приезжаю в Киев. Нахожу всех своих сотрудников. Без меня обнаружены сильные беспорядки в крестьянском присутствии. Поручаю Данилову расследование.

11 [ноября]. Вторник. Разговор с прокурором окружного суда, который изумлен свойствами преступности населения, доказывающими страстность и безнравственность, о коих не слыхать в великороссийских губерниях. Губернатор, еще более бесцветный вследствие смутного чувства, что поездка моя по уездам не могла возвысить его в моем мнении. Юзефович-сын, приехавший из Петербурга навещать отца своего, в то время как Д[орис]-Меликов снова отправился в Ливадию, куда повез, между прочим, указ о назначении Юзефовича вице-директором Д[епартамен]та государственной полиции, чтобы иметь возле Велно своего человека. Пробыв здесь несколько дней, Юзефович уже знал, в какое невозможное положение я поставлен Чертковым. Вечером пишу письма на эту же самую тему.

12 [ноября]. Среда. Является товарищ прокурора суд[ебной] палаты Кочуков, который между прочим рассказывает, что в Волынском суд[ебном] округе, который он ревизовал, следственная часть в таком виде, что дела по 10 и 15 лет лежат без движения; в некоторых, и даже важных, делах есть собственные сознания виновных, и все-таки приходится оставлять подобные дела без дальнейшего хода. Говоря об урядниках, рассказывает, что некоторые губернаторы, напр. могилевский, давали им предписания совершать не менее такого-то числа актов в месяц; вследствие того являлись акты, напр., такого содержания: о вкушении таким-то хлеба пред причастием. После завтрака и приема просителей делаю прогулку пешком в Царском саду, а затем слушаю доклад Носова о ревизии казенной палаты. Вечером является гр. Чацкий. Говорит об общей толоке, разверстании и т. п. Ничего нового не слышу.

13 [ноября]. День проходит за чтением бумаг и писанием писем.

14 [ноября]. Пятница. Совершая раннюю утреннюю прогулку, встречаю Черткова, окруженного толпою полицейских агентов.

Идем гулять вместе. Он начинает с того, что говорит: «C'est par exception, que je suis sorti dans la rue, ordinairement je me promené dans mon jardin, comme un lion dans sa cage»<sup>99</sup> (sic). Чтобы сказать что-нибудь о своей поездке и что-нибудь, для него не неприятное, говорю, что всего более жалоб слышал на священников и судебных следователей. О священниках он заявляет мне, что никакие его домогательства никакими последствиями не сопровождаются; о судебных следователях он мне говорит: «Вы, верно, слышали жалобы в Корсуне». Я отвечаю, что, напротив, там очень довольны судебным следователем Гудовичем<sup>100</sup>, а что жалобы я слышал преимущественно от чинов полиции. Поговорив о пустяках, приступаю к существенному. Говорю, что прихожу к окончанию ревизии губернских присутственных мест и затем предо мною ставится другая работа: извлечение из этой ревизии сведений, могущих служить ответами на вопросы «особого наставления». Чертков заметил мне, что он даже удивляется, что я потратил столько времени на формальную ревизию. Я ему отвечал, что, во-первых, я предоставляю полную свободу действий своим сотрудникам, а во-вторых, я и не вижу других источников приобретения для меня сведений. В Киевской губернии выборных учреждений, т. е. земских, дворянских, нет, суды организованы только нынче летом, значит, судебный персонал ничего не знает, к частным лицам обращаться опасно, можно легко подать повод к сплетням и возбуждению умов против непоколебимости генерал-губернаторской власти. Что же мне остается делать? Самый богатый материал, конечно, представляет генерал-губернаторская канцелярия. «Да, — заметил с гордостью Ч[ертков], — даже университет, вознамерившись написать свою историю, должен был обратиться к делам моей канцелярии»<sup>101</sup>. Налегая на значение этого материала, я выразил желание ближе с ним ознакомиться и просил у Ч[ерткова] разрешения взглянуть на реестры дел, в его канцелярии находящихся. Такое заявление чрезвычайно озадачило Черткова; он задумался, мы шли нога в ногу, как два жандарма из песни Надо<sup>102</sup>, и я благословлял судьбу, что объяснение это происходит не в комнате, а на открытом воздухе; быв поставлен в необходимость смотреть Черткову в глаза, я, может быть, расхохотался бы при виде его забавного смущения. Через несколько минут он отвечал мне, что не считает это возможным. Тогда я предложил ему дозволить, чтобы один из моих чиновников, явясь в канцелярии, сделал выписки, которые могут мне понадобиться. На это он также отвечал положительным отказом, заверяя, что готов мне сообщать все сведения, какие мне вздумается иметь, предлагал мне заявлять ему о таких требованиях

по определенным вопросам, выражая намерение по каждому такому вопросу присылать мне для словесных объяснений своего правителя канцелярии, который, рассказав мне, в чем дело, будет представлять и нужные бумаги. Я, разумеется, не отвечал ни да, ни нет, стал разговаривать о другом. В конце разговора мы расстались с внешними формами полной дружелюбности, и даже, как бы желая оказать мне содействие, в действительности же для того, чтобы иметь шпиона в моем лагере, Чертков изъявил намерение вызвать из Волынской губернии Воронина и отдать его в мое распоряжение.

15 [ноября]. Суббота. Без разговоров, за чтением бумаг.

16 [ноября]. Воскресенье. Сделав визит Ольге Ивановне, которая принимает в этот день, я получил от нее приглашение в театр; принял его с тем большим удовольствием, что таким образом провожу время с нею, а между тем могу не разговаривать. Представление было ужасное. Оффенбахова «Прекрасная Елена»<sup>103</sup>. Сидя между Михаилом Ив[ановичем] и Ольгою Ив[ановною] Чертковыми и вспоминая, в каких различных от этого условиях мне приходилось слушать эту музыку, дивляюсь шутливости судьбы.

17 [ноября]. Понедельник. Проведя день за бумагами, заезжаю вечером к Кочубею, где нахожу парижского Капниста, пользующегося такою незаслуженною репутациею отличного дипломата; он говорит страшный вздор о женском воспитании, а недалекий Репнин довольно неуспешно его опровергает.

18 [ноября]. Вторник. Лопухин-Демидов заезжает взять письмо к жене, пакет довольно объемистый. Л[опухин]-Д[емидов] видел кн. Семена Воронцова и Шуваловых, приехавших из Крыму. Положение дел критическое, я разумею — дел семейных, которых нельзя отделять от государственных. Цесаревич и цесаревна приехали в Ливадью, имея от государя обещание, что княжна Долгорукова будет по-прежнему жить в своем доме, вместо того они застали ее в комнатах императрицы, в ее спальне, в ее постели. Государь с ними и со всеми приближенными говорит о своей женитьбе как о всем известном факте, разъезжает с княгинею Юрьевою, но при этом, делая визиты княгине Воронцовой, никогда не заикнулся ни о своей женитьбе, ни о своей жене, вероятно, опасаясь какой-нибудь выходки со стороны невоздержанной на язык Марии Васильевны. Были такие случаи, что, смотря с умилением на кресло покойной государыни и указывая на него, он вспоминал о покойной, а в это время на кресле покоился мопс княжны Долгоруковой. Однажды, встретив на прогулке цесаревича и цесаревну, он пригласил их гулять вместе и незаметно привел их в домик княжны Долгоруковой, где они застали ее вдвоём с

Лорис-Меликовым. Показывая цесаревичу и цесаревне этот дом, слабоумный Александр Николаевич остановился пред кроватью княжны и сентиментально сказал: «Voici le lit sur lequel est né Gogo»<sup>104</sup>, т. е. старший из его побочных детей. Манифест о чине, положении и т. д. княгини Юрьевой, как говорят, появится первого января. Ей отводят половину в. к. Сергея и Павла Александровичей с теми гостинными комнатами, которые занимала императрица Александра Федоровна. Подражая этикету прусского двора в отношении княгини Лигниц, ей указано будет на церемониях идти в выходе в самом конце императорского семейства с младшим из в. князей. Все это поднимет жестокую бурю, умножит раздор в царствующем семействе, которое до сих пор беспрекословно повиновалось своему главе. И без этого усложнения довольно было хлопот.

Выслушав после завтрака обычные жалобы «о земле», принимаю старого сенатского сослуживца В. А. Стороженко, который проводит зимы в Киеве и отзывами своими подтверждает более или менее известные мне факты и о Черткове, и о трудностях, сопровождающих успех ревизии. Вслед за Стороженко появляется Чертков. По обыкновению надутый, смущенный, чего-то опасющийся. Я ждал его визита в этот день, потому что, приехав из Умани, был у него в четвертый день после приезда и был уверен, что он отсчитает четыре дня со времени моего посещения и до воследования его контрвизита; я даже предсказал это ближайшим из своих сотрудников, которых оно очень позабавило. Усевшись на диван, Чертков заводит разговор, стараясь подойти к вопросу о сообщении дел из его канцелярии, но я отдаляюсь от этого предмета, не желая испытывать новых отказов и чувствуя необходимость быть особенно предупредительным и сдержанным у себя дома. Мы рассуждаем о политике, о затруднениях, которые возникнут в Петербурге по возвращении из Ливадии и т. п. Наконец он решаетея прямо поставить мне вопрос: «Были ли у меня Раевский?». Я отвечаю, что был. Ч[ертков]: «Он передал Вам все, что у нас есть о православном духовенстве, больше у нас ничего нет». Я: «Мне хочется истребовать из консистории несколько дел». Ч[ертков]: «Вы ничего не добьетесь. Я очень сожалею, что Победоносцев в свое пребывание здесь отнесся ко всему так легко; он только и думал о своих школах, а о злоупотреблениях духовенства, обеспечении его причтовыми помещениями и т. п. он сказал мне, что надо будет когда-нибудь поговорить, но затем уехал». (Дело в том, что Победоносцев не считал нужным говорить с человеком столь ограниченного ума). Говоря о причтовых помещениях, Ч[ертков] повторяет все ту же фразу, что он понимает всю тя-

гость этой повинности для помещиков, что желал бы, если возможно, свести это дело к нулю, но что не может, как Дондуков, класть какое-либо высочайшее повеление под сукно, а считал долгом двинуть это дело, хотя бы и против своего убеждения. Говоря о постройке церкви, Ч[ертков] говорит, что он принял за правило получаемые на это дело деньги расходовать в уездных городах, а не селениях, где постройка должна лежать на владельцах. На вопрос мой, как велик в нынешнем году кредит на церковно-строительное дело, Ч[ертков] отвечает, что цифры не сохраняются у него в памяти и он не может дать мне даже приблизительного ответа. Стараясь избегнуть обвинения в делании ему делового допроса, я по возможности вставляю другие предметы, так, напр., говорю, что слышал о продаже им воронежского имения. Он отвечает, что действительно продал свое родовое имение и главным образом для того, чтобы уплатить долги, лежащие на купленном им в Киеве имении; преследуя свою мысль, он упоминает об имении, продающемся в Уманском уезде, имении гр. Ржевусской. Тут я не удержался и немного подшутил над ним; смолчав при упоминании об этом имении, я чрез несколько минут, когда зашла речь о поколебленном в сознании крестьян понятии о праве собственности, привел в пример это самое имение Подвысокое, относительно коего нынешний уманский председатель мирового съезда г. Даненко хвастал мне, что, быв мировым посредником, при составлении выкупного акта, он, без всякого к тому законного основания, заставил владелицу по окончании всех переговоров подарить крестьянам еще 800 десятин. По счастью для этой помещицы, прибавил я, имение разверстано, как, впрочем, почти все имения Уманского уезда, чем уезд этот обязан исключительно деятельности мирового посредника Кучаева. Чертков крайне изумленно спросил меня, кто такой Кучаев. Я ему рассказал, добавив, что он теперь служит на Кавказе. Относительно поколебленного в крестьянах понятия о праве собственности Чертков утверждал, что это составляет общее явление по целой России, а что здесь если польское землевладение и усилило несколько это неудобство, то весьма немного. Я отвечал, что везде в России реформа произведена сразу, тогда как здесь крестьян и помещиков раздраживали и запутывали через час по ложке. Что член крестьянского присутствия Богославский мне повторял, что крестьянин не может признавать свое положение окончательным, потому что ему постоянно говорилось, что он ничего более не получит, а между тем он постоянно получал что-нибудь вновь, то левяды, то садки, то общие толоки, то прирезки из казенных ферм и т. п. «Я не знал, — наивно отвечал мне Ч[ертков], — что это делалось

понемногу». Переходя к другим вопросам, он также иное сказал довольно наивно, так, напр., говоря о чиншевиках, он спросил меня, не знаю ли я, сколько их в Киевской губернии. И когда я отвечал, что 40 т. и что вопрос этот имеет гораздо более важности в других губерниях, напр. в Волынской, то Ч[ертков] просил меня сообщить ему численность чиншевиков и по Волынской губернии. Вообще и на этот раз он произвел на меня впечатление чрезвычайной ограниченности ума, заботы лишь о соблюдении своего внешнего достоинства и полное непонимание существенных оснований сколько-нибудь успешного управления этим, да и вообще каким бы то ни было, краем. В конце разговора мы расстались дружественно.

19 [ноября]. Среда. Осматриваю Софийский собор в обществе умного протоиерея Лебединцева, который обещает прислать несколько консисторских дел по обвинениям священников. На вопрос мой о том, помнит ли он, как киевский старожила, то время, когда на Екатерининской улице<sup>105</sup> был бульвар с вековыми липами, отвечает, что помнит очень хорошо и что эти превосходные деревья пали жертвою ссоры генерал-губернатора Левашова к фельдмаршалу Сакену. Сакен жил в нынешнем губернаторском доме и любил гулять под тенью этих лип, Левашов, недовольный присутствием в городе лица, старшего по чину, постоянно с ним ссорился и, чтобы ему сделать неприятность, грозил срубить вековые липы, Сакен предварял, что будет защищать их всеми силами. В одну темную ночь деревья были по приказанию Левашева подпилены и на утро свалены оземь. Сакен, окончательно выведенный из терпения, послал своего адъютанта с собственноручным письмом к государю, и Левашов получил приказание выехать из Киева в 24 часа.

Узнав о взяточничестве волынского прокурора окружного суда Шопена, посылаю все, что дошло до моего сведения, министру юстиции Набокову. Вечер за делами.

20 [ноября]. Четверг. Является Воронин, по просьбе моей вызванный Чертковым из Волынской губ[ернии], где, в сущности, не имел никакого поручения. Воронин – пожилой человек, прошедший чуть не двадцать лет в этом крае за крестьянскими делами, слышавший прежде демократом, а теперь будто бы перешедший к крайнему консерватизму; я обратил на него внимание после прочтения его печатных трудов о владельческих городах, трудов, сообщенных мне из Министерства внутр[енних] дел. Поручаю Воронину заняться вопросом о православном духовенстве, сообщая ему, что, конечно, рассчитываю на его содействие и по всем остальным вопросам, для проверки моего взгляда посредством его многолетнего опыта.

Товарищ прокурора судебной палаты Кочуков, вернувшийся с ревизии следственной части в Волынской губернии, подтверждает неблагоприятные слухи о Шопене. Рассказывает, как один исправник, взяв 700 р. за позволение хоронить умершую еврейку, когда конторщик принес ему эти деньги, увидал в бумажнике еще 25 р. и взял и те. На другой день на домах города было написано «700+25». Конечно, коснуться такого дела не даст ген[ерал]-губ[ернатор].

Осматриваю сиротский дом и больницу, которые весьма дорого стоят.

После обеда липовецкий помещик Чарномский. У него винокурный завод, существующий весьма давно; в 1873 г. он получил от министра финансов Рейтерна позволение устроить особого рода снаряд для очищения спирта с правом платить пошлину после очищения, что составляло разницу с прежним около 10%. Такой порядок существует во всей Подольской губернии. В нынешнем году граф Браницкий захотел устроить такой же завод и сослался на пример Чарномского; немедленно получено из Д[епартамен]та неокладных сборов предписание уничтожить на заводе Чарномского существующий там порядок; вследствие такого распоряжения Чарн[омский] закрыл свой завод и прекратил производство, имевшее исключительную целью вывоз спирта за границу. Другие жалобы его направлены на известные уже мне темы: неразверстание угодий, пристрастие посредников и мировых судей, фактическое бессудие в делах рабочих с нанимателями, несправедливое, притеснительное обращение с поляками, делающее невозможным для них жизнь, а тем паче сочувствие к правительству. Вечер у Чертковых без выдающихся приключений.

21 [ноября]. Пятница. Вьюга, не выхожу из дому. Заходит кн. Ливен, рассказ[ывает], что накануне у Чертковых д[олжен] б[ыл] выслушать от Черткова совершенно несправедливые нападения на Лорис-Меликова, с которым Ливен служил в Харькове и которого деятельность одобряет чрезвычайно. Слушаю доклад Смирнова, который оказывается очень толковым человеком; по его мнению, все возбужденные при межевании беспорядки имеют одну причину: ненасытность крестьян и надежда их получить еще и еще поземельные прибавки. После обеда еду к своему старому сенатскому товарищу Стороженко, где нахожу подольского предв[одителя] двор[янского] Крупенского и нажившего миллионный доход Терещенко, от которых, разумеется, сыплются те же жалобы: хозяйство вести нельзя при неразверстании угодий, земледельческая производительность должна падать, с рабочими нет никакой гарантии для исполнения условий,

постройка причтовых помещений разорительна, возбужденные пресою и зачинщиками чиншевики захватывают земли, в надежде, что все захваченное останется за ними, этот пример опасен в высшей степени, потому что может распространиться и на крестьян, попы разбойничают, а их же обеспечивают разорительным для помещика образом, школ не существует и существовать не будет, покуда они отданы на произвол казенных инспекторов.

22 [ноября]. Суббота. Согласно выраженному О. И. Черткового желанию сопровождаю ее при осмотре подведомственных ей благотворительных учреждений. Она, разумеется, ни экономической, ни какой-либо другой стороны существования этих школ и богаделен [не знает], а ограничивается лишь тем, что дает целовать свою руку престарелым жительницам богаделен и вообще важничает тем, что денег на содержание этих учреждений не достало бы, если бы она не собирала подаяний, посылая письма сахароварам, что для жены генерал-губернатора очень нетрудно.

В 4 ч. приезжает ко мне помещик Левандовский, жалуется на решения о чиншевиках, говорит, что чиншевики захватывают земли, надеясь, что земли эти останутся за ними, что в случае, если бы это им удалось, то нет сомнения, что крестьяне захотят делать то же самое, и тогда захваты могут дойти до поголовного восстания. У него, между прочим, в числе чиншевиков поселившийся недавно в имении аптекарь, которому отец Левандовского выстроил на свой счет избу. С раздражением рассказывает о грубости всех чиновников, начиная с генерал-губернатора, который, пренаивно говоря о чиншевиках и посягательстве их на помещичью землю, сказал ему: «Что же делать — это дух времени».

Обедает у меня Шувалов, занятый исключительно вопросами промышленности, сахароварения, железных дорог, сбыта. Рассказывает страшные вещи о Ливадии. Государь окончательно роняет себя в глазах не только близких к нему, но всего народа. Княжна Долгорукая и ее приближенные делают разные денежные гадости; от скуки общество ее наполняется разными дрянными личностями. Цесаревич и цесаревна б[ыли] в ужасном положении. Вот образчик тамошних обычаев. Когда Черевин приехал из Петербурга, то государь спросил его, знает ли он о его женитьбе. Получив отрицательный ответ и выразив удивление тому, что Лорис-Меликов ничего не сообщил ему об этом, г[осударь] прибавил: «То был для меня долг совести, и я никогда в этом раскаиваться не буду. Ты знаешь княгиню?» — «Нет». — «Ну так приходи в четыре часа». Черевин исполнил приказание и застал супругов в гостиной. Государь представил

княгине Юрьевой Черевина как друга покойного брата ее, Сергея. Княгиня Юрьева распространилась в похвалах умершему своему брату и кончила так: «Его жизнь заела» (попросту говоря, он умер от пьянства). Взяв дружески Черевина под руку, государь продолжал восхваления умершему несколько лет назад негодному мальчишке и прибавил: «Не так, как Михаил, этот – отъявленный негодяй».

23 [ноября]. Воскресенье. Г. Жевахов, с которым я познакомился у Стороженки, служивший чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе, а теперь занимающий место правителя дел попечителя учебного округа, рассказывает мне факты, взятые из прежней службы, факты, служащие лишь подтверждением всего того, что я уже слышал. Картина уездной жизни все более и более сводится к тому, что крестьянин, хотя в большинстве случаев и щедро наделенный землею, ведет хозяйство плохо и состояние его ухудшается ежегодно; независимо от волостного старшины и писаря его эксплуатирует еврей, священник, посредник. Вся полиция, высшая и низшая, на откуп у евреев, чиновники, зависящие от произвола назначающей и смещающей их власти генерал-губернатора, думают только о наживе и опасаются исполнять серьезно долг свой, становой знает, кто из евреев – главный укрыватель конокрадов, но опасается тронуть его, потому что слетит с места, а прежде того спорит его дом; к чинам судебного ведомства существует тайная злоба и зависть со стороны административных чиновников, имеющих несравненно более шаткое и зависимое положение, вражда эта, разумеется, отзывается на делах. Пред самым выходом из канцелярии генерал-губернатора Жевахов производил следствие, обнаружившее, что посредник продал за полцены хлеб из запасного крестьянского магазина; опасаясь доносов, он привлек к выгодам от этой проделки станового, местного врача и священника, все они собрались ночью в корчме, перепродали хлеб другому еврею и получили около 5 т. р. выгоды, которую и поделили между собою. Во время производства следствия Жевахов часто заходил к священнику, который щеголял пред ним полнейшим безверием; нередко случалось, что священник этот, большой охотник до чтения газет, зачитывался в воскресенье утром так, что посылал сказать собравшимся в церкви прихожанам, что обедни служить не будет, и воскресное богослужение ограничивалось для них благовестом и чтением часов. Все это Жевахов рассказывал Черткову, но все это, разумеется, осталось без малейших последствий.

Городской голова Эйсман, представивший мне до сих пор одну лишь записку об уклонении евреев от воинской повинности и уклонявшийся от высказывания существенных недостатков и потребностей

городского управления, высказывает намерение поговорить об этом подробнее и просит позволения подготовиться к этому, а время, кажется, было — я здесь живу шесть недель. Эйсман — сам профессор университета, но заявляет, что главный недостаток городского управления б[ыла] трата денег на учебные заведения, и притом вышние. «Я не могу себе представить государства, — говорит Эйсман, — в котором бы все подданные получили высшее образование». Терещенко привозит мне некоторые сведения о капиталах, хранящихся в местных банках и принадлежащих священникам.

Крупенский, подольский будто бы предводитель дворянства, жалуется на производимый теперь вновь почему-то отвод крестьянских земель.

После обеда Попов докладывает мне дело по обвинению тальновского цадика в убийстве, вопрос о возбуждении следствия длился шесть [пропуск у текст], и все кончилось ничем.

Получив от де Росси уведомление, что они еще неделю пробудут в Умани, решаю, не ожидая их возвращения, начать ревизию Бердичевского уезда.

24 [ноября]. Понедельник. Чувствуя себя не совсем здоровым, сижу целый день дома. Вечером разговор с управляющим контролею Государственного банка, который обещает сообщить разные сведения, как финансовые, так и экономические. Кончаю вечер у губернатора на именинах его жены.

25 [ноября]. Визиты: а) Крупенскому, которого жена оказывается очень милою старухой, разговор сосредоточивается на вопросах о воспитании детей; б) Терещенке, которого не застаю в богатом, купленном им от Демидова доме. Пред обедом разговор с Ворониным, который очень смущен тем, что Чертков получил от Каханова телеграмму об отчислении его, Воронина, в мое распоряжение. Обещаю устроить дело так, чтобы он не пострадал после моего отъезда. Толкуем о духовенстве, о чиншевиках, о межевании и пр. Вечером разговор с Доппельмайером, управляющим отделением взаимного поземельного кредита, а также Днепровским пароходством. Его банк выдал 20 миллионов ссуды, не потерял ни копейки и продал лишь три имения, крестьяне стремятся к покупке земли, им следовало бы путем расширения кредита дать возможность приобретать земли вновь, что очень легко, потому что сумма выкупного платежа, остающегося на наделе крестьян, весьма невелика и могла бы служить обеспечением ссуды, выданной для покупки новых земель. В Вольнской губернии были примеры покупки и раздробления таким путем больших имений, но все это делалось чехами-колонистами, а не русскими крестьянами.

Население малороссийское стремится к обособленной собственности, споспешествовать этому – значило обрусить край гораздо более надежным образом, чем это делалось доселе. Настоятельна необходимость устройства подъезжих путей к железным дорогам, Киевская губерния представляется богатою житницей, окаймленною железным рельсовым путем, но до которого весьма трудно добраться из центра, особливо осенью, когда дороги непроездимы. Пароходство по Днепру также в плачевном состоянии, сборы идут неизвестно куда, поступают самым неопределенным образом, река мелеет. Впечатление разговора все то же: богатство природное значительно, а за что ни тронется рука правителей – все портит.

26 [ноября]. Среда. Проснувшись по обыкновению в семь часов, узнаю, что в моей квартире загорелась ночью стена, что огонь вышел на чердак и что я рисковал погореть окончательно. Вызываю губернатора, чтобы разъяснить, почему приказ<sup>106</sup> на принадлежащие ему облигации Главного общества получает бумажные проценты по нарицательной цене, когда они выплачиваются металлическою валютою; Гессе ничего объяснить не может. Посещаю Кирилловские богоугодные заведения, т. е. больницу, богадельню, дом сумасшедших. Последний устроен весьма роскошно, но любопытно знать стоимость. Обед у Гессе. Вечер у Дурново, товарища прокурора судебной палаты, живущего в одном со мною доме. Объяснение с секретарем статистического комитета, из которого оказывается, что у него одна забота – писание годичного всеподданнейшего отчета, но что сведений никаких не собирается, да и средств к тому нет.

27 [ноября]. Четверг. Первый день санного пути. Чтобы отдохнуть от дел ревизии, читаю Leroy-Beaulieu «Traité des finances»<sup>107</sup>, книгу, полную здравого смысла. После завтрака является Чертков. Услышав, что он на меня жалуется за то, что я не разговариваю с ним о серьезных делах, направляю разговор на крестьянское дело и ставлю ему следующие вопросы: а) во сколько он оценивает средний доход крестьянина; б) в какой процент – цифру платимой им подати и вообще налогов; в) как приблизительно велико число рабочего населения, приходящего в Киевскую губернию из соседних; г) есть ли у киевских крестьян отхожие промыслы; д) производятся ли между крестьянами переделы; е) действительно ли пользование землею подворное, а не общинное. На все эти вопросы он отвечает, что не знает и что для таких ответов необходимо целое предварительное исследование, и по обыкновению кончает ссылакою на то, что Раевский по этим вопросам специалист. Вечером заходит ко мне старый мой товарищ по училищу Адам Арцимович. Прослужив некоторое время в Сенате, он

был начальником канцелярии оренбургского генерал-губернатора, потом самарским губернатором, затем, при Головнине, попечителем Одесского учебного округа, откуда вышел в отставку при вступлении в Министерство народного просвещения [Д. А. Толстого]. С тех пор он живет в Подольской губернии в имении жены своей, и рассказы о том, какова жизнь помещика, даже русского превосходительного, в его устах весьма интересны. Разумеется, жалобы касаются одних и тех же предметов. Продажность, произвольничание и безответственность администрации безграничны, суда, справедливости не добиться ниоткуда, крестьяне мечтают об отнятии у помещика земли и от мечтаний нередко переходят к делу, с рабочими невозможно иметь никаких определенных отношений, а, следовательно, и работу вести почти невозможно, духовенство безнравственно и жадно до невероятия, принуждение строить для него причтовые помещения – тяжелое бремя, падающее опять на одного безответственного помещика, который пред всем этим и многим другим должен молчать, под опасением обвинения в политической неблагонадежности, сопровождающейся еще горшкими последствиями. Его рассказы о Черткове подтверждают все, мною слышанное, – та же грубая недоступность, тупое незнание и самодовольство. Недавно к нему приехал некто Грохольский, бывший товарищ Черткова по Конногвардейскому полку; у этого Грохольского крестьяне стали самовольно рубить лес, вывозя ежедневно чуть не по двести возов; Грохольский обращался ко всем уездным властям и, не получая удовлетворения, бросился с отчаяния к генерал-губернатору. Чертков принял его с обычною важностью и отвечал, что Грохольский должен обращаться с жалобами в порядке постепенности. Когда на это Грохольский возразил, что обращался ко всем и ни от кого удовлетворения не получил: «Ну так ступайте к архиерею», – громко сказал Чертков на удивление прочим стоявшим тут просителям.

Подольский губернатор Милорадович, креатура Черткова, т. е. его жены, издал между прочими два таких предписания нынче летом: одно – чтобы все дороги были обсажены деревьями, а другое – чтобы никто не смел начинать работать принадлежащими ему машинами до освидетельствования их губернским механиком. У одного запуганного помещика вследствие этого циркуляра весь хлеб остался необмолоченным. Снисходя по административной лестнице, приведу образчики деятельности исправника и посредника. Исправник, когда Арцимович явился получать присланные ему деньги, 600 р., отдал только 280 р., сознавшись, что 320 израсходовал. Посредник вновь назначенный, некто Кондратьев, прислал старосту разбудить Арцимовича в первом часу с письменным приказанием,

чтобы к пяти часам утра была приготовлена для него, посредника, охота в принадлежащем ему, Арцимовичу, лесе.

28 [ноября]. Пятница. За отъездом Попова, Носова, Есипова, Кауфмана, Петрова в Бердичев, Смирнова и Данилова – в Киевский уезд, остаюсь в Киеве один с Деревицким. Читаю целый день материалы по крестьянскому делу. К обеду приходит Арцимович. Вот некоторые характерные отрывки из его рассказов. А) Когда после Обручева оренбургским генерал-губернатором назначен был Катенин, и он, Арцимович, принял должность правителя канцелярии, то нашел в Оренбурге особую кассу из башкирских сумм, составлявшую более пяти миллионов рублей; деньги эти составляли капитал, находившийся в безотчетном распоряжении генерал-губернатора, причем не было ведено ни малейшей книги или вообще счета этим суммам, которые просто складывались в определенное помещение, пред которым стоял караульный. Катенин был, безусловно, честный человек и нисколько не злоупотреблял этим, завел, конечно, некоторое счетоводство, но Безак, по слухам, сильно черпал в свою пользу в этом тайном роднике. Б) Арцимович, быв самарским губернатором, вводил у себя Положение об освобождении крестьян и окончил дело прежде, чем оно б[ыло] окончено в других губерниях. Приехав в Петербург, он виделся с Валуевым, тогдашним министром внутренних дел, и сообщил ему усмотренные им в положении недостатки, как напр., неудовлетворительность четвертного надела и др. Валуев выразил мнение, что все это следует рассказать государю. Будучи принят государем, он стал на вопрос о том, все ли хорошо, высказывать, что в положении, по его мнению, нехорошо. «Так что же, – сказал недовольный Александр Николаевич, – по твоему мнению, надо переделать положение?» – «Не теперь, – отвечал Арцимович, – а впоследствии придется некоторые его части изменить». – «Я Вам отвечаю, что ничего менять не надо», – сказал разгневанный император и отпустил Арцимовича сухим наклоном головы. Задняя сторона дела была та, что многие нападали на порядок освобождения крестьян, но в совершенно противоположном смысле, считая, что нарушены права помещиков, и государь, слыша отзывы о несовершенстве меры крестьянского освобождения, не разобрал, откуда, из какого лагеря шло выражение неудовольствия, между тем как Арцимович указывал на недостаточность обеспечения крестьян.

29 [ноября]. Суббота. Одесский градоначальник С. Гудим-Левкович, приехавший сюда на несколько дней, сообщает мне весьма интересные сведения, как киевский уроженец и долго служивший здесь – и в качестве дворянского предводителя, и вице-губернатора, и, наконец,

подольского губернатора. Вот сущность его мнения: к несчастью, события [18]63 г. повели к тому, что освобождение крестьян и наделение их землею послужили лишь проводником политических видов, и притом видов не высшего, центрального правительства, а самых низших исполнителей. На первых же порах руководства не было никакого, генерал-губернатор Анненков, хотя и видел, несмотря на свою ограниченность, ложное направление дела, тем не менее бездействовал, а состоявшая при нем крестьянская комиссия под председательством Галагана приказывала каждому посреднику по возможности душиить и уничтожать помещиков, возбуждая против них крестьян; в орудиях для достижения этой цели не было осмотрительности, так, напр., в Киевском уезде долгое время посредником был ссыльнокааторжный Любимов, попавшийся только потому, что подвергся судебному преследованию за двоеженство. Самые почтенные русские люди, как, напр., граф Бобринский, подверглись со стороны крестьянских учреждений самым незаслуженным преследованиям и даже оскорбительным нападкам. Такие порядки не только не приблизили, но отдалили обрусение этого края, помещик, благодаря административному насилию, возведенному ген[ерал]-губ[ернатором] Безаком в политический догмат, поставлен в невозможность хозяйничать, разрозненность и враждебность между крестьянами и помещиками парализуют всякую деятельность, и только весьма мудрая администраторская рука, никак не рука Черткова или Гессе, могла бы облегчить, но не залечить эти недуги, которым не помогут никакие законодательные мероприятия. В 4 ч. принимаю председателя Черниговской межевой палаты Есимонтовского. Из самых его объяснений мне представляется неудовлетворительным и порядок черниг[овского] межевания, и даже, в некоторой степени, ложные его основы. Обед с Арцимовичем и Стороженко. Вспоминаем старые наши сенатские порядки пятидесятых годов. Вечер у Крупенских, где встречаю вернувшегося с сессии окружного суда в Сквире Богданова, который рассказывает, что суд поставлен был в необходимость освободить от наказания двух обвиняемых, признанных виновными по вердикту присяжных. Они обвинялись в убийстве, обвинение было очевидно лишено основания, но присяжные, все из крестьян, произнеся обвинительный приговор, оправдывали это тем, что подобных людей нельзя признать невиновными, когда все знают, что они – завязтые конокрады.

30 ноября. Воскресенье. В 10 ч. приходит С. Гудим-Левкович, толкуем о делах здешней местности, где он долго был и помещиком, и предводителем, и, наконец, подольским губернатором. Не ладив с Ч[ертковым], принял первую открывшуюся губернаторскую

вакансию, даже в Ковне, откуда перешел теперь градоначальником в Одессу. Взгляды его в итоге разделяю, но нахожу его даже несколько слишком доверчивым по отношению поляков. Просматриваем с ним всю свою программу и разбираем каждый из существенных вопросов. Независимо от принципиальных вопросов, он рассказывает некоторые характерные факты, напр., что в Волынскую губернию назначен Подгоричани – за то, что жена его устраивала свадьбу Чертковых, что Милорадович в полтора года выведен из посредников в подольские губернаторы под впечатлением надежды, что он женится на дочери Чертковой, но одновременное расстройство им своего здоровья послужило тому помехою. Очень хорош анекдот, рассказанный Гудимом о ревизии Клушина<sup>108</sup> в Пермской губернии, куда Гудим б[ыл] одновременно откомандирован М[инистерством] в[нутренних] д[ел]. Вот чему он был свидетелем. Приехав в какой-то уездный город, Клушин принимал тамошних чинов и, увидав какого-то уездного врача с необычайно красным носом, сказал ему при всех: «Вы, должно быть, того» и при этом щелкнул по щеке, давая понять, что подозревает собеседника в пьянстве. «А вы, – преспокойно отвечал врач, указывая пальцем на лоб, – должно быть, того», так что все присутствовавшие это и слышали, и видели. С остальными представлявшимися Клушин б[ыл] в этот день вежливее.

Прокурор суд[ебной] палаты Загоскин не поддается на мое внушение о праве прокурорского надзора возбуждать против чиновников судебное преследование, как скоро обвинение подходит под 1101 ст. Уст[ава] уч[реждений] суд[ебных]. Ссылаюсь на свое любимое решение по делу Пересыпкина, постановленное на основании данного мною в качестве обер-прокурора 1-го Д[епартамен]та заключения. В Волынской губернии исправник ворует, об этом печатают в газетах, это достоверно известно прокурорскому надзору, прокурор судебной палаты переписывается с губернатором, который или молчит, или дает ему уклонные ответы, а тем временем более и более скрываются доказательства преступности.

Является черниговский предводитель дворянства Неплюев, глава тамошней консервативной партии.

Управляющий имениями графа Браницкого Раковский, пожилой, опытный, умный, умеренный поляк. По его словам: экономическое положение идет к постоянному понижению, причиною, прежде всего, общинное владение, по закону здесь пользование подворное, но во всей приднепровской части идут постоянные переделы, в центральной их нет, конечно, главною виною тому посредники, которые всячески силятся вести дело к общинному устройству; посредники,

исправники, мировые судьи берут, но представители новейших учреждений, по выражению Р[аковского], делают это в более «мягкой» форме, т. е. под видом займа. Взятая таким образом взятка их ни к чему не обязывает, и они при первом встретившемся случае стараются доказать свое беспристрастие тем, что наносят вред тому самому лицу, от которого получили мнимый заем. Примеры мирового правосудия вопиющи. А) На заводе у Браницкого хранитель магазина украл вещи, отданные ему на хранение, вещи у него отняты, и он на суде признал себя виновным. Мировой судья, не зная, как произнести оправдательный приговор, решил, что Браницкие не представили доказательств тому, чтобы давность не б[ыла] пропущена, а потому сознавшегося преступника оправдал. Б) В другом случае крестьяне выстроили мельницу на земле, подаренной им Браницким под условием не строить на ней ничего без его позволения. Новая мельница, разумеется, немедленно потопила стоявшую выше мельницу Браницких. Мировой судья отказался от рассмотрения вопроса о нарушенном владении на том основании, что выстроенная крестьянами мельница ценою превосходит компетентность мирового суда; съезда, куда принесена на это жалоба, в течение полутора года под разными предлогами откладывает рассмотрение дела, а между тем мельница Браницких, служившая доказательством подтопа, сгорела или, вероятнее, была подожжена. Раковский считал бы необходимым допустить в среду мировых судей, хотя бы и в значительном меньшинстве, местных помещиков, которые, не имея перевеса при решении дел, тем не менее оказывали бы нравственное влияние на своих товарищей. В Волынской губернии граф Пален назначил почетных мировых судей из местных помещиков, и там мировая юстиция идет несравненно лучше, без жалоб на какие-либо политические неудобства. Р[аковский] жалуется на паспортные стеснения, особливо по изданным ген[ерал]-губ[ернатором] временным правилам. Завод стоит в Таращанском уезде, на границе Сквирского уезда, и крестьяне, живущие в одной версте от завода, для того, чтобы на нем работать, должны получить паспорт от вол[остного] правления, лежащего за 90 верст, о каждом рабочем, вновь поступившем на работу, заводчик должен сообщить за 45 верст становому. Таким стеснениям несть числа.

Помещик Модзелевский приблизительно повторяет те же жалобы, обещает сообщить мне подробные сведения о правилах страхования скота в Царстве Польском, а также нормальные бюджеты крестьянского хозяйства в Каневском уезде. Говоря о восстании [18]63 г., источнике всей теперешней неурядицы, все поляки повторяют одно, что слабость русской администрации была такова, что

здравомыслящие поляки видели в этом уловку, чтобы придавить их, поляков. Р[аковский] был в то время управляющим у Бобринского и хорошо помнит, как приехавший к нему из Чигирина исправник рассказывал, что у него в уезде такой-то – кассир Ржонда<sup>109</sup>, такой-то – главный начальник, но что он, исправник, никоим образом не смеет по неимению распоряжений от начальства.

После обеда разговор с товарищем председателя о [кругного] суда Лазаревским о чиншевом вопросе. Число этих дел так велико, что суду надо выбрать одно из двух: или заниматься ими, или всеми остальными. Я даю совет отдать предпочтение другим, не чиншевым делам, потому что чиншевой вопрос должен быть разрешен законодательной властью, судебные решения только запутывают, а не уясняют его, к тому же это вопрос не юридический только, а преимущественно политический. Польские помещики дурно смотрят на того из собратий своих, кто выселяет чиншевиков, людей польского происхождения. Теперешнее положение дела просто опасно. С Лазаревским разговариваю о Черниговской губернии, которой он уроженец, и выношу убеждение, что там вопросы не менее многочисленны и сложны, чем здесь.

1 декабря. Понедельник. Продолжение разговора с Раковским. Положение поляков, не имеющих никакого сбыта для своего труда, отсюда сплывание их у польских помещиков, усиление взаимной ненависти, накопление интеллигентного пролетариата, закон 10 декабря<sup>110</sup>, предположения о возможности облегчений на пользу лиц, доказавших свою благонадежность службою общественной или государственною. Молодой граф Браницкий, женатый на гр. Потоцкой, дочери галицийского наместника, живущий постоянно в деревне, в близких и постоянных сношениях с своими крестьянами.

Крупенский рассказывает порядок освобождения крестьян в Бессарабии, где он в то время б[ыл] предводителем. Визит Черткову и продолжительный с ним разговор. Бездарность этого человека более и более меня поражает. Разговор касается коштного межеванья<sup>111</sup>, я должен ему подсказывать имена и числа; между прочим, говорит, что не имел понятия об этом межевании и что землемер Иваницкий предложил ему сделать это в его имени, что он с удовольствием это принял, а впоследствии оказалось, что Иваницкий уверяет помещиков, что коштное межевание имеет последствием разверстание, и на эту приманку брал взятки с помещиков. Узнав от Черткова, что он приверженец межевания, я спрашиваю его, почему же он в прошлом октябре сделал министру внутр[енних] дел представление в несогласном с этим смысле. Он отвечает, что не помнит такого представления, и я

должен ему рассказать его содержание. Повторяю, что прихожу ежедневно более и более к убеждению о невозможности сделать что-либо без его канцелярии. Он упорно молчит, и я, дав, таким образом, второе предостережение, перехожу к пустым предметам разговора. По случаю празднования в этот день пятидесятилетия службы его императорского в[ысочества] принца Петра Георгиевича Ольденбургского я отправил ему телеграмму за подписью всех находившихся в Киеве бывших воспитанников Училища правоведения<sup>112</sup>. Телеграмма б[ыла] такая: «В[аше] и[мператорское] в[ысочество], позвольте нам присоединить выражение чувств наших к поздравлениям, раздающимся сегодня со всех концов России. Нам, бывшим воспитанникам созданного и благодетельствованного Вами Училища правоведения, принадлежит преимущественное пред соотечественниками право сердечной, глубокой, благодарной радости о сегодняшнем торжестве. Да продлит Всевышний дни Ваши, дорогие для всякого русского, любящего добро и правду». К обеду я пригласил всех бывших воспитанников Училища правоведения и сказал им приблизительно следующее: «Все мы, господа, получили воспитание в Училище правоведения, но не все при одинаких условиях. Более юные из присутствующих воспитывались тогда, когда, по державным указаниям ныне благополучно царствующего государя, значительно умножились в отечестве нашем учебные заведения, когда потребность просвещения сделалась всенародною потребностью, а не предметом лишь ведомства одной замкнутой части управления. Но когда вступали в училище те старейшие из моих товарищей, представителей коих счастливая случайность дала мне удовольствие видеть сегодня здесь, тогда, выражаясь современным языком, переживалось совсем другое веяние. Учебные заведения были немногочисленны, гораздо многочисленнее были заведения военно-учебные.

Несмотря на такой дух времени, принц П[етр] Г[еоргиевич] возымел мысль основать Училище правоведения, возымел и решимость осуществить эту мысль.

По своему высокому положению основатель нашего училища не нуждался ни в почетных награждениях, ни в популярности, ни вообще в какой бы то ни было награде, кроме отрадного чувства исполнения нравственного долга. Основывая наше училище, принц Петр Георгиевич не ограничился тем, что одобрил устав и назначил начальников. Деятельность его не остановилась на том, что он создал училище, создал с пожертвованием части своего достояния; нет, всем нам памятны частые его посещения, присутствие на лекциях и на экзаменах, заботы не только о нуждах, но об удовольствиях и забавах

наших. Внешняя, форменная, официальная только деятельность никогда не удовлетворяла его честную, глубоко добросовестную душу. В дело нашего воспитания он внес то теплое человеческое чувство, без которого остаются бесплодными и ложными самые лучшие человеческие мысли. Вам, господа, призванным служить опорой правосудия, вероятно, часто приходится испытывать истину этих слов. Много в современной жизни величается громкими названиями, не соответствующими действительности. Не такова была пятидесятилетняя деятельность того, кто основал наше училище, того, кому обязан сегодня удовольствием видеть вас у себя, того, кто в трудах каждого из нас может служить достойным подражания примером, того, кого я от всей души назову общим нашим благодетелем.

Я пью здоровье его императорского высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского».

После обеда был в концерте в пользу студентов; пришлось сидеть возле Чертковой; какой печальный разговор.

2 декабря. Вторник. Приезжает архиерей Иоанн, викарный при митрополите. Сетую на злоупотребления духовенства, он отговаривается тем, что ничего не может сделать, потому что журналы консистории утверждает митрополит, он же, архиерей, только надписывает на журналах свое мнение; сознается, что консистория судит виновных снисходительно, и рассказывает, что когда он сделался известным как более строгий, то стал получать анонимные письма и даже прямые угрозы, что ему дадут пощечину во время служения. С тех пор его окружает цикл городских, что я сам не без удивления видел в Софийском соборе. Обещает мне всяческое содействие, но производит впечатление человека совершенно бесхарактерного.

За обедом Арцимович рассказывает, что не узнает Киева, который чрезвычайно оживился благодаря моему присутствию. Получаю письма из Петербурга и, между прочим, от Маркова с уведомлением о том, что поездка Сабурова в Ливадию ему удалась, благодаря тому, что он был поддержан военным министром.

Присутствую на первом заседании окружного съезда сельских хозяев. Благодаря председательству Гессе впечатление самое унылое, он читает нескончаемые бумаги, которые следовало напечатать и разослать членам заблаговременно. Под предлогом вопроса о травосеянии Гудим-Левкович читает записку о переходе крестьян к единичной собственности, записку, очевидно, составленную Чацким. Потом какая-то неизвестная личность читает вовсе не идущую к делу записку. Мне совестно быть свидетелем этого хаоса, и я рад, что мне приходится сказать, что ко мне приехал городской голова Эйсман, который

представляет мне резюме своих замечаний о недостатках Городового положения вообще и городского управления Киевом в особенности. Одобряю его мысли, которые он обещает мне развить пространнее.

3 [декабря]. Среда. Является г. Рейнбот, председатель Кобелякского сельскохозяйственного общества, который, как кажется, не без задней мысли о выгодах своих, связанных с выгодами своего общества, хлопочет об успехе съезда. Алексей Гудим-Левкович, неглупый, но бесхарактерный, попромотавшийся здешний помещик, чиновник по особым поручениям при Черткове. Обедаю с Ворониным, который занимается разработкою вопроса о православном духовенстве. Вечером опять сельскохозяйственный съезд, с тем же выводящим из терпения председательством глупого Гессе.

4 [декабря]. Четверг. Прокурор Островский, приехавший из Бердичева, где производится следствие о фальшивых штемпельных конвертах, жалуется на невозможность исполнять возложенные на прокурорский надзор обязанности. Визиты Кочукову, Тарновскому, Крупенскому, Стороженко. Обед вдвоем с Деревницким. После обеда – сельскохозяйственный съезд, вопросы о сельскохозяйственных обществах и найме рабочих. Бал у Черткова. При входе в залу нахожу его окруженным гостями. Он отводит меня в сторону и начинает разговор о том, что состоящий в его распоряжении чиновник М[инистерст]ва внутр[енних] дел Воронин откомандирован в мое распоряжение, что он, Чертков, за воспоследованием этого распоряжения не считает возможным продолжать ему производство жалования и что вследствие того Воронин остается в неопределенном положении. Я отвечаю, что не имел этого в виду и немедленно напишу об этом министру внутренних дел, Чертков немедленно перемениает тон и просит отложить на некоторое время разрешение этого вопроса. Сыграв три роббера в винт с председателем судебной палаты Мечниковым, прокурором палаты Загоскиным и подольским предводителем дворянства Крупенским, возвращаюсь домой в двенадцать часов.

5 декабря. Пятница. А. Н. Попов приезжает из Бердичева сообщить, что получил письмо от графа Капниста, московского прокурора судебной палаты, который уведомляет его, что назначен попечителем Московского учебного<sup>113</sup> округа и что будет рекомендовать его, Попова, на свое место; разумеется, я отвечаю, что не вижу с своей стороны никаких препятствий и что, напротив, готов всячески этому содействовать. После завтрака разговор с Ворониным, который приходит от Черткова и выражает желание, чтобы я написал Каханову, чтобы его командировка ко мне была временною и без потери получаемого содержания. Обсуждаем способы собрания

материалов для составления записки о сельском духовенстве. Говорим о крестьянском вопросе, в котором он многое изображает несколько слишком сочувственно к деятельности поверочных комиссий. По-сылаю письмо Черткову, прося сообщить мне реестры своей канцелярии для облегчения мне ознакомления с сущностью дел этой канцелярии, без коих невозможно отвечать на вопросы, поставленные нашею программю. Обед с правоведами, празднуем день основания училища. В. А. Кочубей говорит очень милую речь. После обеда заезжают ко мне старые товарищи Арцимович и Граве, последний живет постоянно в Одессе и рассказывает любопытные вещи о деяниях Тотлебена в бытность его одесским ген[ерал]-губ[ернатором]. А) Князь Абамелик, отставной гусар, богатый помещик, выдавая дочь свою замуж, выписал приданое из Парижа; на таможене ящики с приданым были задержаны, и пришлось посылать в таможеню приказчика, который, успев добыть эти ящики, имел неосторожность телеграфировать: «Ура, наши ящики выпущены». Вообразив, что такое восклицание может относиться только к ящикам, полным динамита, Тотлебен послал жандармов в дома и поместья разламывать полы, разрезать мебель и т. п. Б) В другой раз просидел в тюрьме всем известный купец Шиповалов, виновный в том, что спрашивал по телеграфу о времени приезда в Одессу государя, тогда как с этим же самым Шиповаловым б[ыл] заключен ген[ерал]-губ[ернатором] контракт о поставке лошадей ко дню царского приезда.

6 декабря. Суббота. Утром возвращаются из Умани де Росси, Щировский, Воскобойников, Шидловский. Все они объята ужасом о безмерности злоупотреблений тамошних чиновников, а в особенности – председателя съезда мировых посредников Каменецкого. Проводим целый день в разговорах об этом. Вечером еду к Крупенским и играю в винт для избежания разговоров. Приезжающий после меня Чертков избегает со мною встречи.

7 [декабря]. Воскресенье. С утра разбираем дела по уманскому городскому управлению, а потом – дворянской опеке; по думе, кажется, придется кассировать выборы, а опеку предать суду. В 4 ч. ко мне заезжает Измаель Бродский, разбогатевший разными проделками еврей. Расспрашиваю его о соляном промысле и последствиях отмены соляного налога. По его мнению, последствия эти будут невелики, так как конкуренция невелика, а солепромышленники не сбавят цены, соразмерно всей цифре налога. Действительное удешевление могло бы произойти, если бы казна при отдаче своих озер имела целью не получение дохода с своего имущества, а возможно большее расширение добывания соли.

8 [декабря]. Понедельник. Отправляю курьера с письмами и, между прочим, письмо графу Лорис-Меликову с просьбою испросить высочайшее разъяснение Черткову о праве моем рассматривать дела его канцелярии. После завтрака еду с визитом к архиерею Иоанну, живущему в Михайловском монастыре, человек, по-видимому, очень простой и честный, но бесхарактерный. Жалуется на то, что фельетонист «Киевлянина» кощунствует, и в доказательство того приводит, что в одном из фельетонов было сказано о том, что мы должны иметь веру, что чиновники будут знать меру, надежду на то, что будут введены земские учреждения и т. д., все это добрый архиерей называет «волтерщиною», которую теперь не следует подымать. Обижен тем, что когда в газете упоминается о праздничном церковном служении, то не говорится, что служил архиерей Иоанн. О приходских школах говорит, что объезжал некоторую их часть нынче осенью и что когда ученики отвечали плохо, то он пробовал заставлять учителей исправлять их ошибки, но учителя оказывались хуже учеников. Обыкновенно экзамен оканчивался тем, что он подводил ученика к образу и спрашивал: «Чье это изображение?» – «Спасителя», – отвечал ученик. «Хорошо», – говорил архиерей и давал ученику крестик. Осматриваю собор с проблематическою гробницею в. к. Святополка. После обеда приезжает прокурор суд[ебной] палаты Загоскин, рассказывает резкие факты неправдивости Черткова. В его присутствии приносят мне затребованные мною от Черткова реестры, в доставлении коих он мне первоначально отказал наотрез. Посылаю шифрованную депешу, чтобы остановить действие моего письма. Загоскин рассказывает, между прочим, следующее. При вновь открытых окружных судах Киевского округа предстояло назначить прокуроров. Относительно назначения этого министр юстиции Набоков сказал, что по просьбе Черткова место волянского прокурора окружного суда уже обещано некоему Шопену, бывшему там губернским прокурором. Шопен этот оказался взяточником и по взведенным на него серьезным обвинениям вызван в Петербург. На днях Чертков при свидании с Загоскиным спросил его, не знает ли, почему Шопен вызван в Петербург, и, получив отрицательный ответ, продолжал: «Это такой человек, что никакой дурной с его стороны поступок меня не удивит».

9 [декабря]. Вторник. В 9 ч. выезжаю с Шидловским в Бердичев, куда приезжаю в четвертом часу. Погода очень дурная. Помещение у некоего г. Либбе приготовлено почти роскошное. Все мои сослуживцы здоровы и усидчиво сидят за работою. Кауфман читает ведомый по просьбе моей журнал пребывания в Бердичеве.

10 [декабря]. Среда. В 10 ч. является городская дума с хлебом-солью. Поручаю избрать двух представителей для личных объяснений. В 11 ч. представляются все служащие. После завтрака осматриваю собор, костел и городское училище. В 2 ч. принимаю духовенство всех исповеданий, а в 4 ч. — генерала, командующего артиллерийскою бригадою, который, впрочем, кроме подробностей сражения при Церковной<sup>114</sup>, ничего интересного сообщить не имеет. В 6 часов общий с сослуживцами моими обед. После обеда разговор с хозяином моего жилища. Пруссак, принявший русское подданство, сорок лет живет в Бердичеве и еле говорит несколько слов по-русски, несмотря на то, что нажил очень значительное состояние. По его словам, Бердичев упал в промышленном и торговом отношении со времени освобождения крестьян и проведения железных дорог. В прежнее время здешние торговцы выписывали заграничные товары и продавали их польским помещикам, теперь лицам, нуждающимся в заграничных товарах, нет более надобности в посредничестве бердичевских торговцев, к тому же помещик разорен, а крестьянин роскошествует только в кабаке.

Еврейский казенный раввин считает главным несчастьем своих собратий невежество, поддерживаемое темными личностями, поддерживающими фанатизм в подрыв нравственности, средствами для побороения этого зла: просвещение и разряжение этой сплоченной массы. В итоге раввин держится очень осторожно, опасаясь ненависти невежественной толпы, видящей в нем опасного приверженца новизны, как, напр., хорального пения, [как] в костеле, и пр.

11 декабря. Четверг. В 10 ч. являются представители городского общества: Каменский и Ротенберг. Каменский торгует машинами, преимущественно земледельческими. Ротенберг — весьма пожилой еврейский врач. Ходатайствуют о выкупе владельческих прав на город<sup>115</sup>, о введении Городового положения, об учреждении гимназии, для чего уже собран капитал в 75 т., и пр. Председатель съезда мировых посредников Сакулин, по-видимому, не много знает, а больше занимается формальною отпискою. После завтрака объезжаю с Поповым тюрьму, общественную еврейскую больницу, городскую больницу, последняя очень плоха; в тюрьме сидят восемь человек арестантов, которые открытою силою напали на одного путешественника на Козятинской железнодорожной станции и отняли у него бриллианты, имевшиеся у него на сумму 50 т. р. Эти восемь человек до того буйны, что устрашают все арестантское население, требуя с других арестантов, и особливо с вновь вступивших, денег и вообще приношений. День и вечер проходят в разговорах с сотрудниками; опасаясь, чтобы ревизия

не приняла формального направления, стараюсь указать существенные цели, которые не должны остаться без внимания. А. Н. Попов превосходный человек и отличный труженик, но указываемая мною сторона, которую назову «злоупотреблением народными силами», несколько ускользает от него. Прежде всего, надлежало бы исследовать порядок отбывания народных повинностей, власть, их определяющая, подробности и тягости отбывания, подводы, квартиры, поставка лошадей; по-видимому, все это ничем не урегулировано и зависит от безапелляционного произвола полиции.

12 декабря. Пятница. Несмотря на хорошую погоду с легким морозцем, сижу целый день дома. Под моими окнами стоят такие толпы жидов, что невозможно показаться на улице, не быв ими сопровождаемым. Вызванный мною для объяснений посредник оказывается круглым глушцом, другой посредник, как слышно, безвыездно живет в Бердичеве, когда его участок отстоит отсюда на 70 верст. В 4½ часа мои сотрудники отправляются в синагогу, где богослужение совершается с особенною торжественностью и при участии хора певчих, что составляет здесь нововведение. Вечером вызываю акцизного надзирателя. По его словам, надзор за винокуренными и сахарными заводами не представляет никакого затруднения, но относительно беспатентной продажи акцизное управление положительно бессильно что-нибудь сделать. В Бердичеве 28 патентованных мест продажи питей, а в действительности их более тысячи, каждое такое заведение платит полицейскому приставу не менее одного рубля в месяц, что для каждого пристава составляет около 300 р. ежемесячного дохода. Наглость полиции доходит до того, что акцизный надзиратель недавно получил от частного пристава бумагу с перечислением находящихся в его участке мест беспатентной продажи и с предоставлением ему, надзирателю, их преследовать. Надо сказать и то, что средства полиции крайне ограничены, а скудные оклады жалованья привлекают на службу преимущественно людей весьма сомнительной нравственности.

13 [декабря]. Суббота. Разговор с предводителем Сакулиным, который, по-видимому, порядочный человек. Образчик отношений между крестьянами и помещиками. Крестьянам отдан сенокос в лесу помещика, вся площадь, напр., во сто десятин, из этой площади исчислено 70 дес[ятин] под травой и 30 десятин под дубами, крестьяне не вправе касаться дубов и, уплатив 70% стоимости земли по оценке, претендуют на весь участок, помещик, срубив лес, требует, чтобы ему вымежевали из всего участка 30 десятин. В других подобных сенокосах помещик дал расти лесу вновь, и крестьяне, согласно пер-

воначальному выкупному акту, не вправе касаться вновь растущих дубов, а дубы растут там часто, что негде ударить косою.

В думе обнаруживаются большие злоупотребления; уезжая, поручаю Носову их расследовать. В 2 ч. выезжаю из Бердичева и около 10 добираюсь до своей киевской квартиры, где всю ночь мучаюсь страшным припадком боли в почках.

14 [декабря]. Воскресенье. Приехавший на короткое время в Киев В. Бобринский завтракает и проводит вечер со мною; обедает у Черткова, где в первый раз видит его жену и поражается ее вульгарностью. Слушая рассказы о нашей ревизии, Б[обринский] не верит своим ушам. В разговоре, между прочим, развивает тему, что льготы по воинской повинности дают ложное направление стремлениям к образованию, особливо в середине еврейского населения.

15 [декабря]. Понедельник. Разговор с Ворониным, Стороженко, Крупенским. Является Чертков, встревоженный известием, которое привез из Петербурга генерал Ванновский, утверждающий, что там идет слух, будто Ч[ертков] препятствует ревизии. Ч[ертков] спрашивает меня о том. Я отвечаю, что я имею обыкновение не обращать внимания на слухи и сплетни, так, напр., не обращаю внимания на сделанный мне одним из корреспондентов моих запрос о том, правда ли, что я представил генерал-губернатору своих чиновников, а он мне своих не представлял. Спрашиваю его, имеет ли он в чем-нибудь упрекать ревизию, он отвечает, что должен отдать полную справедливость в том, что решительно ничего сколько-нибудь враждебного или неприятного ему сделано не было, но что он упрекает меня в том, что я его как бы игнорировал, что относительно ревизии он находился в положении публики, что я ему не сообщал о ходе ревизии, не спрашивал совета о том, с кем мне полезно говорить, не спрашивал его отзывов о служащих и вообще оставлял его в стороне. Я ему отвечал, что тотчас после приезда я обратился к нему с предложением доставить ему мое наставление, но что он мне отвечал, что не считает нужным этого делать, потому что он его читал в Петербурге. Несколько смущенный, Чертков отвечал, что то было недоразумение. Продолжая разговор, я сказал, что, если он теперь изъявляет готовность поговорить о сущности особого наставления и ответов на него, то я очень рад передать ему это наставление и затем приехать поговорить с ним. После многих пустых выходок он перешел к наиболее волновавшему его вопросу, вопросу о требовании мною рестронов его канцелярии, причем его особенно смущало не то, что я их требую, а то, что я писал ему по сему предмету официальное письмо. «Вы не вправе писать мне официально», — сказал он. Я настаивал на том, что право это мне принадлежит. На этом пункте мы расстались.

16 [декабря]. Вторник. Визит кн. Ливена, исполняющего, за отсутствием Загоскина, обязанности прокурора судебной палаты. Вечером чтение реестров генерал-губернаторской канцелярии с забавными заголовками, напр., дело по телеграмме министра внутренних дел о шайке разбойников, предводительствуемой бывшим судебным следователем.

17 [декабря]. Среда. Является жандармский полковник Новицкий, вызванный мною для дел по политической пропаганде. Поручаю дело Воскобойникову. В 2 ч. иду к Черткову. Он отдает мне мое «особое наставление» и в дополнение читает составленный ему правителем канцелярии список всех представлений, сделанных от генерал-губернатора разным министрам. Когда я его спрашиваю относительно того, какому еще другому делу он придает важность, то он говорит о необходимости учреждения в Киеве должности обер-полицмейстера, о чем он говорил Макову и самому государю. Выслушав этот небогатый для меня репертуар дополнительных сведений, я прошу его сообщить мне сведения о лицах, согласно сделанному им первоначально предложению. На это Ч[ертков] сказал: «О каких лицах?» Я: «О главнейших, начнем с губернатора Гессе». На это Ч[ертков] опять замялся и прекратил разговор, сведя его к тому, что он до сих пор был очень доволен моим поведением в отношении его, но что теперь возникает недоразумение. Тогда я сказал, что в последнее его посещение он мне поставил упрек, которого я не могу принять, что он сказал мне, будто я выхожу из пределов своего права, а так как я во всю свою жизнь делал лишь то, на что имел право, а теперь менее, чем когда-либо, могу отступать от обычного мне образа действий, то не намерен более ставить его в положение исполнять незаконные мои требования, а буду всякое требование облекать в официальную, законную форму. Он отвечал мне, что мое нравственное право несомненно, но что законного права у меня нет, потому что нет такой статьи закона, на которой я мог бы основывать свое требование. Я возразил, что на меня возложено поручение государем императором, что высочайшая воля есть закон, что я не могу допустить, чтобы государь, возложив на меня поручение, лишил меня возможности его исполнить. «В таком случае это высочайшее повеление надо было прежде всего мне сообщить, а затем присовокупить, что Вы вправе требовать того-то и того-то от таких-то и таких-то лиц». Я отвечал, что, действительно, не получив такого сообщения, он не обязан исполнять моих требований, и потому всего лучше будет возбудить сомнение о моем праве. Этого он очень испугался и сказал, что, так как я все получаю, то незачем и возбуждать такого разъяснения и что он не понимает моего упрямства. Я отве-

чал, что с моей стороны упрямства нет никакого, но что моя ревизия должна установить прецедент порядка сношений ревизирующего сенатора с генерал-губернатором, что если он считает возможным только такой порядок, по которому я не вправе состоять с ним в прямых сношениях, то этому порядку я должен подчиниться и в Черниговской губернии относительно Дондукова, а другие мои товарищи – с другими генерал-губернаторами. Дальнейший разговор вертелся около того же пункта, и я ушел, обещая продолжать официальную переписку, Чертков же закончил тем, что этим я сегодня ставлю черную точку, которая, вероятно, разрастается в конфликт. Я полушутя сказал, что этого не опасюсь, и на этом мы расстались. Вечером читаю новый № «Вестника Европы» и разговариваю с кн. Ливеном и Шидловским.

18 [декабря]. Четверг. В письмах, полученных из Петербурга, сообщают мне разные, впрочем, довольно характерные сплетни, конечно, главных образом о новой светлейшей княгине Юрьевской, которая, как говорят, держит себя очень сдержанно, живет в Зимнем дворце и занимается установлением своего дома и служащих. Когда цесаревич с цесаревною приехали в Ливадию, то государь выехал к ним навстречу в Ялту и, сев с ними в коляску, сказал: «Je regrette que ma femme n'ait pas pu venir a Votre recontee»<sup>116</sup>. – «Et Votre promesse, Sire, que nous ne verrions pas la p[rin]ce[esse] D[olgoroukova]?»<sup>117</sup>. – «C'est vrai, – отвечал новобрачный, – mais j'ai changé d'idée et c'est comme souverain que je vous ordonne de faire ce que je veux»<sup>118</sup>. На свадьбе были только гр. Баранов и Рылеев, а Адлерберг, узнав об этом событии, сказал: «Sire, Votre mariage équivaut a une abdication et Vous ne pouvez plus rester Empereur»<sup>119</sup>. О женитьбе своей государь написал длинное письмо сестре своей, королеве Вюртембергской, которая отвечала письмом не менее длинным и кончавшимся выражением сожаления о том, что здоровье ее мешает ей приехать бросится в объятия новой жены его. Государь велел снять копии с этих писем и разослать тем членам семейства, которым счел уместным объявить об этом происшествии.

Положение Лорис-Меликова начинает пошатываться, в публичке слышится ропот на то, что он фиглярничает, ничего серьезного не делая, наследник сердит на него за то, что он ухаживает за кн. Юрьевской. Между Лорис-Меликовым и Черевиним идет война. Черевин, всегда пользовавшийся расположением государя, теперь воспользовался своим пребыванием в Ливадии, чтобы приобрести расположение и княгини Юрьевской. Его приглашают по вечерам в Зимний дворец играть в вист. Черевин, получив в Ливадии телеграмму Лориса о помиловании всех преступников последнего политического процесса, уговорил и наследника, и государя не миловать

Квятковского и Преснякова<sup>120</sup>. По этому поводу у него была схватка с Лорисом. О предстоящих отставках министров – что составляет любимый петербургский разговор – говорят, что на очереди министр госуд[арственного] имущества князь Ливен и что его наследства добивается граф Воронцов-Дашков.

19 [декабря]. Пятница. Утро в обычных занятиях. В 6 ч. обедаю у В. А. Кочубея, где знакомлюсь с Г. П. Галаганом, только что перехавшим в Киев из полтавской деревни. Высокий, худощавый, седой, с довольно резко очерченными чертами лица, с обильною и плавною речью, с отпечатком во всем существе чрезвычайной искренности и правдивости, Галаган производит крайне симпатическое впечатление. Зная, что он с 1863 года был главным воротилом крестьянского дела здесь, а перед тем участвовал в трудах редакционных комиссий, я, разумеется, не замедлил перевести разговор на эту тему. Вот сущность сказанного им. Этот край, чисто русский край, и при совпадении освобождения крестьян с Польским восстанием представлялась необходимость воспользоваться событиями не для обрусения, а для расположения. Поверочные комиссии отдали крестьянам 700 т. дес[ятин] земли, более, чем им первоначально должно было достаться, с достоверностью определить инвентарную землю в каждом данном случае, разумеется, не б[ыло] возможно. Посредников пришлось разом привлечь более двухсот человек, между ними, конечно, попали и люди неодобрительные, но, так или иначе, дело сделалось, и хотя несомненно, что условия экономической жизни подчас неудовлетворительны, но цели политические гораздо важнее, а они достигнуты, от них и в настоящее время никак отступать не следует. Говоря о том о сем, Галаган рассказал, между прочим, любопытные образчики действий высшего духовенства. Напр., когда из Москвы б[ыли] присланы 2000 в Михайловское братство для борьбы со штундизмом, то братство б[ыло] собрано председателем, митрополитом Арсением, который предложил эти деньги отдать тем священникам, в приходах коих штундисты наиболее многочисленны, и где, следовательно, доход священника уменьшился вследствие раскола.

Киевский викарный архиерей Иоанн, о посещении коего я передавал здесь подробности, захотел говорить проповедь, обращенную к простому народу, и начал так: «Православные! Христос родился в яслях! Отчего в яслях, когда мог бы, если бы захотел, родиться в городе, даже в губернском городе, в каменном доме, при входе в который стоял бы швейцар, и этот швейцар не пустил бы вас взойти в этот дом».

Хорош еще б[ыл] рассказ о том, как Чертков претендовал на Галагана за то, что он не хотел исключить из учрежденного им учи-

лица одного ученика, о котором Чертков имел неблагоприятные сведения. Дело кончилось тем, что Чертков дал попечителю округа предписание об исключении этого ученика, затем мальчик был посажен в тюрьму, откуда его чрез три месяца выпустили по недостатку улик, но учение его было прервано, карьера испорчена, и проповедник нигилизма сотворен.

20 [декабря]. Суббота. Возвращаются бердичевские ревизоры, алчущие момента разъехаться на праздники по домам. Выслушиваю доклад Есипова о волости, Носова – о гор. Липовце, Щиrowsкого – о ссудо-сберегательном товариществе. В 2 ч. еду с Шидловским к Галагану; знакомаюсь с его женою. Впечатление в высшей степени приятное. Двое добрых, честных людей, тружеников, посвящающих все заботы училищу (коллегии), основанному в память умершего на шестнадцатом году единственного сына<sup>121</sup>. Осматриваю училище, все чисто, скромно, без тщеславия, мальчики смотрят бодро, весело, незабито; их 54 в четырех классах; они готовятся к университету. После обеда Лопухин-Демидов привозит письма из Петербурга, между прочими – одно, весьма пространное, от мин[истра] юстиции Набокова, который, между прочим, рассказывает мне, что Маков входил со всеподданнейшим докладом к государю, обвиняя меня в намерении ревизовать порядок подпечатывания писем в Киевской почтовой конторе. Не зная этих подробностей, я имел письмо от Каханова, который из осторожности упоминал только о распространившемся по сему предмету слухе. В ответ на это письмо я сообщил ему о том, что могло подать повод к такому слуху, а именно, что ко мне приезжал губернский почтмейстер хвастаться участием в производстве следствия о фальшивых штемпельных почтовых конвертах, при разговоре этом, желая сказать ему что-нибудь любезное, я похвалил распорядительность его при перехвате двух писем важных политических преступников, благодаря этому заарестованных, как мне на днях сообщил прокурор суд[ебной] палаты. Такой невинный разговор в руках Макова послужил орудием против Лорис-Меликова, интриги, впрочем, совершенно не удавшейся.

В этот же день я получил уведомление от брата моего Валериана о том, что ему было предложено Набоковым место управляющего Межевым корпусом с назначением сенатором в Межевой департамент; при этом обусловлено, что он может сохранить занимаемое им место председателя совета Главного общества железных дорог.

Делая в этот день утром визит старику Юзефовичу, слышу от него характерный рассказ о различии приемов деятельности кн. Дондукова и Черткова. Приехав однажды к правителю канцеля-

рии Дондукова Раевскому, Юзефович застал его за чтением газет. На вопрос относительно такого бездействия Раевский отвечал, что Дондуков все предоставляет делать губернаторам, возлагая на них и выбор людей, и ответственность за выбранных; сам Дондуков, по выражению Раевского, занимается лишь выдачею противузаконных заграничных [паспортов], т. е. таких, в выдаче коих отказано б[ыло] губернаторами, как не подходивших под какие-либо стеснительные правила. В другое в свое посещение, уже при Черткове, Юзефович застал того же Раевского, заваленного бумагами, так как Чертков при неопределенности круга занятий генерал-губернатора присваивал себе все, что мог. Говоря о множестве дел генерал-губернаторской канцелярии, Юзефович со слов племянника своего Гудим-Левковича, бывшего подольским губернатором, выказал опасение о том, что в делах является ненужная медленность. На это Раевский воскликнул: «Ну, это уж не моя вина: разрешение дел у меня готово, а Михаил Иванович запретил мне подносить исполнительные бумаги иначе, как переписанными двумя писцами, почерк коих ему особенно приятен, вот дела и ждут очереди».

21 [декабря]. Воскресенье. Большая часть сотрудников разъезжается на праздники. Обычная прогулка с Шидловским и Воскобойниковым. После обеда продолжительный разговор с Хлоповым, помощником акцизного управляющего. Человек, кажется, весьма честный, твердый, получивший хорошее образование, но разбитый семейными и другими несчастьями. Рассказывая мне вещи более или менее известные, между прочим, указывает на тот любопытный факт, что губернатор Гессе, подписывая постановление о наблюдении за исполнением закона, воспрещающего евреям держать шинки в селениях, в то же время выдает еврею ложное удостоверение о том, будто бы еврей этот в принадлежащем ему, Гессе, имении владеет недвижимым имуществом, дающим ему право торговать. Кончаю вечер у Крупенского.

21 [декабря]. Воскресенье. Совещание с кн. Ливеном, возбуждающим основательное сомнение о том, вправе ли я на основании указа 27 августа, определяющего мои права, устранять от должностей с назначением следствий здешних посредников, представителей съездов и предводителей; все они по общему порядку предаются суду Сенатом, но здесь они все, противно существующему в великороссийских губерниях порядку, назначаются властью генерал-губернатора. Вопрос возбуждается по поводу ответственности уманского предводителя Каменецкого.

Сосед мой по квартире, товарищ прокурора судебной палаты Дурново, приводит ко мне своего товарища по прежней морской служ-

бе помещика Подольской губернии Быкова, который развивает ту мысль, что помещику русского происхождения в здешнем крае хуже жить, чем поляку, потому что поляки живут замкнуто от администрации, поддерживая друг друга, тогда как русские помещики живут изолированно, и на них хищная администрация дает простор своему произволу, разыгрывая роль беспристрастных, в действительности же набивая карманы. Вот тому пример из практики самого Быкова. К нему явился староста с приказанием от становой пристава отпустить ему, становой, такое-то сено, состоявшее в споре между ним, Быковым, и крестьянами. Быков отвечал, что сено это состоит в споре, но что он прикажет послать ему другого сена. На это становой, приехав сам, заявил, что желает получить именно это сено, как превосходное по качеству, а не какое-либо иное, а получив отказ, уехал с угрозою. Вслед за тем подошло время жатвы, Быков собрал рабочих, которые отказались работать под предлогом царского дня и запрещения, последовавшего по сему предмету от священника; Б[ыков] пошел к священнику, который объявил, что не может отступить от сделанного им запрещения, опасаясь, что становой аттестует его политически неблагонадежным. В следующие дни, по распоряжению становой, рабочие б[ыли] взяты для починки дорог в ожидании несбывшегося проезда архиерея, а хлеб перезрел без жатвы. Этот же становой пристав явился однажды к одному помещику и требовал от него уступки не более не менее, как невесты. Получив отказ, он сообщил местному жандарму печатную прокламацию, будто бы перехваченную в письме, написанном этим помещиком, причем, однако, не б[ыло] представлено конверта от этого письма. На счастье, в дело вмешался прокурор, и выходка становой осталась без последствий.

Одновременно с Быковым заходит Богданов, племянник Каханова, который, делая визит Чертковой, имеет неосторожность сказать, что видел у меня Быкова, по поводу чего генерал-губернаторша назначает исследование.

Подольский помещик Ник[олай] Ник[олаевич] Чарномский привозит мне несколько бутылок доморощенного вина от Арцимовича. Вечер у Тарновского. Там встречаю Мечникова, который после обычного своего рассказа о том, как он, в бытность прокурором Харьковской суд[ебной] палаты, вместе с гр. Лорис-Меликовым объезжал провинцию, сообщает мне о назначении брата Валериана управляющим Межевым корпусом. Мечников, как я по всему вижу, хитрый чиновник, пекущийся усердно об улучшении собственного благополучия.

22 [декабря]. Понедельник. Разговор с управляющим акцизными сборами Бурмейстером. Изменение свеклосахарного акциза и

ходатайство тех из заводчиков, кои устроили новые диффузоры. Акцизный доход с сахара по Киевской губернии дает 2 м. р., а винокуренный акциз – больше 10 т. Расспрашиваю о существе жалоб Чарномского и узнаю, что действительно данное ему разрешение было внезапно отнято, тогда как рядом с ним в Подольской губернии льгота сохранена некоторым заводчикам. Вечер у Дурново с О[льгой] И[вановной] Ч[ертковой].

23 [декабря]. Во вторник. Являются из Радомысля Смирнов и Данилов, открывшие прямое воровство председателя съезда мир[овых] посредников.

Протоиерей Лебединцев, обещающий сообщать сведения о духовенстве. Осматриваю с ним и Шидловским училище девиц духовного звания, довольно неопрятно и вообще уныло. На прогулке встречаю Галагана, который меня несколько изумляет, говоря, что у него готовы ответы на все пункты особого наставления. Еще встреча: Чертков с своим несимпатичным пасынком; непродолжительный разговор с внешним видом любезности. В этот же день посылаю ему запрос о правах генерал-губернатора по назначению посредников и представителей съездов.

В 6 ч. 23 ч[исла], во вторник, приезжает Сапа<sup>122</sup> и привозит добрые известия из Петербурга, я разумею – семейные, о придворных и политических никак нельзя сказать того же самого.

24 [декабря]. Среда. Иду пешком с Сапено в лавру, где сначала присутствую в соборе при богослужении, а потом осматриваю пещеры. Вечер провожу у Галагана, разбирая по пунктам свое особое наставление. Вот главные его замечания. Нигилизм и социализм в Киевской губернии не распространены, главным образом потому, что польской элемент весьма сочувственен к аристократическому складу не только в высших, но даже и в низших сословиях. О крестьянах Галаган не допускает здесь иного владения, как подворное, исключаяющее возможность переделов земли, не знает, что переделы существуют во всей приднепровской части Киевской губернии, о крестьянском управлении считает невозможным никакие улучшения до тех пор, пока от полиции не будет отделена обязанность собирать подати, т. е. не установлена особая должность сборщика податей; в настоящее время становой и исправник бьют и ругают сельских старост, как виноватых в том, что на обществе есть недомка. В сельские старосты идут самые плохие люди, которые потом попадают в присяжные заседатели и не споспешествуют удачному ходу правосудия. Считает необходимым устройство при мировых съездах чего-нибудь в роде нотариальных столов, которые соверша-

ли бы акты на продажу между крестьянами мелких участков земли; в настоящее время переход права собственности делается предъявлением фиктивного иска, в правоте коего сознается ответчик. Право общественной высылки должно быть сохранено за обществами, но с подчинением известному контролю. Поляков считает непримиримыми навеки врагами России и не желает вводить их в какие бы то ни было соображения при перемене административных порядков. В заключение не могу не записать переданного им анекдота. Когда прошлым летом Ч[ертков] велел губернатору и полицмейстеру ездить в сопровождении казаков, то в первый же день глупый полицмейстер Гюббенет поехал на главную улицу стричь волосы у парикмахера. Покуда он там находился, толпа гуляющих окружила казаков, и когда полицмейстер вышел из дома, где находился, то был встречен дружными аплодисментами толпы.

25 [декабря]. Четверг. Обедня в Братском монастыре с Сашею, служит архиерей Михаил, единственный в России заслуженный профессор богословия. Во время молебна архиерей читает молитву, начинающуюся со слов: «Боже великий и непостижимый»; много выиграла бы религия, если бы служители ее тверже помнили эти слова. После завтрака прогулка пешком; на улицах множество поздравителей. Разговор с Шидловским о грустных петербургских порядках. Вечером расспрос Лазаревского, черниговского уроженца, о тамошних порядках и деятелях. Лазаревский, товарищ председателя здешнего окр[ужного] суда, человек безусловно честный. В настоящее время его очень затрудняет чиншевой вопрос. По его словам, если приняться за чиншевые дела, то нужно бросить все стальные; разрешая эти дела, суд ставит спорящих в совсем иное положение, чем находятся тяжущиеся по тому же вопросу за последние годы; дела последних лежат в Сенате и, по всей вероятности, получат разрешение иное, чем дела, решающиеся ныне во вновь открытых киевских судебных местах. Еще более утверждаюсь в мысли о необходимости быстрого разрешения этого вопроса, не ожидая общих последствий сенаторской ревизии.

26 [декабря]. Пятница. В 10 ч. доклад жандармского полковника Новицкого о политических делах за время его нахождения в Киеве. Жалобы на беспомощность жандармов, неудовлетворительность общей полиции, которая, заметив, что жандармы следят за каким-нибудь политическим преступником, всегда предваряла этого преступника, чтобы переехал из того участка, поимка в коем могла бы быть неприятною местному полицейскому чиновнику. Рассказ о взятии типографии, сопровождавшемся упорною защитою и стрельбою из револь-

веров. Во время завтрака приезжает архiereй Михаил, очень умный человек. Долго беседуем о том грустном положении, в коем находится здесь духовенство. Он совершенно согласен с тем, что священники обеспечены несравненно более, чем в России, а вместе с тем гораздо безнравственнее и жаднее; во многом сваливает вину на реформы гр. Д. А. Толстого; не считает возможным установить таксу за требы, возлагает надежды на улучшение нравственности в случае осуществления предположений Победоносцева, не высказывая, впрочем, каких именно. Не отвергая того, что распространение штундизма во многом зависит от образа действий духовенства, видит одну из причин его успеха в стремлении малоросса к поэтическому рационализму (sic), которого чужд великоросс, останавливающийся в деле религии на вопросах внешнего культа; с этой точки зрения великороссийским губерниям не угрожает опасность развития штундизма. Если не будет положено конца такому порядку вещей, то здешний край в непродолжительном времени будет поработен евреями. Соглашаюсь с ним в том смысле, что улучшение личного состава духовенства есть вопрос первостепенной политической важности. В 5½ часов приезжает брат Валериан; указ о назначении его управляющим Межевым корпусом подписан, новостей из Петербурга он не привез никаких, разве то, что княгиня Юрьевская ежедневно приобретает более значения; на последнем семейном обеде все царское семейство собралось, и только тогда отворились двери, в коих появились полуцарская чета. Министр юстиции Набоков приезжал в Сенат и привозил указ, в котором б[ыло] сказано что-то в таком роде: «Вступив во второй брак, повелеваем супруге нашей именоваться светлейшею княгинею Юрьевскою; тот же титул присваивается детям нашим». Дав подписать определение о сем указе сенаторам Любощинскому, Шумахеру и Петерсу, Набоков отвез это определение обработанному такою бумагою Александру II.

27 [декабря]. Суббота. Суражский предводитель дворянства Листовский. Отлагаю пространный с ним разговор до понедельника. Не могу не отметить двух характерных рассказов: а) крестьяне одного селения Суражского уезда просили о сложении с них 300 р. недоимки; тем временем деревня сгорела, и они заявили суд[ебному] следовательно, что у них сгорело 8 т. р. кредитными билетами; б) еврей купил лес по весьма высокой цене, но одновременно соседнее большое село загоралось четыре раза, и высокая цена на лес объяснилась.

Галаган застаёт нас вдвоем с братом, сообщает интересные подробности о чрезполосной малороссийской собственности и производящемся в Черниговской и Полтавской губ[ерниях] межевании. Говоря о Сураже, передает рассказ кн. Репнина, бывшего малорос-

сийского ген[ерал]-губернатора, слышанный самим Галаганом. Для округления Черниговской губернии отписали от Могилевской часть земли и хотели сделать Ляличи, имение гр. Завадовского уездным городом, но, находя неловким переименовать в у[ездный] гор[од] поселение крепостных людей, отдали предпочтение смежному с Ляличами казенному селению Сураж. Еврей, снявший откуп в новом уездном городе, не замедлил явиться к ген[ерал]-губернатору Репнину с просьбою разрешить ему постройку православного храма, потому что в праздничные дни суражское население отправлялась в Ляличи к обедне и там пропивало деньги в ущерб суражском откупщику. Вечером дома в разговорах с братом о разных семейных делах, а также о предстоящей ему деятельности.

28 [декабря]. Воскресенье. Брат уезжает в 12½ часов. По обыкновенно отправляю с ним кучу писем, охраняя их от любопытства Макова и его агентов. Вместе с Сашею делаем визит архиерею Михаилу и вместе с ним осматриваем музей и библиотеку духовной академии. То и другое довольно бедно и бесвязно. Запешдший ко мне кн. Ливен высказывает свое справедливое удивление о том, в какое положение петербургское правительство ставит не только меня, но все киевское общество, недоумевающее о том, как отнестись ко мне или к Черткову.

Получаю из Петербурга нарочного с письмом от Каханова. Благодаря и моим письмам, и сообщениям моих чиновников они наконец поняли, что какой-нибудь, хотя бы скромный, [успех] для ревизии невозможен при сохранении неприкосновенности положения Черткова. По непонятным для меня причинам, они не желают трогать его своею собственною инициативою, а желают, чтобы я написал письмо государю, высказывая при этом опасение, что все обрушится на мою голову, и вызывая к равнодушию, с коим я по своему положению и характеру должен взирать на внешние выгоды. Разумеется, я очень рад написать такое письмо, но изложить то, что желательнее, довольно трудно, не впадая ни в общие места, ни в сплетни.

В 9 ч. вечер с Галаганом, прочитываем до конца мое «особое представление». При всей его добросовестности и трудолюбии, он во многом остался на положении 1861 г. и, не сознавая достаточно значение двадцати лет народной жизни и опыта, не допускает мысли, чтобы святотатственная рука дерзала касаться этого священного ковчега, созданного памятными сподвижниками его, Галагана, в лучшую пору его жизни.

29 [декабря]. Понедельник. В 10 ч. жандармский полковник Новицкий читает свою записку о революционном движении в Киеве; забавно видеть, как рельефно выражается в труде несомненно ум-

ного человека недостаток образования<sup>123</sup>. Поручаю ему составить для меня список всех лиц, осужденных в Киеве за политические преступления, с обозначением их происхождения, воспитания и занятий. Жалуясь на общую полицию, препятствующую успеху его розысков, Новицкий передает, что на днях Ч[ертко]в приказал полицмейстеру завести свою сыскную часть, отпустив на это известную сумму; дело поручено помощнику полицмейстера Мاستицкому, который, не зная, как приступить к этому, приставил переодетых полицейских к дверям Новицкого, чтобы узнать его шпионов, а затем обратился к этим самым шпионам, которые, разумеется, приняли предложенные им деньги и только включили городскую полицию в число лиц, за которыми наблюдают. Гуляя с Шидловским, рассуждаем о предстоящем мне шаге. Конечно, свержение Черткова необходимо и для пользы ревизии, и для счастья края, но если это произойдет по моей инициативе, то на меня этим самым возлагается обязанность не ограничиваться одним трудом ревизии, а посвятить себя осуществлению тех идей, кои я выставлю как результат своего исследования. Надо выходить на продолжительную, тяжелую и, быть может, безрезультатную войну. Вопрос ставится так, что для меня выбора нет, а есть один ясно понятый долг. Положение такое, что есть над чем задуматься. Граф Лорис-Меликов, как мне начинает казаться, и ревизии-то назначил, чтобы выиграть время и облегчить себе устройство своего политического положения; сделаться исключительно орудием такого образа действий я не намерен. Оказывается, что надо выходить в поле, на котором в меня будут стрелять из обеих лагерей. Это так, а делать все-таки нечего, выходить надо.

В 4 ч. протоиерей Воскресенский, профессор истории церкви в духовной академии; сообщает сведения о черниговских раскольниках; в Киевской губернии их более 6 т., из них в самом городе Киеве более 400, которые, впрочем, вследствие влияния городской жизни не строго держатся своей веры и даже хотели перейти в единоверие, под условием, чтобы им дали приходскую церковь; церкви не дали, и они остались раскольниками. Воскресенский часто и дружественно с ними беседует и нередко слышал от них такой отзыв: когда со стороны правительства для нас полегче, то для дела раскола оно хуже, потому что тогда наши распускаются, а не держат себя попрочнее и построже. Слово это замечательно, и особливо в устах православного благочинного священника. Говоря о безобразиях здешнего православного духовенства, Воскресенский, который заведует дисциплинарным столом консистории, совершенно согласен, что факт верен. Из его слов могу заключить, что следствие производится исключительно благочинным, который избирается теми

же священниками, командирование депутата от гражд[анской] власти принадлежит полиции, которая мало об этом заботится. Говоря о штундистах, Воскресенский передает невероятный факт, что прежний митрополит Арсений назначал в селения, где размножались штундисты, не лучших священников, а таких, кои, по его понятию, заслуживали наказания, наказание, разумеется, заключалось в том, что с уменьшением числа прихожан уменьшалась цифра их дохода.

Вечером продолжительная беседа с суражским у[ездным] предводителем двор[янского]. Не касаюсь здесь вопросов той местности, они придут в свое время, но не могу не записать, что Листовский, производящий впечатление вполне честного человека, рассказал мне, как, имея дело в О[бщем] с[обрании] Сената, сделался жертвою мошенничества об[ер]-секр[етаря] Ратькова-Рожнова, на что я мог лишь ответить, что, быв об[ер]-прокурором 1-го Д[епартамен]та Сената с [18]67 г. по [18]73 г., я постоянно добивался у гр. Палена смещения этого негодяя, но не мог добиться.

30 [декабря]. Вторник. А. Д. Ушинский, брат написавшего известную детскую книгу «Родное слово» (дающую теперь его семейству до 70 т. р. ежегодно). Бывший мировой посредник, потом директор земледельческой колонии малолетних, недавно вышел оттуда в отставку и объездил места распространения штундизма, человек крайне добросовестный, приверженный православию и потому интересный. Рассказы его очень интересны и войдут, надеюсь, в ревизию, к которой мне хотелось бы его привлечь. Из числа этих рассказов упомяну о взглядах двух митрополитов на штундизм. Митрополит Арсений, ездивший лично убеждать штундистов и побежденный ими в прениях, напечатал в февральской 1875 г. книжке «Грудов духовной академии» статью<sup>124</sup>, в которой предлагал всех сектантов целой России согнать в одно место и отцепить полицейским кордоном; относительно же сребролюбия священников в той же статье печатал, что, по всей вероятности, во время проповедей Христовых Иуда обходил публику с кошельком и собирал деньги. Нынешний митрополит Филофей на замечания Ушинского о злоупотреблениях духовенства возражал, что и Хам говорил правду, осуждая отца, но подвергся, однако, проклятию, и что то же самое может сделаться и с ним, Ушинским.

В. А. Стороженко, говоря о распространении крестьянского землевладения, рассказывает, что на днях простой мужик купил у одного из знакомых Стороженки имение в 150 т. р., и хотя движимость оставалась собственностью продавца, тем не менее покупатель настаивал на предоставлении ему одного старого фаянчика. Про-

давец согласился, но изумленно спросил покупателя, почему он так на этом настаивает. «Да потому, — отвечал мужик в простом тулупе, — что будет эта колясочка у меня, так стану в ней ездить, а ведь сам-то никогда не решусь купить».

На днях в Киеве б[ыл] благотворительный бал, где жена генерал-губернатора продавала шампанское. Подошедший к столу юный еврей Бродский заплатил за бокал шампанского 100 р., вслед за тем подошел отец его и дал 25 р. Продавщица стала уговаривать его что-нибудь прибавить, указывая на пример сына. «Да у него есть отец, который платит, — отвечал Б[родский], — а у меня нет».

Старый Юзефович с теми же анекдотами и похвалбою, что доказал, что 814 лучших польских фамилий чисто русского происхождения и отшатнулись от православия во время польского владычества.

После обеда присутствую на заседании городской думы, где обсуждается годовой бюджет, но без всяких оживленных прений, так как действительная работа уже сделана прежде подготовительною финансовою комиссиею. Прекрасный голова Эйсман председательствует и в конце заседания ошибочно читает чью-то фамилию — называет его Ляпкиным-Тяпкиным. Такая ошибка, в связи с моим присутствием, возбуждает усиленный взрыв смеха.

31 [декабря]. Среда. Последний день года проходит довольно тихо, за исключением того обстоятельства, что является помощник уманского исправника Куровский с просьбою принять его под защиту. Он один там честный человек, правда, крайне ограниченный, но честный; он оказывал кой-какое содействие моим чиновниками при производстве ими там ревизии, и вследствие того его перемещают на низшую должность младшего заседателя Васильковской дворянской опеки, т. е. вместо 1000 р. дают 600. Куровский явился с жалобою к губернатору Гессе, который отвечал, что это распоряжение исходит от самого генерал-губернатора. Явсья к Черткову, несчастная жертва моей ревизии получила в ответ, что он не признается для подобной должности довольно представительным.

Визит Черткову, которого не застаю дома, и Кочубею, с которым по обыкновению приятно беседуем; на этот раз он мне делает весьма драгоценный подарок, предлагая для поездки в Чернигов отличный дормез, что по состоянию моего здоровья очень важно.

Вечером читаю с Сашею письма Гримма к импер[атрице] Е[катерине] II, изданные Гротом, я ему дополняю подробностями темные для него места; от души смеюсь. Чтение прерывается мучительным припадком боли в почках. Приехавший д[окто]р Меринг объявляет, что о поездке в Чернигов не следует и думать.

## 1881 г.

1 января. Надумавшись над своим глупым и ложным положением здесь, отправляю письмо государю в собственные руки. Содержание его не понравится никому. Государь рассердится вообще за то, что его тревожат, Лорис-Меликов – за то, что из письма моего ясно, что с самого начала положение мое б[ыло] ложно и только при исключительной личности, какую Ч[ертко]ва признать невозможно, дело д[олжно] б[ыло] идти хорошо. Конечно, я виноват в том, что принял все это без длинных разговоров, а с доверием и к Л[орис]-Меликову, как оказывается, хитрившему при этом, и к Ч[ертко]ву, обещавшему мне полное содействие. В письме к государю я поставил категорически вопрос так, что при этих условиях ревизия невозможна, а в письме Л[орис]-Меликову ту же мысль выразил еще резче. Вероятно, и тот, и другой затаят на меня неудовольствие, которое и выразится впоследствии в какой-нибудь, впрочем, безразличной для меня форме. Ранее я не мог бы сделать такого шага, он обрушился бы на успех ревизии, потому что всю вину взвалили бы на мое самолюбие и склонность миллионера важничать; теперь двухмесячным смиреннымудрием я доказал, что, приняв это важное дело, я отбросил свое самолюбие, а избегнув всякий открытый конфликт, заявил, что с ущербом своего нравственного покоя и даже здоровья отвратил скандальное препирательство властей, вредящее достоинству центрального правительства.

Сижу целый день дома и слушаю чтение Сапеего писем Гримма к императрице Екатерине II. Любопытны суждения умного современника о Франц[узской] революции, а также внезапная перемена в его веселом литературном остроумии тотчас по наступлении печальных событий [17]90-х годов, последствия коих отражаются на нас доселе.

Вечером Ушинский читает свою статью о штундистах; при этом присутствует Галаган. Говоря о теперешнем отчуждении народа от церкви, Галаган рассказывает, что в семейном его архиве хранится предписание одного из его предков – Дарагана, командовавшего Киевским казацким полком, расположенным в смежных с Киевом уездах Черниговской губернии; этим распоряжением полковой начальник предписывает подчиненным идти в Киев для участия в избрании архимандрита Печерской лавры<sup>125</sup>. Вообще, одновременно с усилением чиновничества в петербургском правительстве, духовенство, и особенно черное, усваивало его нравы и уничтожало всякую независимость, выборность и коллегиальность, так, напр., еще недавно значительными пожертвованиями, которые богомольцы

приносят со всех концов Русской земли, распоряжалось собрание 12-ти выборных монахами старцев. Митрополит Арсений отменил и этот обычай, присвоив всю власть себе.

Покупаю у Ушинского его статью и решаюсь воспользоваться им для дела о штундистах, отправив его в Таращанский и Сквирский уезды для дополн[ительного] исследования.

2 янв[аря]. Пятница. Разговаривая с головою Эйсманом, выслушиваю, между прочим, любопытное повествование о Трепове. При уничтожении Киевского жандармского дивизиона командовавший им когда-то Трепов, находившийся в ту пору в силе, упросил государя отдать ему строения жандармских казарм и землю, под ними лежавшую, за ту цену, за которую они были куплены от кн. Лобанова в 1802 году; земли б[ыло] около 30 десятин, а цена – с небольшим одна тысяча руб. Часть приобретенной таким образом усадьбы Трепов продал Мерингу за 100 т. р., а на сохраненном участке построил каменный дом, куда и намеревается переехать на жительство, замышляя сделаться киевским гор[одским] головою.

В виду моей недвижимости и, можно сказать, ступешванности положения, киевские газеты начинают думать, что ревизия кончится ничем, а «Киевлянин», очевидно, под диктовку правителя канцелярии Черткова, пишет, что последствием ревизии будет существование в Петербурге сановника-эксперта по делам Юго-Западного края.

Гессе является сказать, что едет в Сквиру, где три поджога на днях силлись уничтожить следы весьма важного следствия. Косвенные жалобы на Черткова – за назначения, за то, что берет 25 т. себе, хотя они имеют целью службу, и т. п.

К Шидловскому является еврей для раскрытия почтовых мошенничеств. Чувствуя себя плохо, не решаюсь поехать к Юзефовичу и посылаю ему такое 4-стишие:

Я недвижим, скорблю душевно,

Что пятницы лишен опять.

Год новый поступает гневно,

Не знаю, как это понять.

3 [января]. Суббота. Вызвав еще раз испр[авляющего] долж[ность] прокурора суд[ебной] палаты князя Ливена и получив от него заявление, что, по его убеждению, есть полное основание для предания суду председателя съезда мировых посредников Уманско-Звенигородского некоего Каменецкого, служащего здесь по крестьянским учреждениям 16 лет, делаю об этом распоряжение. Посредники и председатели съездов по закону утверждаются в должности и предаются суду Сенатом, но, оказывается, здесь власть Сената с 1864 года

заменена властью генерал-губернатора, такое изменение компетенции, как из собранных мною справок оказалось, последовало на основании разъяснения письма бывшего министра внутренних дел Валуева; разъяснение, м[ожет] б[ыть], и не совсем правильно, но с того времени предание суду и посредников, и председателей съездов, и предводителей производилось властью ген[ерал]-губернатора, и этим устраняются сомнения о том, предавать ли мне его суду собственной властью или представлять Сенату.

Провожу целый день дома в лежачем положении. Вечером получаем петербургские новогодичные известия, не содержащие, впрочем, ничего особенно крупного. Весь интерес дня по-турецки сосредотачивается на княгине Юрьевской и ее детях<sup>126</sup>.

4 [января]. Воскресенье. Являются из отпуска Есипов и Смирнов. Поручаю первому наблюдение за производством следствия о злоупотреблениях Каменецкого, второму – изучение Чигиринского дела<sup>127</sup>. Приезжающие с визитами лица: Мечников, Богданов, Крупенский, Юзефович, как будто чувят какую-то бурю и стараются осторожно выведать что-либо о последних фазисах отношений моих к Черткову.

Вечером принимаю профессора Антоновича, которому приказано б[ыло] Чертковым убраться из Киева подобру-поздорову, а который теперь, благодаря моему приезду, выбран в деканы факультета. Расспрашиваю его об украинофильстве, которого он теперь здесь почитается главою. По его заверениям, никакому здравомыслящему человеку не приходила в голову мысль об отделении Малороссии от Великой России. Украинофильское движение б[ыло] вызвано всего более ненавистью и отвращением истинных патриотов к тем лжепатриотам, которые под предлогом обрусения края запускали руки в общественные и частные карманы. Вражда этих злоупотребителей и б[ыла] главною причиною гонений, воздвигнутых на т. н. украинофилов, гонений, выразившихся в уничтожении отдела Географического общества, а затем – преследования малороссийского языка, тогда как без разработки этого языка немислимо народное образование. Жертвою этого гонения б[ыл] Драгоманов, которого огромное самолюбие б[ыло] одною из главных причин его выселения из России за границу, где жизнь для него весьма тягостна.

Мимоходом скажу, что я в этот же день получил заграничную посылку, оказавшуюся полным собранием книг, изданных Драгомановым. На адресе б[ыло] указание, что книги высланы Драгомановым, что, вероятно, заставило включить меня в список лиц, состоящих под надзором полиции.

5 [января]. Понедельник. С раннего утра явился ко мне кн. Урусов, доложить, что, быв накануне вечером у Тарновского, слышал там из уст адъютанта Черткова, что его генерал подал в отставку, обиженный моим распоряжением о назначении следствия над председателем съезда мировых посредников Уманско-Звенигородского ст[атским] сов[етником] Каменецким. С глупым человеком всегда имеешь сюрпризы; если бы я ожидал, что он по этому поводу подаст в отставку, то давно бы поторопился этим распоряжением.

Никаких посетителей ко мне не является; все ждут, чем кончится отставка Черткова. Заезжает один Галаган, который, между прочим, рассказывает, что воспитанники его коллеги хотели бы сыграть «Наталку-Полтавку»<sup>128</sup>, которую дают и в Полтаве, и в Одессе, но что он не знает, разрешит ли это представление киевская власть.

Является полицмейстер с докладом об арестовании четырех политич[еских] преступников. Оказывается, что жандармы следили за ними давно, но взяли их в тот день, когда Чертков почел себя вынужденным подать в отставку. Иначе говоря, Чертков поборол здесь революцию, которая подымает голову в минуту его отставки. Арестанты оказываются, впрочем, довольно пустыми и замышлявшими не против правительства, а только против начальника здешнего арсенала.

6 [января]. Вторник. Жандармский полковник докладывает о том же политическом аресте; оказывается, что за этими личностями следят с первых дней ноября, но арестовали их лишь в день посылки Чертковым просьбы об отставке. В еврейских синагогах вывешены объявления, что евреи должны в этот день оставаться дома, так как христиане намерены их избить. День проходит, однако, спокойно и для евреев, и для меня; киевская публика не верит в то, что Чертков будет отпущен, и потому его приемная [полна] лицемерно сочувствующими ему посетителями. Ко мне заезжает один лишь старик Юзефович и рассказывает со слов самого Черткова, что он, получив мою бумагу о назначении следствия над председателем съезда мировых посредников Каменецким, тотчас написал Лорис-Меликову письмо такого содержания: «М[илостивый] г[осударь] г[раф] М[ихаил] Т[аризелович]. Честь имею покорнейше просить Вас повергнуть к стопам е[го] и[мператорского] в[еличества] мое всеподданнейшее ходатайство об увольнении меня от должности генерал-губернатора. Примите уверение в совершенном моем почтении. Ч[ертков]». Как слышно, всю вину в происшедшем Чертков сваливает на Л[орис]-М[еликова], говоря, что имел от него обещание, что ревизия не будет иметь карательного характера, и что в этом он б[ыл] обманут<sup>129</sup>. Но указ о назначении ревизии всенародно

оповестил о моих правах по преследованию злоупотребителей, и не понимаю, что могло дать Чертков повод думать, что я в чем-нибудь стеснен в пользовании этими правами. Вечером этого дня возвращаются из Петербурга Попов, Носов и Петров; привозят кой-какие новости и письма. Чувствуется, что в Петербурге дела идут скверно; Лорис хлопочет о расположении княгини Юрьевской, [великие] к[нязья] Константин Николаевич и Владимир Александрович у нее на побегушках, бедный цесаревич все более и более одинок. Его нравственное состояние, как честнейшего человека, ужасно, положение его даже опасно. Мы видели много примеров в русской истории тому, как самодержавные государи поступали с наследниками своего престола<sup>130</sup>.

Я забыл упомянуть о том, что накануне вечером у меня был проф. истории Антонович, считающийся здесь главою украинофильства. Он только что вернулся из-за границы, где пробыл год, потому что Чертков дал ему знать, чтобы он совсем убирался из Киева. Тотчас после моего приезда в Киев Антоновича избрали в деканы факультета, и он мог спокойно возвратиться. С виду он человек весьма невзрачный и как будто забитый, говорит почти шепотом<sup>131</sup>.

7 [января]. Среда. С самого утра, когда я писал письма для отправления их с отъезжавшим в это утро сыном, явился ко мне корреспондент газеты «Новое время» с рекомендательным письмом от Лорис-Меликова, фамилия его Молчанов. Я назначил ему прием в 4 часа и, признаюсь, нашел довольно неуместною такую присылку. В момент отъезда Саша у меня, как назло, собрались посетители, а именно ректор университета Феофилакт, приезжавший приглашать меня на торжество раздачи наград, и занимающийся при мне А. Ф. Воронин, вскоре приехал еще Стороженко, и между ним и Ворониным завязался спор. Воронин доказывал правильность распоряжений по крестьянскому делу, и в особенности общих толок, доказывая, что отсутствие их стеснило бы крестьян; Стороженко, напротив, доказывал, что рядом с Киевскою губерниєю, в Полтавской, за размежеванием общие толоки уничтожены, и крестьяне, платя за право пастьбы скота, постоянно возвышают цены и сами богатеют.

В 2 ч. явился г. Линдфорс, здешний адвокат, передовой гласный Черниговской губернии, просит меня приехать в Чернигов на губ[ернское] земское собрание. Я отозвался своими почками, которые на этот раз болят кстати, потому что в предстоящем собрании, по поводу административной высылки Петрункевича, земство намерено поставить прямо вопрос о праве своем избирать в гласные лиц, административно сосланных. Кроме того, постановлен еще будет

вопрос о признании равноправности малороссийского наречия с великорусским языком<sup>132</sup>. Мое присутствие могло бы поставить меня в весьма неловкое положение. Вслед за Линдорфсом пришел снова Молчанов. Конечно, я ему рассказал лишь общие места, ссылаясь на то, что выводы было бы преждевременно высказывать, так как мои сотрудники еще не предоставили мне отчетов, да и вообще после двухмесячного пребывания в виду сложности здешних вопросов было бы весьма опрометчиво говорить о заключениях. Оказывается, что г. Молчанов сопровождал Лорис-Меликова во время Ветлянской чумы<sup>133</sup>, и, как он мне высказал, получил от Лорис-Меликова указание на то, чтобы ехать в Киев, как особенно интересное место. Весьма вероятно, что он не только корреспондент, но и шпион. Он наивно сказал мне, между прочим, что в Петербурге во время его отъезда удивлялись тому, что я в течение столь продолжительного времени не поссорился с Чертковым. Не менее наивно он спросил меня, не намерен ли я представить об уничтожении генерал-губернаторского поста. На мой ответ, что я об этом не думал, он сказал мне, что гр. Д[орис]-М[еликов] говорил с ним в таком смысле. Мне же Д[орис]-М[еликов] говорил совершенно иное, утверждая, что разновидность частей империи настоятельно требует существования генерал-губернаторств. В заключение нашего разговора я посоветовал Молчанову обратиться с расспросами по крестьянскому делу к Воронину, умному и давнишнему здесь деятелю по этому вопросу

8 [января]. Четверг. С утра управляющий занимаемого мною дома Гудим-Левковича приходит объявить, что Чертков нанял дом и что я должен выехать. При найме б[ыло] именно оговорено, что дом предоставляется мне на все время пребывания моего в Киеве, но от совершения письменного условия управляющий отказался, на том основании, что между мною и его доверителем достаточно одного слова. Урок на будущее время, но у меня б[ыло] столько хлопот с ревизию, что некогда было думать о таких пустяках. Во весь день меня посещает один Галаган, с которым рассуждаем о преподавании в народных школах. Относительно малороссийского языка он утверждает, что самый народ не желает обучения на этом языке, что крестьяне всегда говорят, что дети их в школах должны учиться тому языку, на котором писан царский закон. О Драгоманове Галаган сообщает, что он получает деньги и из России, и из Австрии, и что вообще австрийское правительство покровительствует партии украинофилов, так как с развитием малорусских особенностей народ должен сблизиться с Галициею, где эти стремления находят удовлетворение и даже покровительство. За обедом получаю телеграмму

от Каханова. Просят обвинений против Черткова, вероятно, чтобы уволить его со срамом. Как ни неприятна такая просьба, но, не зная, что делается в Петербурге, нельзя отказать им в желании получить историю моих отношений с Чертковым или, выражаясь правильнее, столкновений. Отказать — значило бы дать повод к обвинению в голословности заявленных мною затруднений при производстве ревизии, а между тем, высказать эти затруднения и не быть доносчиком — трудно.

9 [января]. Пятница. Скверно проспав ночь, пишу письмо Лорис-Меликову и отправляю с егерем к нему. Является домохозяин Гудим с довольно пошлыми будто бы извинениями, суражский предводитель Листовский, по-видимому, очень порядочный человек, и Новицкий с программой заказанного ему мною исторического труда о том, как здешний край подпал умственно польскому влиянию. Вывод один, что ополячение произошло не раздачею земель чиновникам, отдающим их жидам, а просто высшею культурою, проводником коей были и дворяне, и, в особенности, духовенство с своими школами.

10 [января]. Суббота. Уговариваюсь с Ушинским об отправке его в Сквирский уезд, как для исследования там штундизма, так и для обревизования крестьянских учреждений. Заезжает Юзефович, которому я накануне послал том своего сборника с письмами Гримма<sup>134</sup>, причем приложил такое 4-стишие:

Вот как писал посланья Гримм,  
Царице, милостивой с ним.  
А я?.. писавши вздор, не прав,  
Но знаю Ваш любезный нрав.

После обеда приезжает де Росси и привозит, между прочими петербургскими сплетнями, известие, что меня находят действующим слишком мягко по отношению к Черткову. Еще один упрек, что я пишу слишком мало, но дело в том, что у меня нет повода делать донесения о спешных делах, как в том представляется необходимость Шампину; у меня вопросы такие, что над ними много надо подумать прежде, чем болтать или писать. К тому же я не Скобелев, не нуждаюсь в Георгиевских крестах, а изучаю, и когда изучу, тогда скажу, до чего додумался. Из слов де Росси еще оказывается, что его случайное нахождение в Петербурге во время получения просьбы Черткова об отставке и моей телеграммы с объяснением ее причины было весьма кстати, потому что немедленно от него б[ыли] затребованы разъяснительные сведения по д[елу] о следствии над Каменецким.

Член суд[ебной] палаты Бильбасов, проездом в Подольскую губернию, где будет ревизовать мировых судей, является с письмом из П[етербурга].

11 [января]. Воскресенье. Отъезжающий в Петербург кн. Лопухин-Демидов берется отвезти письма. Корреспондент «Нового времени» Молчанов приходит прощаться, утверждая, что захворал лихорадкою; на деле я не погрешил излишком болтовни, и он уезжает, кажется, потому, что его надежды не сбылись, едет в Париж. Окончательные переговоры с Ушинским. Визит прокурора суд[ебной] палаты Загоскина, приехавшего из Петербурга; рассказывает, как министр юстиции Набоков, получив от Загоскина доказательства тому, что волынский прокурор Шопен – взяточник, в виду естественного заpiresательства обвиняемого хотел дать ему очную ставку с Загоскиным, который, разумеется, от этой чести отказался. Когда Загоскин был у Лорис-Меликова, то последний, расспрашивая его о назначении членов палаты, узнав о том, что Набоков не утвердил представления палаты о замещении вакансии, сказал: «Зачем Мечников (старший председатель) не написал мне этого», – давая понять ничтожную безличность Набокова.

Одновременно является Мечников, который продолжительным посещением и любезностями старается загладить то, что, отстраняясь от меня, состоял последнее время усердно в числе приближенных советников Черткова; между прочим, делает драгоценное для меня заявление, что Чертков сам сказал ему о намерении предать суду того самого Каменецкого, о действиях кого я назначил следствие. Он же рассказывает, что у Черткова обсуждался вопрос о том, как выжить меня из занимаемой мною квартиры, и что при этом он, Мечников, объяснил им, что об этом д[олжен] б[ыть] предъявлен иск в окружном суде, и что покуда пройдут обычные в этом случае сроки, я преспокойно проживу в занимаемом мною помещении, что, наконец, весьма вероятно, что и процесс-то я выиграю, так как закон допускает словесные договоры о найме имущества.

В 6 ч. приезжает Кауфман. Из его рассказа оказывается, что моя телеграмма о выходе Черткова в отставку была первым о сем извещением, что ее в подлиннике отнесли государю, с разъяснением дела об ответственности Каменецкого, что все это происходило в среду 7-го января вечером, что государь, однако, ни на что не согласился, а получив на другое утро в подлиннике письмо Черткова к Лорису с просьбою об увольнении, написал на нем: «Переговорить лично», тогда, опасаясь, что Чертков будет вызван, от меня потребовали того обстоятельного разъяснения всего происходившего между мною и

Чертковым, которое я и послал, но которое пришло после того, как в пятницу утром, на обычном докладе министра внутренних дел, отставка Черткова была принята и на место его назначен Дрентельн.

12 [января]. Понедельник. Приступая с развязанными руками к окончательной разработке занимающих меня вопросов, распределяю их в дополнение ко всему, что уже прежде б[ыло] сделано, следующим образом. Попов: общая полиция, ему помогает Есипов, который, кроме того, занимается еврейским вопросом; де Росси: административная высылка и поднадзорные; Носов с Кауфманом: чиншевой вопрос, владельческие города; Петров: мировые судьи; Щировский: крестьянское дело; Воскобойников: городское управление; Шидловский: народное образование и возможность введения в крае земских учреждений; Смирнов: всякого рода межеванье. Мне самому остаются: чисто политическое дело и вопрос о поляках и их ограничениях. Для вопроса о православном духовенстве взят Воронин, а о штундизме работает Ушинский.

Вечером получаю от Каханова уведомление об отставке Черткова.

13 [января]. Вторник. Решаюсь послать в Чернигов Попова с Есиповым и Кауфманом, под предлогом ревизии окружного суда, они будут следить за тем, что будет делаться в губ[ернском] земском собрании. Вечером Загоскин; рассуждаем о пререкании с черниговским губернатором относительно ответственности тамошнего исправника. Чертков ему горько жаловался на меня, вероятно для того, чтобы он это мне передал. Получаю от домохозяина заявление о необходимости очистить квартиру не позже 1-го февраля. Посылаю Абазе шифрованную телеграмму с просьбою выхлопотать мне у Адлерберга разрешение жить во дворце.

14 [января]. Среда. Вырабатываю программу чиншевого вопроса и передаю ее Носову для написания и развития заданных тем. Провожу вечер в обществе кн. Ливена и просмотривании реестров генерал-губернаторской канцелярии.

15 [января]. Четверг. Очень резкая и неблагоприятная для Черткова корреспонденция в «Новом времени». Корреспондент г. Молчанов воспользовался тем, что попал в горячую пору, и не пощадил Черткова. С удовольствием вижу, что в ней не помещено ничего такого, что шло бы от меня, а все это собрано им мимо меня. Это б[ыло] ему нетрудно, потому что он жил в Киеве до [18]76 г. и имел рекомендательные сюда письма.

Вечером Скаржинский и Лазаревский долго говорят о Чернигове. Итоги: нищета и голод в северных уездах, отсутствие порядоч-

ных людей вообще, трудность находить мировых судей вследствие возвышенности ценза, чрезвычайная неудовлетворительность администрации, пустота, ничтожество и даже глупость губернатора Шостака, несчастная серия неудачных губернаторов.

16 [января]. Пятница. Жандармский полковник Новицкий приезжает оправдываться в обвинении, взведенном Молчановым, в том, что арест 4 политич[еских] преступников произведен в день посылки отставки Чертковым, приписывает это случайности и рассказывает, что пришел доложить об этом аресте Черткову, не зная об его отставке, и здесь был принят достопримечательною Ольгою Ивановною, которая начала разговор со слов: «Наша песенка спета». Во время разговора с Новицким мне приносят присланную на мое имя прокламацию, осуждающую на смерть помещика Левандовского, в том случае, если он выиграт в окружном суде дело с своими чиншевиками. Вслед за Новицким является нотариус Мельгаф с формальным заявлением о том, что г. Гудим-Левкович, мой хозяин, требует очищения квартиры к 1 февраля. Не прочитав этого заявления, отправляюсь с находившимся тут В. А. Стороженко искать квартиры, но решительно ничего сколько-нибудь сносного нигде не нахожу. Раздосадованный, возвращаюсь домой и из любопытства читаю длинное нотариальное заявление, в конце его нахожу, что мне, вероятно, думая надо мною подшутить, предлагают нанять квартиру на тех же условиях, на коих она сдается Чертковым, т. е. по формальному контракту на три года с платою 5½ тысяч и с правом передачи. Посылаю за нотариусом и заявляю, что беру квартиру на этих условиях.

17 [января]. Суббота. После утренних занятий делаю пешеходную прогулку по чудесной погоде, но к вечеру опять должен слечь вследствие сильных болей. Приехавший тщетно на помощь доктор Меринг рассказывает два хороших случая из своей землевладельческой практики. В одном из его имений вблизи от Киева страшно распространилось воровство. Приехав туда, он получил от крестьян прямые указания на одного из них, самым наглым образом воровавшего. Когда Меринг советовал им отдать такого человека в руки правосудия, то крестьяне выражали сомнение в возможности так поступить, подозревая, что такое открытое воровство могло происходить не иначе, как на основании выданного губ[ернским] начальством открытого листа. В другом имении крестьяне, предводительствуемые священником, вырубали помещичий лес; началось следствие, причем священник выдал удостоверение, что главные виновные умерли и похоронены.

18 [января]. Воскресенье. Лежу в постели, принимая посетителей. Прежде всего является член Подольского крестьянского присутствия д[ействительный] с[татский] с[оветник] Александр Викторович Носач-Носков, которого приглашаю к исполнению обязанностей старшего чиновника вместо уехавшего Данилова. Человек, по-видимому, дельный, с удовольствием принимает мое предложение. Обычные воскресные посетители, между прочим, рассказывают. Яков Васильевич Тарновский (богатый помещик) – что у него в имениях до сих пор, когда полиция приезжает собирать подати, то начинается с того, что в нескольких избах выколачивают окна, разламывают печи, и тогда крестьяне вносят следующие с них платежи. Богданов – что в Подольской губернии, в каком-то селении, была засуха; крестьяне приписывали это влиянию какой-нибудь деревенской ведьмы, но, зная, что у ведьмы бывает хвост, для обнаружения, кто именно из баб есть ведьма, по приговору волостного суда дали по пяти ударов розог всем бабам целой деревни. После обеда разговор в моем присутствии между Носковым и Щиrowsким. Крестьянское дело и чиншевой вопрос. Трудность проведения грани между чиншевиками и не чиншевиками.

19 [января]. Понедельник. Продолжаю лежать в постели. Губернатор и жандармский полковник приезжают сообщить о следующей проделке. Помещик Левандовский имеет процесс с своими чиншевиками в Киевском окр[ужном] суде. На днях из Киева была послана в его имение телеграмма урядника с приказанием выехать на станцию жел[езной] дороги для встречи чиновника по особым пор[учениям] ген[ерал]-губ[ернатора] графа Толстого. Урядник поехал ждать на станции, а между тем в имение приехал человек в форменной фуражке, выдававший себя за сенаторского чиновника, обревизовал книги тамошней мещанской управы, велел собрать чиншевиков, объяснил им несомненность их прав, затем приказал сельскому старосте проводить себя до железной дороги, а там передал ему в руки три пакета для вручения исправнику, становому и чиншевикам. В пакетах оказались прокламации, по прочтении коих чиншевики заявили, что если этот человек явится вновь, то будет ими немедленно связан. Вечером Мечников, на выраженное мною намерение сделать визит Чертковым, предвещает, что бешенство их таково, а при том выражается в такой вульгарной форме, что, делая визит, я мог бы просто подвергнуться площадному оскорблению.

20 [января]. Вторник. Умный протоиерей Лебединцев приходит извиняться в том, что некоторых дел, обещанных мне из консистории, доставить не может; сваливает вину на покойного митрополита

Арсения; по всей вероятности, дела таковы, что их показывать неудобно. Рассказывает, что присутствовал при разговоре покойного митрополита Арсения с штундистами в Чаплинке, что разговор этот имел первоначально целью получить от штундистов ответы на заранее поставленные вопросы; вопросов б[ыло] очень много, и он, Лебединцев, видя, что время уходит, а между тем предстоит еще переезд в тридцать верст, потом служение всенощной и ночлег, просил митрополита передать этот допрос благочинному священнику и ехать далее. Смею с своей стороны думать, что если бы допрос, несомненно связанный с увещанием, был вполне успешен, то умный Лебединцев не прекратил бы его напоминаниями о ночлеге. Обещает прислать мне этот самый допрос. После обеда: Хлопов, исправляющий должность управляющего акцизными сборами. Разговор о законе 14 мая, запрещающем евреям торговать водкою в селениях, иначе как в собственных домах. Сенат разъясняет, что собственные дома могут стоять только на собственной земле, а Министерство финансов по соглашению с Министерством внутренних дел разъясняет, что собственный дом можно иметь и на арендованной земле. Помещики, и в том числе губернатор Гессе и генерал-губернатор Чертков, выдают евреям заведомо лживые удостоверения о том, что эти евреи владеют домами, стоящими на земле их, помещиков, обеспечив себя при этом векселями.

Характеристичный анекдот из недавних киевских административных нравов. На одном бале жена генерал-губернатора подошла к управляющему акцизными сборами Бурмейстеру и сказала ему: «Моя горничная выходит замуж, пожалуйста, дайте ее жениху место по акцизному управлению, только непременно в Киеве, потому что я хочу сохранить ее в услужении». Просьбу управляющий счел невозможным не исполнить и для этого переместил одного чиновника.

21 [января]. Среда. Жандарм Новицкий представляет записку о политическом движении в Киеве. При этом рассказывает, что недавно вновь устроенная в Киеве сыскная полиция пожелала отличиться и взять некоего Малинина. Новицкий, не считая его серьезным, предоставил его поимку общей полиции; при этом его агенты наблюдали за приемами полицейских чиновников и постоянно доносили о их неуспешности. Действительно, собравшиеся на улице околоточные дали подозреваемому и повод догадываться, что за ним следят, и полную возможность скрыться.

Старик Юзефович с изложением своих взглядов на народное образование и негодованием против Сабурова.

Помещик Злотницкий с жалобою на то, что киевский нотариат отказывается от засвидетельствования закладных на имя поляков,

хотя бы с ограничением права владеть по закладной, а между тем во всем Северо- и Юго-Западном крае, на основании разъяснений министра юстиции, подобные закладные совершаются. Относительно чиншевиков Злотницкий находит, что единственное средство прийти к мирному исходу было бы облегчение совершать долгосрочные и даже эмфитевтические контракты<sup>135</sup>. Горькие жалобы на посредников и их влияние на крестьян.

22 [января]. Четверг. Губернатору Гессе передаю для расследования посланную министру в[нутренних] дел телеграмму двух крестьян о том, что их высекли два полицейские урядника.

Председатель окр[ужного] суда Сабуров отвергает справедливость показания Злотницкого о том, будто бы совершение закладных на имя поляков допускается в других, кроме Киевского, уездах края.

Маркевич, мой старый товарищ, приехавший на несколько дней из Петербурга.

Раевский, правитель канцелярии Черткова, только что возвратившийся из Одессы, куда ездил для свиданья с Дрентельном; получил от него заявление, что Д[рентельн] не оставит его при себе, сообщает о намерении ехать в Петербург, чтобы искать места. При этом передает мне некоторые выработанные в канцелярии генерал-губернатора записки.

Воронин: продолжительное совещание по вопросу о причтовых помещениях, предположения об обращении этой тяжелой повинности из натуральной в денежную. Передаю ему записку Арцимовича о том же вопросе.

Получаю письмо от Дрентельна с просьбою уступить ему в правители канцелярии Носача-Носкова. Разумеется, немедленно отвечаю, что делаю это с удовольствием. Требование весьма естественно, но если бы оно и было в чем-нибудь притязательно, так мне теперь мудрено заводить какое бы то ни было несогласие с новым генерал-губернатором после свержения старого. За обедом приезжает Пемке с письмами из дому. В Петербурге дела идут скверно. Княгиня Юрьевская разыгрывает все большую роль; раболепное, низкопоклонное общество начинает пред нею склоняться; в. к. Константин Николаевич, первый ее поклонник, благодаря этим отношениям всемогущ, военный министр Милютин и Лорис-Меликов составляют с ним триумвират и оттирают цесаревича, в котором, естественно, должны накипать горечь и злорада. Пред Новым годом государь наотрез отказал в предположенных Лорисом перемещениях, сказав, что просит, чтобы ему дали доживать свой век спокойно. Разразившееся тотчас вслед за тем столкновение мое с Чертковым

пришлось вовсе некстати, и уломать государя согласится на отставку было очень нелегко. Он хотел как-нибудь замять дело и отделялся шутками о том, что выходки Черткова происходят от наследственных строгановских замашек<sup>136</sup>. Есть подозрение, что тут влияла и княгиня Юрьевская, недолгоблывающая меня и долженствующая сочувствовать Чертковой, достигшей брака после многолетней связи. В итоге довольно счастливо, что дело окончилось так; я не говорю о себе, я даже был бы рад уйти и, разумеется, ушел бы, если бы отставка Черткова не была принята, но все это очень грустно отозвалось бы на самом правительстве.

Вечером заходит Мечников, который, при всем своем уме, довольно цинично говорит, что Чертков не может его винить за прежнее время, потому что до сих пор он бывал у меня только по воскресеньям утром и притом в присутствии благородных свидетелей. Обсуждаю с ним предположение об изъятии от губ[ернского] правления дел о предании суду должностных лиц и передаче дел этих в судебную палату, в качестве обвинительной камеры.

23 [января]. Пятница. Получаю телеграмму о смерти кн. Дмитрия Александровича Оболенского. Был недурной, но гораздо более пустой, чем обыкновенно думали, человек. В здешнем университете начинается волнение по тому поводу, что петиции Московского университета уважены, а здешние студенты ждут удовлетворения своих; об этом следовало бы Сабурову подумать. Вызываю Воронина, который рекомендует мне для крестьянского дела некоего Якубовича. Читает мне свою записку о еврейском и польском землевладении. Вечером де Росси читает мне представленную Новицким записку о социальном в Киеве движении.

24 [января]. Суббота. Попечитель учебного округа Голубцов сообщает о том, что студенты действительно собираются на сходки и намереваются подать новое прошение в подкрепление прежнего своего ходатайства. Целый день пишу письма, имеющие отправиться с уезжающим завтра в Петербург Маркевичем. Вечером и[справляющий] д[олжность] университетского инспектора Божовский подтверждает, что студентское брожение увеличивается; на бывшей сегодня второй сходке участвовали уже студенты не одного первого курса. Говоря вообще об университете, подтверждает мое впечатление, что главное его несчастье – нищета. Из числа студентов едва ли наберется один процент таких, которые по окончании курса могут жить не личным своим трудом. Раздачею стипендий и пособий, или вообще деньгами, можно бы влиять всецело на студентов. Евреи во всем передовые, коноводы. По выходе из университета

всячески добиваются, чтобы в аттестатах не было указано еврейское их происхождение. Юридический факультет считается наиболее благоспитанным и не участвует ни в каких беспорядках. Положение учрежденной гр. Толстым инспекции совершенно ложное, ее не любят ни студенты, ни профессора, и потому жизнь инспекторов невыносима. Инспектора надо подчинить не попечителю, а ректору, тогда он не будет в немилости у совета.

25 [января]. Воскресенье. Уезжающий в Петербург Маркевич берет с собою письма; кроме семейства, пишу Победоносцеву, Каханову, Маркову, Абазе, последнему многим обязан за время пребывания в Киеве.

Принимаю проф. Кистяковского с шестью студентами, которые перевели для меня с немецкого прусское провинциальное устройство.

По обыкновению заходит Мечников, который на днях, на бале у губернатора, какой-то даме, находившей, что бал не оживлен, отвечал: «Да ведь это пир во время чумы». Вечером кончаю чтение записки Новицкого.

26 [января]. Понедельник. Осматриваю реальную гимназию. Почти все ее ученики без исключения поступают в институты Технологический и Путей сообщения. Забавен в гимназии коммерческий класс, в который уговаривают поступить двух-трех учеников, чтобы сказать только, что такой класс существует. Разговор с Загоскиным относительно ответственности полицейских чинов Черниговской губернии. Продолжительный визит бессвязного Репнина. Вечером прочтение записки Воронина о польском землевладении.

27 [января]. Вторник. Чиновник Троицкий, вступающий в управление генерал-губернаторскою канцеляриею, является и принимает на себя просмотр дел крестьянского отделения. Прогулка и визит Кочубею. Назначенный из Стародуба в Житомир прокурор Окружного суда Зряхов обещает список стародубских деятелей. Губернатор Гессе сообщает о том, что бердичевский мировой судья Чагин, которому я предложил выйти в отставку за то, что находится в неплатных долгах, чрез своих родственников стал собирать подписку на поднесение ему от жителей золотой цепи; в волостях такая подписка делалась почти принудительно, и губернатор получил мое согласие на командирование чиновника для производства о сем расследования. Возвращающийся с ежедневного занятия ревизиею городского управления Воскобойников сообщает о любопытных образчиках произвольничанья администрации. Губернатор, обязанный по закону всякое ходатайство думы представить в месячный срок, задерживает подобные ходатайства по целым годам, а генерал-губернатор, несмотря на указ Сената, отстраняющий всякое его

вмешательство в дело городских ходатайств, продолжает требовать к себе всякое ходатайство. Вечером: ученый еврей Баратц развивает мысль о необходимости уменьшения молитвенных домов и, напротив, поощрения синагогам. Городской голова Эйсман представляет новые доказательства халятного произвольничания администрации. Кончаю вечером у Ригельмана. Разговор о слухах относительно организации в Финляндии финляндской армии, отсюда остзейские привилегии и отсутствие привилегий Малороссии. Ригельман – славянофил, но враг сельской общины или, правильнее, общинного владения землею; считает, что единичная собственность, т. е. фермерное хозяйство, представляет единственное средство спасения от экономических бед.

28 [января]. Среда. Разговор с учителем рисования из реального училища, обещаю ему лучшие образцы из своего училища. После прогулки заезжаю к Воронину, с которым толкуем о крестьянском вопросе: его интересует вопрос о переселении, о котором еще не имею сведений. Вечер за чтением приложений к записке Новицкого.

29 [января]. Четверг. Из Чернигова возвращаются посланные мною туда Попов, Есипов, Кауфман. Рассказы о тамошнем земстве, разделенном на две враждебные партии. Во главе первой – губ[ернский] предводитель Неплюев, человек ограниченный, преследующий узко помещичьи денежные, имущественные интересы; его ненавидят противники за сделанные им полицейские доносы, результатом коих была административная высылка некоторых либералов, и во главе их некоего Петрункевича. Такая вражда имеет последствием, что самое дело отодвигается на задний план, а заседания проходят в прениях личного свойства. Губернатор Шостак своею бестактностью и глупыми выходками восстанавливает против себя земство.

Ригельман, делая мне визит, рассказывает о том, как в крестьянской комиссии тщетно противудействовал намеренному установлению тех спутанных между землевладельцами и земледельцами отношений, которые доселе делают невозможным успех хозяйства. Говорит также о статьях своих против украинофильства. По его словам, в Галиции украинофилы, и во главе их Драгоманов, стараются слиться с приверженцами России, для того, чтобы сделать нам из них врагов.

30 [января]. Пятница. Приехавший из Петербурга князь Кудашев, вольнский губ[ернский] предводитель дворянства, по назначению Черткова, горячий его приверженец, является ко мне в мундире, после того, как неоднократно со мною встречался в Киеве и не считал даже нужным со мною познакомиться. Вот какой сброд представляют из себя люди по сердцу Черткова и его жены.

Раевский со смехом рассказывает, что получил от Дрентельна чрез неделю после свидания с ним письмо, в котором тот просит его распространять, что он, Раевский, уходит с места правителя канцелярии по собственному желанию. Оно и бестактно, и простовато. Об этом можно было уговориться при свидании, а не писать после. Прогулка с Кауфманом, который упрекает меня в том, что мои чиновники не довольно знакомы с взаимною деятельностью каждого. Я сознаю неудобства этого, но замеченная мною зависть и желание друг пред другом отличиться составляют главную причину того, что мне одному известна общая связь порученного мне дела. Кауфман уверяет меня, что отношения не в такой степени враждебны.

Вечером получаю телеграмму, извещающую о смерти б[арона] А. Ф. Будберга и гр. П. М. Орлова-Денисова. Первый, бывший когда-то нашим послом в Париже, принадлежал к числу тех образованных людей, проживших всю жизнь в Европе, сторонников просвещения, литературы, искусства, которые быстро исчезают среди нас, но заменяются людьми, быть может, более трудовыми, деятельными, но лишенными того афинства<sup>137</sup>, которое составляет главную прелесть жизни; второй был добрый, благородный юноша, довольно бестолковый, беспутный, любивший покутить на все руки. Кончаю вечер у Юзефовича, где на этот раз гостей немного, и старик в двенадцатый раз повествует о том, как своею статьею содействовал к восстановлению на памятнике тысячелетия России статуи императора Николая.

31 [января]. Суббота. Визит Черткову по поводу смерти его племянника. Не застаю дома. После обеда скучное объяснение с де Росси, узвленное самолюбие, всеобщая зависть к Шидловскому, желание каждого из моих чиновников играть первую роль, в глубине интриги — Есишов. Разговор с Борисовым, который после отставки Черткова начинает говорить. Жалобы на злоупотребления инженеров путей сообщения. Бездеятельность всяких властей, и в особенности крестьянских. Убеждение крестьян в неизбежности «слушного часа»<sup>138</sup>. Рекомендация Кильчевского по еврейскому вопросу. Приезжает Абела с письмами из Петербурга. В Зимнем дворце общество княгини Юрьевской умножается. На днях туда на вечер приехал Демидов Сан-Донато, пьяный и, положив руки в карманы, разговаривал с хозяином дома. В письме своем Каханов пишет мне, что сделано несколько крупных арестов. Чего социалисты торопятся, жители Зимнего дворца успешнее и быстрее работают в их смысле.

1 февраля. Воскресенье. Разговор с Абела о Рапгах. Стараюсь по возможности сдерживать его поползновения украсить и устроить этот милый сердцу моему уголок. Землемер Соколов и объяснения о

ходе межевого дела. Умный Воронин, план труда о крестьянском вопросе, Якубович, потерявший чемодан с 25 т. р. Чиншевики и мои о сем предположения. Управляющий удельною конторою, весьма умный человек, успел раздать землю в аренду по контрактам. Прокурор Загоскин и его товарищи Кочуков и Ливен жалуются на то, что последняя проделка сенаторского чиновника, возмущавшего чиншевиков, принадлежит жандармскому агенту и подозревают, что в этом случае они – жертва жандармов. Успокаиваю их, доказывая, что ошибка возможна во всяком управлении, а на желание их быть отделенными от жандармов уверяю их, что они без жандармов ничего не сделают, а жандармы без них сделают много нежелательного. Визит Галагану, который только что вернулся из Харькова, где во время его пребывания Дондуков-Корсаков получил указ о назначении в Одессу, причем выражал изумление, что Чертков обиделся назначенною к нему ревизиею, когда у него, Дондукова, сенаторы ревизуют две губернии – Черниговскую и Воронежскую. Вечером, после доклада де Росси об обревизовании судного отделения ген[ерал]-губ[ернаторской] канцелярии, является жанд[армский] полковник Новицкий с оправданиями о проделке мнимого сенаторского чиновника, который оказывается неким политическим преступником Акимовым, прощенным для поступления в шпионы среди социалистов, и который, сколько мне кажется, обманывает не своих сотрудников-социалистов, а напротив, самих жандармов. Внушаю Новицкому, что промахи и ошибки возможны во всяком управлении, но что его обязанность – прежде всего и обо всем поставлять в известность прокурора судебной палаты.

2 февраля. Приезжает прощаться Раевский, которому обещаю рекомендательное письмо к Каханову. Раевский действительно умный, честный, трудолюбивый чиновник, быть может, односторонний во взглядах, но, несомненно, составляющий исключение в рядах здешних деятелей. Прогулка с Абеда и разговоры о Раптях и охоте. В 3 часа Галаган, В. А. Кочубей с женою, разговор о малороссийском языке и народной школе. Отпускаю Есипова в Умань с приличным внушением. Вечером управляющий Контрольною палатою В. В. Борисов представляет сведения о злоупотреблениях инженеров путей сообщения по Киево-Брестскому шоссе. Решаю отправить Шидловского для удостоверения в том, что камень для ремонта не поставлен. Разговор с Мечниковым и Борисовым: отсутствие в деревне просвещенного землевладельческого класса, на котором можно было бы что-нибудь основать. Выставляю Мечникову необходимость поговорить во всеподданнейшем отчете о новых суд[ебных]

здесь учреждений. Он с похвалою отзывается об участии в составе присяжных польских помещиков и с негодованием — о жидовских интригах и проделках.

3 февраля. Двадцатилетие моей свадьбы, именины Анны, посылаю ей поздравления. Прогулка с Абела по городскому саду. Визит Репнину, который показывает свой знаменитый саксонский сервиз. Доклад киевского губ[ернского] землемера Соколова о межевании, т. е. поверке отводных актов, первоначально составленных землемерами, более или менее аматёрами. Вечером сверяем сведения, полученные в этот день Шидловским и Воскобойниковым в округе путей сообщения относительно камня, долженствующего быть изготовленным на Брестском шоссе. Проверку производим при участии управляющего контрольною палатою Борисова. Разговор с капитаном Судейкиным, помощником Новицкого, заведывающим сыскною частью жанд[армского] управления.

4 [февраля]. Среда. Якубович, рекомендованный Ворониным для занятий по крестьянскому делу. Готов работать, но очень болен. Щировский и Смирнов возвращаются из Чигиринского уезда; злоупотребления люстрационных и других чиновников невероятно обширны, к ним надо присоединить священников. Арцимович, приехавший из Петербурга, там всеобщее удовольствие по поводу отставки Черткова. В итоге сообщает мало нового, кроме разве того, что на Ковалевского негодуют за его грубое обхождение и за записку об административной высылке. Лорис-Меликов уже не раз ставил ребром вопрос о своей отставке; сильнее, чем когда-либо, вмешивается в дела других ведомств, как, напр., дело о конкордате. Вечер с тем же Арцимовичем. Разговор о чиншвом вопросе, о его петербургских впечатлениях, находит Сабурова ниже своего поста, а Лориса — не имеющим довольно выработанных взглядов. Воспоминания о Сибирской ревизии<sup>139</sup> и встреченных там декабристах, в особенности Батенькове.

5 [февраля]. Четверг. Новицкий рассказывает, как перлюстрация устроена в Киеве. В почтовой конторе два чиновника, из коих один именуется цензором, подпечатывают письма и, делая из них выписки, отчасти сообщают эти выписки генерал-губернатору, отчасти посылают в Петербург. Жандармы, для получения писем следуя законному порядку, должны бы сноситься с Петербургом, но в действительности поступают проще, а именно: дают почтальону 50 к. за каждое взятое для прочтения письмо и 3 р. — за письмо, взятое в собственность. Спрашиваю Новицкого, не может ли он достать мне депеши, которые, по всей вероятности, начальник округа путей

сообщения рассылает дистанционным начальникам Киево-Брестского шоссе вследствие затребования мною сведений о количестве поставленного для ремонта камня. Обещает доставить. Доклад Смирнова о положении межевой части, т. е. о коштном межевании и о проверке планов на отведенные крестьянские надель, и по тем, и по другим межевым действиям крестьяне оказывают материальное сопротивление.

Отставной член Подольского крестьянского присутствия Якубович, очень опытный и, по-видимому, дельный человек, рекомендованный мне Ворониным, но, к сожалению, вследствие крайне расстроенного в настоящую минуту состояния здоровья не может приступить ни к какой работе. Сообщает интересные сведения о Подольской губернии, как напр., что там около трети крестьян выкупили свои надель в собственность, что одно из труднейших препятствий к разграничению крестьянской и помещичьей собственности составляют сады, разведенные крестьянами в помещичьих лесах; помещики имели право приобрести эти сады, отдав крестьянам двойное количество земли и оставив сады в двенадцатилетнем пользовании крестьян, но по неосмотрительности некоторые из помещиков этого не сделали, а за тем теперь не могут разделаться с крестьянами.

Ригельман приносит свою записку, опровергающую попользования Раевского провести в здешнем крае общинное владение. Он видит спасение, и экономическое, и политическое, только в расширении и обеспечении личной собственности и организации крестьянского, самостоятельного, не чрезполосного, а отрубного владения. После обеда окончание Смирновым доклада, приводящего все к тому же заключению, что крестьяне боятся межевания только потому, что оно поведет к окончательному упрочению их поземельного положения, тогда как они имеют несомненную надежду когда-нибудь получить всю помещичью землю.

Чтение с Ворониным и Щировским программы сведений, необходимых для обработки крестьянского вопроса, т. е. ревизионного о сем отчета. Решаю взвалить это на Богославского.

6 [февраля]. Пятница. Отправляю в Петербург Абея с письмами к Набокову о предполагаемой мною ревизии Киево-Брестского шоссе, к Каханову – с соображениями по украинофильскому вопросу, к Маркову – о бывшем здесь съезде училищных инспекторов и т. п. Продолжительная беседа с помещиком Бобровским о чиншевом вопросе. Польские помещики желали бы, чтобы в форме синдиката или третейского суда вопрос был отдан в их руки. Не сомневаюсь, что они решили бы его в смысле, быть может, более либеральном, чем

могла бы то сделать сама правительственная власть. Сомневаюсь, однако, чтобы допустить это было согласно с видами здоровой политики. Такой способ разрешения мог бы быть допущен как подспорье, но окончательная санкция необходимо должна бы принадлежать судебной власти, которой прямое влияние на всякие землевладельческие вопросы было бы крайне желательно в этом развращенном произвольничанием администрации крае.

Обед у Галагана, В. Кочубей с женою, вдова В. В. Кочубей, Ригельман, Борисов, Репнин, Дунин-Борковский. После обеда разговоры о малороссийском языке. Получаю телеграмму от Каханова о неимении препятствий к откомандированию в мое распоряж[ение] Пестова.

7 [февраля]. Суббота. Новая и все-таки неудачная защита Черткова в «Московских ведомостях». Разговор с Щиrowsким о крестьянском деле. Необходимо облегчить крестьян организацией переселения, облегчением платежей, но уничтожать подушную подать я не признаю возможным, а справедливым и удобоисполнимым признаю распространить на всех землевладельцев участие в платеже по земским повинностям. Это, конечно, в связи с введением земских учреждений, без сомнения, в известных измененных формах, а при наложении новых платежей на помещиков надо подумать и о процентном сборе с поляков.

Пихно: является, в сущности, для снискания моего благорасположения за то, что в царствование Черткова, несмотря на мое приглашение, не показывался ко мне никогда. Особых материалов, полезных для ревизии, по словам его, не имеет; ведет войну с еврейским органом — «Зарю»; восстает против украинофильской агитации, доказывая, что за нею кроется польская, революционная интрига. Получаю затребованные из X округа путей сообщения сведения о лежащем поперстно на Киево-Брестском шоссе камне и посылаю эти сведения к управл[яющему] контрольною палатою Борисову. Вечер у Крупенских. Играли в вист с старым богатым помещиком Андреем Петровичем Тарновским, железнодорожником Штенгелем и у[ездным] предводителем Мацневым.

8 [февраля]. Воскресенье. Обсуждение Киево-Брестского дела с Борисовым. Разговор с Кауфманом о перешедших в русские руки землях. Продолжительный визит Ригельману. Чудесная солнечная погода. Вечер у Я. В. Тарновского.

9 [февраля]. Понедельник. Вручаю старшему ревизору контрольной палаты Макарову предписание на имя начальника округа путей сообщения д[ействительного] с[татского] с[оветника] Людевига об

осмотре наличного камня на К[иево]-Б[рестском] шоссе. После завтрака кн. Кудашев, не желавший со мною знакомиться при Черткове и явившийся в мундире после его падения, приезжает бранить Черткова самым постыдным образом. Тягостный разговор с этим незавидным господином, по счастью, прерывает Галаган, с которым совещаюсь и о крестьянском деле по Киевской губернии, и о земском деле по Черниговской губернии. Галаган рассказывает о своем участии в разрешении крестьянского дела здесь. По окончании работ редакционной комиссии в 1861 г. Галаган сделался членом Черниговского крестьянского присутствия. В 1863 г., ничего не подозревая о начавшемся уже в Киевской губернии Польском восстании, Галаган из Чернигова поехал в Киев. Около Козельца он остановился в своем имении<sup>140</sup>, где какой-то флигель отдавался внаймы некоему акцизному надзирателю<sup>141</sup>. Надо было удостовериться в степени необходимости ремонта этого дома, и Галаган зашел осмотреть помещение. Акцизный надзиратель оказался ярким украинофилом, в народном костюме, с портретом Шевченки на стене вместо образа. Когда Галаган собирался уезжать, то этот человек отвел его в отдельную комнату и сообщил ему, что народ готовится истребить всех помещиков и что он предупреждает о том Галагана, убедаясь, что Галаган заслуживает лучшей участи. Галаган посмеялся над своим жильцом и поехал далее. Подъезжая к Броварам, он увидел толпу поляков, оцепленную русскими солдатами; в самом Киеве на улицах попадались шляхтичи, связанные крестьянами. Генерал-губернатором был Анненков, у которого в голове и под руками шла полная неурядица. Пораженный картиною царствовавшего в крае малоумия, Галаган написал обо всем виденном письмо Самарину, бывшему когда-то правителем канцелярии киевского генерал-губернатора. Вероятно, Самарин как-нибудь передал известия эти в Петербург, вследствие чего Галаган не замедлил получить приказание туда явиться. Приглашение получено чрез Валуева. Государь принял Галагана очень милостиво. Галаган высказал ему, что настала минута в этом искони русском крае покончить с польским владычеством и воспользоваться безрассудностью поляков, чтобы повернуть многомиллионное русское крестьянское население лицом к императорскому престолу. Государь во всем соглашался, но как будто не решался высказать свою мысль; наконец он обратился к Галагану с словами: «Послушай, Галаган, ведь многие упрекают тебя в том, что ты украинофил». – «Я люблю свою родину и край, где родился», – отвечал Г[алаган]. – «Да, но ведь между украинофилами есть такие, кои мечтают о сепаратизме, из числа таких не надо бы привлекать к поручаемому тебе делу». Решено было, что без местных людей

обойтись нельзя, и потому известное число хотя бы и заподозреваемых в украинофильстве допустить следует. Приняв руководство крестьянским делом в Юго-Западном крае, Галаган не пожелала быть председателем образованной для сего комиссии, а лишь вице-председателем, оставив председательство за г[енерал]-г[убернатором] Анненковым. Анненков не разделял взглядов комиссии, а между тем, подписывал все ее журналы. Явилось неудовольствие польских помещиков, а вслед за тем и русских, в особенности же старика гр. Ал. Ал. Бобринского, который, воспользовавшись однажды пароходным переездом вместе с государем до Петергофа, представил действия Галагана в самом неблагоприятном свете. В октябре 1864 г. приехал в Киев Валуев для рассмотрения, кто прав, крестьянская ли комиссия, или ген[ерал]-губернатор. После долгих пустых разговоров Валуев уехал и, садясь в карету, отправил Галагану запечатанный конверт, в коем настаивал на принятии комиссиею к руководству девяти редактированных им пунктов. Галаган, а за ним и вся комиссия отвергли эти пункты, как противоречащие высоч[айшим] повелениям.

От того же Валуева получилось из Петербурга уведомление о согласии с этим последним постановлением комиссии. Вскоре после того приехал гр. Владимир Бобринский, и последствием его приезда была отставка Анненкова. Между тем Галаган вызван был в Петербург. В Главном комитете он имел двукратно споры с графом Бобринским и по постановлениям комитета вышел из этих споров победителем. В. к. Константин Николаевич, в. к. Елена Павловна принимали его очень любезно, но государь не звал к себе. Наконец Галаган б[ыл] приглашен к государю. Разговор начался с упрека за противодействие ген[ерал]-губернатору. Галаган отвечал, что, имея указанную самим государем цель своей деятельности, он, преследуя эту цель, иногда д[олжен] б[ыл] действовать наперекор ген[енерал]-г[убернатору], не совсем ее понимавшему. — «Да, но он все-таки представитель власти». — Говоря затем о русских помещиках и разумея при этом гр. Бобринского, государь, между прочим, сказал: «Я очень хорошо знаю, что русские помещики нередко служат ширмами для поляков». Несмотря на все это, Галаган удалился от дел, и государь в общих выражениях пожелал ему всякого счастья. С тех пор он живет в своих деревнях.

Вечером разговоры с Лазаревским о Черниговском земстве и чиншевом вопросе. В заключение Хлопов.

10 [февраля]. Вторник. Многочисленное собрание просителей, преимущественно крестьян, начинающих неизменно словесные свои объяснения со слов: «о земле». На этот раз довольно многочисленная

депутация просит, чтобы я приказал их помещику отдавать земли свои в аренду только им, а никому иному. Бывают и такие случаи, что челобитье оканчивается угрозою прибегнуть к волнениям, если просьба их не будет исполнена. После прогулки по превосходной погоде принимаю молодого гр. Владислава Браницкого, который слывет здесь хлопоманом. Он принадлежит к числу лиц, считающих необходимым сделать со стороны помещиков некоторые, пожалуй, значительные пожертвования для разрешения вопроса о чиншевиках. Угрозы со стороны социалистов предрасполагают польских помещиков к уступчивости. Они, может быть, желали бы даже стать во главе дела, чтобы этим выплывать в глазах населения. Разумеется, с правительственной точки зрения этого допускать не следует. После обеда чтение Поповым отчета о губернском правлении. Хаос, всякое отсутствие коллегиальности, коллегиальные формы затрудняют ход дела и плохо прикрывают произвол. Бездарность, медлительность, небрежность губернатора замечательны и часто невероятны.

11 [февраля]. Среда. В 9 ч. утра отправляю составленную мною комиссию для обревизования наличности камня на Киево-Брестском шоссе. Предводителем этой экспедиции – старший контролер Киевской контрольной палаты Макаров. Прогулка с Ригельманом. Визит Кочубею, который настаивает на необходимости разрешения чиншевого вопроса и разверстания угодий. Визит г-же Гессе. Вечер дома; посещение старого глухого дяди моего Петра Андреевича, весьма честного человека, но несколько тягостного собеседника.

12 [февраля]. Четверг. Чтение очень интересных еврейских дел, программа вопросов по городскому управлению, студентское дело 1878<sup>142</sup>. После обеда чтение Щириковского о волостных писарях.

13 [февраля]. Пятница. Возвращение из поездки Ушинского с богатым материалом о штундизме, который распадается на секты. Барон Розен, директор Департамента неокладных сборов, приехавший председательствовать в сахароварном конгрессе. Заводчики, принимая закон об акцизе, предлагают правительству учредить из них синдикат, который бы обеспечил правильность поступления итога дохода без вмешательства в их производство. Розен сообщает, что в Петербурге достоверно известно, что под председательством государя часто собирается комитет, составленный из в. к. Константина Николаевича и наследника, а также Валуева, Абазы и Лорис-Меликова, но предмет совещаний никому неизвестен. Я думаю, что речь идет о парламенте. Визит Галагану. Рассказ о его Секерницком ссудо-сберегательном товариществе<sup>143</sup>, для которого он пожертвовал в 1872 г. 3 т. рублей и которое за последний год имело оборот в

130 т. с лишком. Условие успеха, чтобы был руководитель, внушающий доверие крестьянам. После обеда чтение программ, сообщенных Шампиным.

14 [февраля]. Суббота. Является чиновник М[инистерства] ф[инансов] Ермолов, приехавший с Розеном для сахарного конгресса. Сообщает интересные для меня сведения о культуре в России табаку. Россия потребляет свой собственный табак, в [18]75 г. пошлина возвышена с 4 р. бумажками на 16 р. золотом. С тех пор ввозятся лишь самые дорогие сорта табаку, а в Малороссии и южных губерниях чрезвычайно умножились табачные плантации. Акциз с табаку дает 12 миллионов, возвысить его трудно без больших стеснений, притом в случае вздорожания табаку беднейшие потребители, по всей вероятности, заменят его суррогатами. После прогулки под теплым, хотя еще зимним солнцем принимаю липовецкого помещика Чарномского, который вернулся из Петербурга и получил некоторый успех по ходатайству о винокуренном своем заводе; рассказывает, что накануне было у помещика Липковского собрание польских землевладельцев, на котором Бобровский читал свой реферат с предположениями о разрешении чиншевого вопроса. Большинство, имея во главе молодого графа Владислава Браницкого, согласилось с заключением о необходимости принести некоторые жертвы, но была и оппозиция в лице некоего Прушинского и особенно Ярошинского. Последний, покровительством Шувалова причисленный к лицам, избавленным от действия закона 10 декабря [18]65 г., всего более восставал против мысли о каком-либо пожертвовании. Сущность предположений Бобровского заключалась в том, чтобы разрешение дела, т. е. ближайшее изучение каждого отдельного случая и попытка привести дело к миролюбивому окончанию, производились первоначально синдикатом, составленным из помещиков и представителей чиншевиков, а также помещиков, не имеющих чиншевиков и выбранных для сего правительством. Окончательное утверждение всех подобного рода сделок предполагается представить власти окружных судов.

Генерал Ванновский, командующий войсками Киевского округа, рассказывает, что Чертков самовольно сдал и управление краем, и командование войсками, не выждав прибытия приемника и не испросив на то разрешения; очень осуждает его за то, что после назначения членом Государственного совета не едет благодарить государя и присутствовать в совете.

Наместник Галиции граф Альфред Потоцкий, богатый здешний помещик, приехавший в Киев на контракты, высокий, худоцавый,

любезный великосветский старик; сколько мне кажется, не особенно бойкий, но образованный, начитанный, неспособный делать что-либо похожее на то, что производят здешние администраторы. Разговор между нами, разумеется, больше о пустяках, о социализме и первенствующем в этом отношении положении Пруссии<sup>144</sup>, верит обвинениям Бисмарка против Гамбетты о вольнолюбивых замыслах. После обеда чтение де Росси выписок из студентской истории 1878 г.<sup>145</sup> Мечников, уезжающий в Петербург, будто бы по требованию министра юстиции, а в сущности для того, чтобы показаться и поразузнать. Жалуется на бессмысленное производство дел против нарушителей уважения к должностным лицам (закон 9 мая, обязательный существованием гр. Палену<sup>146</sup>).

15 [февраля]. Воскресенье. Иду с утра к гр. В. Бобринскому и к крайнему своему удовольствию вижу, что по большинству вопросов знаю больше, чем он. Г. Добровольский и безобразия мещанской управы, книги ведутся карандашом, староста собирает с мещан, что хочет, и растрчивает, как хочет. Сообщаю Гессе разрешение, полученное от Каханова, сыграть в коллегии Галагана второй акт «Наталки-Полтавки». Отдаю визит Потоцкому, но не застаю его дома. Кистяковский, приехав ко мне, рассказывает, что студенты на сходках собираются послать ко мне депутацию просить о возвращении всех товарищей, сосланных за историю марта 1878 г., глупо раздутую Чертковым. Предваряю его, что с моей стороны последует категорический отказ вмешаться в это дело, подлежащее рассмотрению нового генерал-губернатора Дрентельна. Товарищ председателя окр[ужного] суда рассказывает грустные факты о деятельности мировых судей Сквирского округа. Обед с Бобринским и сообщение ему изумляющих его сведений. Вечер у прокурора Загоскина, винт с членами судебной палаты Навроцким и Шмелевым.

16 [февраля]. Понедельник. Раевский, назначенный правителем канцелярии Мирского в Харькове, возвращается из Петербурга. По его словам, Дондуков в восторге от назначения в Одессу; Мирский просил устроить со мною свидание, на что я отвечаю, что без высочайшего разрешения не вправе выехать из территории, мною ревизуемой. К завтраку приходит Розен, жалующийся на трудность ведения в своем неподготовленном и недисциплинированном сахароварном сейме. Опаздываю в 2 гимназии или, правильнее, нахожусь в 1 час учеников уже отпущенных домой; проезжаю по ярмарке, не представляющей большого оживления.

Галаган: получил письмо из Петербурга от одного влиятельного, но при этом осторожного лица, которое ему выражает сожаление,

что его, Галагана, нет в Петербурге теперь, когда готовятся важные перемены, долженствующие служить венцом всех последовавших донныне реформ... Наполеоновский *couronnement de l'édifice*<sup>147</sup>.

Арцимович и граф Грохольский, помещик Подольской губернии, у которого в течение нынешней зимы крестьяне вырубали пять тысяч возов леса на том основании, что они имеют право сенокоса в этом лесу. Когда он приносил жалобы и просил защиты, то мировой посредник отвечал, что это дело мирового судьи, мировой судья – что это дело судебного следователя, судебный следователь – что это дело гражданского суда, исправник прекратил порубку, когда она оканчивалась, и крестьяне безнаказанно увезли лес, губернатор уволил исправника за такое содействие. Генерал-губернатор отвечал, что это не его дело, а что на губернатора надо жаловаться в Сенат, министр внутренних дел чрез ген[ерал]-губернатора потребовал объяснений от губернатора, который, представляя свое объяснение, начал с того что Грохольский не заслуживает покровительства, потому что в обход закона 10 декабря 1865 г. под видом аренды купил это имение у своего двоюродного брата; причем нельзя не заметить, что имение это более двухсот лет находится в роде Грохольского и что его брат был подольским губернатором. Скучный Репнин приезжает приглашать меня к обеду. Обед с Бобринским. Рассказывает свои похождения в качестве гродненского губернатора во время Польского восстания. Необходимость строгих мер в данную минуту. Потушить восстание мирно было гораздо быстрее, но Муравьев хотел, сверх того, разорить помещиков. Главным тому средством был секвестр имений. Конфискация производилась только судебною властью, но секвестр делался первым попавшимся чиновником, который в сопровождении военной силы являлся в имение и в 24 часа продавал все движимое имущество жидам, сопровождавшим отряд, разумеется, все продавалось за бесценок. Предлоги к таким экзекуциям были самые пустые, как напр., что чрез имение прошла вооруженная банда и часто обобрала того же самого владельца; последствием секвестра бывало взятие имения в казенное управление и окончательное его разорение. Бобринский оставил пост военного губернатора, не желая исполнять некоторых мер, предписанных Муравьевым, как напр., отдача старообрядцам в собственность земель, кои они арендовали у помещиков, выдача 3 р. за всякого, приведенного к нему связанным, человека, обвинявшегося в повстании, т. е. первого попавшегося, быть может, из-за личной ссоры и т. п.

17 [февраля]. Вторник. Прокурор Житомирского окружного суда Зряхов, переведенный из Стародуба; рассказы о жидовских продел-

ках в Черниговской губернии, где они, имея право владеть землею, оказываются еще сильнее, чем в Киевской. Поручаю ему собрать сведения о волинском вице-губернаторе Василевском.

Председатель съезда мировых судей Радомысльского уезда; был в Чернобыле для проверки жалоб против мирового судьи Котляревского, обвиняемого в грубом обращении с евреями. Отрицает все, а между тем население жалуется поголовно.

Городской архитектор с планом переделок в городской тюрьме, которые, на мои глаза, не устранят дурного воздуха. Погода продолжает стоять чисто зимняя. Читаю журналы Черниговского губ[ернского] земского собрания. Обед с Бобринским. По его мнению, суд и администрацию надо на низшей ступени соединять, а не разделять, следственная часть на деле не существует, казуистика кассационного суда делает невозможным для местных неюристов участие в мировом суде, отдавая его всецело в руки чиновников-специалистов. Говоря о возможности парламента, выражает мысль, что он поведет к расчленению России. Я думаю, напротив, что народный парламент будет деспотичнее самодержавного государя. Арцимович приносит известие о чиншевой конференции: синдикаты из местных элементов для исследования и, по возможности, умиротворения чиншевых отношений. Суд или утверждает сделку, или делает постановление о выкупе и размерах земли.

18 [февраля]. Среда. Начальник отделения канцелярии генерал-губернатора Рудченко и разговор с ним о ревизии мещанских управлений, представляющих хаотическое заведывание 300-тысячного массою населения. Глупый полицмейстер с докладами о пустяках, не имеющий понятия о том, что делается в городе и отвечающий на мои вопросы, что он «больше по наружной части».

Прокурор Загоскин (хороший человек, но никогда не разевавший рта для обвинения) получает от меня сообщение о проделках по следствию о Каменецком. Ректор университета Феофилактов уверяет, что в настоящее время студенты покойны и что разрешенный им бал сойдет благополучно. Депутация от студентов, под предлогом приглашения меня на бал приезжают просить разрешения петь малороссийские песни. Я обращаюсь к ним с вопросом, есть ли между ними юристы, и, узнав, что таковых двое, спрашиваю у них, знают ли они разницу между администратором и ревизором. О[твет]: «Конечно, но мы хотели просить Вас лишь о содействии». В[опрос]: «Думаете ли Вы, что вообще было бы удобно сделать это, не дожидаясь приезда нового генерал-губернатора. Да и можете ли Вы ручаться за то, что не произойдет в таком многочисленном со-

брании какого-либо шума или крика, хотя бы от посторонних лиц; а несомненно, что обвинение в неурядице падет на Вас». Мои собеседники более или менее удовлетворились этими ответами и, получив 200 р. за мой личный входной билет на их праздник, удалились, по-видимому, довольные. Прием просителей со дня отставки Черткова все увеличивается; в особенности много лиц, просящих о возвращении из ссылки родственников. Просмотр дел генерал-губернаторской канцелярии объясняет число этих ходатайств. Присутствую на музыкально-литературном утре в первой гимназии; директор Андрияшев – отталкивающая личность, держит лавочку ученых и учебных пособий для воспитанников, ворует на пище. Самое значение этих празднеств, на которых десятилетний мальчуган выкрикивает пушкинские стихи, для меня непонятно; объясняют это желанием отвлечь умы воспитанников от вредных идей!.. Объяснение с Новицким, из коего явствует, что на днях разослана прокламация к чиншевикам на малорусском наречии; ручается за спокойствие на университетском бале.

Арцимович и Чарномский, разговоры о чиншевом вопросе. Обед с Бобринским. Письма из Петербурга. Набоков пишет, что оренбургский ген[ерал]-губернатор Крыжановский обиделся назначением ревизии Ковалевского и уходит; при этом несомненно, что в его управлении хотели скрыть следы злоупотреблений по раздаче башкирских земель. Марков пишет, что сидел возле Сабурова в памятный день университетского акта 8 февраля и свидетельствует, что его никто пальцем не тронул<sup>148</sup>. Победоносцев в письме своем называет Сабурова ослом и невеждою, приходит в отчаяние от всего того, что творится в Петербурге, говорит, что история княгини Юрьевской принимает все большие размеры и неизвестно, на чем остановится. Вечер в 2 гимназии и слушание тех же пушкинских стихов, что были слушаны в то же утро в первой гимназии. В 9 ч. у меня Галаган, Скаржинский, Лазаревский выслушивают программы сведений, кои я намерен затребовать от земских управ, председателей мировых съездов, губернского и уездных черниг[овских] крестьянских присутствий. Щиrowsкий, Кауфман, Шидловский выслушивают много полезного.

19 февраля. Четверг. За недостатком мундира, взятого братом в приезде сюда, не еду в собор. Является Кочуков, возвратившийся из Остерского уезда, где разгромил негодяев мировых судей, хотя и выборных. Вишневский и Солонина – не мировые судьи, а кабатчики, подают в отставку, уездный предводитель дворянства Александрович, нередко судившийся за изнасилование и подозреваемый в поджо-

ге, также подал просьбу об отставке, судебный пристав, налагавший баснословные поборы, предан суду. Юзефович приезжает с выражениями неудовольствия за то, что по моему ходатайству разрешено представление в коллегии Галагана второго акта «Наталки-Полтавки». Репнин с объяснениями о путанице, наделанной им в сельскохозяйственном обществе. Обед с Бобринским и рассказы Петрова об остерских злоупотреблениях. Вечер в женском институте<sup>149</sup>.

20 [февраля]. Пятница. Легкомысленный гр. Чацкий, по обыкновению, с пустыми рассказами. Разговор с умным евреем Кацнельсоном; приходит оправдываться от обвинений, будто бы взведенных против евреев предо мною, но прежде желает от меня знать, в чем эти обвинения заключаются. Я отвечаю, что обвинениями против евреев наполнены библиотеки. В доказательство несправедливости государства и общества в отношении евреев рассказывает свою собственную жизнь, начиная издалека. Говоря о прошлом, я ему высказываю, что когда в давнопрошедшем времени евреи не имели никаких прав, то они молчали, а с тех пор, как им дают права, они менее и менее довольны. «Да, — отвечает он, — прежде лежали, были задавлены, и ничего более не оставалось, как петь псалмы, предаваться пнетизму».

Литературно-музыкальное утро в женской гимназии Министерства народного просвещения; выдается ученица Ковальская, произносящая с большим жаром патриотические стихи; в ее больших, умных, честных, светлых, страстных глазах видна приготовленная средою и воспитанием жертва социализма. Во всех этих учебных заведениях чувствителен разлад между неясно сознанными целями воспитания и рядом с ними неверно понятыми средствами к достижению даже этих целей. Визит Кистяковскому; разговоры об университетском бале. Вернувшись домой, нахожу телеграмму, которую поджидал, о том, что Оболенский просит руки Анны. Спешу отвечать утвердительно. После обеда Арцимович и Бобровский с своею запискою о чиншевиках; не имею времени с ними говорить. Спектакль в коллегии Галагана. «Свадьба Кречинского» и разрешенная Кахановым вследствие моего письма «Наталка-Полтавка», которую дают в Полтаве, Харькове, Одессе. Все проходит довольно благополучно, без демонстраций, но О. И. Черткова и губернатор Гессе считают более достойным удалиться до представления последней пьесы.

21 [февраля]. Суббота. Визит Кочубею, который развивает ту тему, что при освобождении крестьян надлежало их немедленно освободить от всяких отношений к помещику, оставить и тех, и дру-

гих в сношениях с одним правительством. Правительство опасалось принять исключительно на себя такую большую финансовую ответственность, но то была одна неуместная трусость. Платежи можно было разложить на крестьян в другой форме, чем выкупная ссуда, но для этого необходимо было другое, более морализующее и основанное на правде, на законности управление. Выходя от Кочубея, встречаю едущего ко мне Бобринского, рассказываю ему о записке относительно созвания парламента, поданной государю Боби Шуваловым<sup>150</sup>. Он считает это проделкою Воронцова, а может быть, и пробным шаром Лориса. Быть может, при этом идет торг о признании княгини Юрьевской императрицею. Рассказываю Бобринскому свои неготиации по чиншевому вопросу. Он подозревает в этом заднюю мысль. Я очень хорошо понимаю, что тут играет роль желание заявить о своем праве участия в общественном деле<sup>151</sup>.

Чацкий приводит ко мне Прушинского, оппонента Бобровскому, который, принимая на веру убеждение о необходимости сделать что-либо для чиншевиков, доказывает справедливость разложить на всех землевладельцев невыгоды сопряженных с этим мероприятием пожертвований. Прушинский настаивает на том, что польский мятеж 1863 г. был движением социальным, а не национальным, и что в нем участвовали многие русские уроженцы, что было тщательно сокрыто русским правительством. В 6 ч. обед у кн. Репнина. Глупое чванство, неуместное в человеке, принявшем от Черткова богатую квартиру в дворянском доме, чтобы под фирмою предводителя дворянства исполнять обязанности казенного чиновника. Обедают В. А. Кочубей, граф В. А. Браницкий, граф Чацкий, Модзелевский, Раковский, прокурор суд[ебной] палаты Загоскин, его товарищ Дурново, липовецкий уездный предводитель Мацнев и каневский Селецкий. Концерт в университете, после коего уезжаю, не ожидая бала, хотя, впрочем, все оканчивается без особого шума. В особой комнате устраивается пивная комната, в коей выпивается 80 ведер пива. Кончаю вечер у Крупенских. Забыл записать под этим числом довольно продолжительный разговор с Линдфорсом, который доказывает необходимость поддержания особой образовывающейся партии просвещенных людей, принадлежащих к землевладению, к земству, руководителей народа по пути успеха и защитников его же от произвола администрации. На эту тему, по словам Линдфорса, Русов намеревается писать в предпринимаемом им издании – газете «Труд».

22 [февраля]. Воскресенье. Вернувшийся из Умани Есипов сообщает любопытные подробности о преданном мною суду председателе съезда мировых посредников Каменецком и его деятельности.

Совещание о том же с Загоскиным, Кочуковым и прокурором Уманского окружного суда Кавторадзе. Решаем связать это следствие с следствием о злоупотреблениях волостного старшины Лысяного, совершившего подлоги под покровительством Каменецкого, но окончательное обсуждение откладывается до завтра. После обеда чтение с Бобровским его записки по чиншевому вопросу. Под давлением своих доверителей Бобровский лишь мельком упоминает о выкупе, а желает установить продолжительный двенадцатилетний срок для того, чтобы в это время между чиншевиками и землевладельцами последовали соглашения. Мой ответ в сущности таков: «Вы затягиваете вопрос на продолжительное время, умножаете агитацию и проводите 12 лет в разговорах; после этого времени вопрос будет на той же точке. Я сочувствую мысли о синдикатах, но желаю их поставить в более тесную связь с судом, предоставляя синдикату предварительный разбор и попытку к умиротворению в каждом отдельном случае. Вы хотите сделать из синдиката административную инстанцию под властью губернатора. Все это непрактично и опасно для самого дела». На случай вызова представителей в Петербург для обсуждения намечаем: по Киевской губ[ернии] – Бобровского, по Волынской – Прушинского, по Подольской – Чарномского. Разумеется, нельзя обойти Северо-Западных губерний<sup>152</sup>. Кончаю вечер у Галагана, который рассказывает, между прочим, как Бибилов, узнав о двух помещиках, нарушивших инвентарные правила, вызвал их и на извинения их о том, что они не знали этих правил, посадил их в приемную на несколько дней для долбления правил этих наизусть; от такого занятия они были освобождены, только выдержав экзамен.

23 февраля. Понедельник. В 10 ч. черкасский помещик Альбрант сообщает взятые из местной жизни любопытные подробности на тему грустного состояния управительных порядков; обещает свои мысли и подтверждающие их факты изложить письменно.

Прокурор окр[ужного] суда Островский, возвратившийся из отпуска, получает наставление об исследовании неправильных действий мирового судьи Котляревского. Редактор газеты «Труд» А. А. Русов, возвратился с Кавказа, где под руководством Уварова раскапывал курганы; об украинофильстве и нелепости сепаратистов; на это я ему говорю, чтобы писал такое мнение; то же самое и о необходимости участия в крестьянском деле более просвещенных классов и, прежде всего, класса землевладельцев. Говорю ему, что напрасно делает агитацию по поводу двадцатилетия смерти Шевченки; отвечает, что запрашивают больше, чтобы получить меньше; обещает все свои статистические труды по Черниговской губернии.

Губернатор Гессе: получил телеграмму от Велио с выражением желания, чтобы не было демонстрации по поводу Шевченки. Глуп, ничего не знает, очень опасаясь, что наделает глупостей. Советую внушить цензору, чтобы не допускал журнальной агитации; посылаю за Новицким, который уверяет, что ничего серьезного не будет и при этом передает мне новую прокламацию к чиншевикам на малорусском диалекте.

Раковский, противник Бобровского в чиншевом вопросе. Ушинский читает свой отчет о ревизии крестьянских учреждений Таращанского и Сквирского уездов. После обеда новое совещание с прокурорами; останавливаются на заключении не связывать дела о Каменецком с делом о Лысяном. Подложность приговора шатка, хотя противузаконность действий Каменецкого ясна. Кончаю вечер у Юзефовича, слушая его записку о нуждах в изменении прав[ительственных] порядков; довольно смутно и не совсем связно.

Забыл еще упомянуть о двух разговорах, довольно продолжительных. Один – с генералом Павловым, бывшим здесь жандармским начальником, товарищ гр. П. А. Шувалова, по словам его, возненавиденный вследствие того Мезенцовым и даже Дрентельном, а потому принужденный выйти в отставку; Павлов – здешний помещик и усердно отстаивает благонадежность поляков, доказывая необходимость привлечь их к управлению страной. Другой разговор – с помещиком Чарномским. Если сложить сумму всех этих разговоров, то нельзя не подумать, что понедельник – тяжелый день.

24 февраля. Вторник. Еще разговор с Бобровским на те же темы. Говорю ему, между прочим, что за сделанным под давлением большинства изменении в его проекте, проект этот устанавливает польские сеймики, которые в течение двенадцати лет будут разговаривать и агитировать страну. Синдикаты должны действовать не как самостоятельные присутственные места, а как эксперты с расширенными правами в каждом данном случае. Визит Кочубею, который, между прочим, рассказывает следующий характерный анекдот. Его первая жена, р[о]жденная Салтыкова, была в близких, приятельных отношениях к покойной императрице Марии Александровне, еще в то время, когда она была лишь цесаревною. Однажды эти две молодые дамы пили чай, как вдруг к ним в комнату вошел цесаревич (нынешний государь), весьма взволнованный, и просил цесаревну благословить его. На расспросы о том, что такого особенно важного происходит в его жизни, он отвечал, что едет на какой-то смотр войскам, производимый императором.

Губернатор Гессе приходит сообщить, что к протоиерею Софийского собора Лебединцеву приезжали просить, чтобы отслужил панихиду по Шевченке.

В то же время является ко мне Кистяковский и на мои расспросы сообщает, что по поручению учредителей (Антонович, Мищенко, Старицкий, Лысенко) был у полицмейстера с просьбою о напечатании объявления в газетах относительно панихиды и получил отказ. Отказать в служении панихиды нельзя, отказать в напечатании объявления — значило бы усилить агитацию. Всего короче было бы для меня сказать, что это не мое дело и что я в него не вмешиваюсь, но при глупости Гессе и полицмейстера Гюббенета это могло бы повлечь какие-нибудь серьезные последствия. Решаюсь сказать Кистяковскому, чтобы избранные учредителями лица явились к губернатору и дали нравственное ручательство, что все пройдет чинно<sup>153</sup>.

Продолжение разговора с умным жидом Кацнельсоном.

После обеда разговор с де Росси и еще объяснение по чиншевому вопросу с Раковским, противником Бобровского.

25 февраля. Среда. Воронин с написанною по моему поручению запискою об изменении порядка принуждения землевладельцев к обеспечению духовенства причтовыми помещениями. Русов с статистическими материалами, собранными им по Черниговской губернии; уверяет, что в сегодняшнем № его газеты «Труд» цензор помешал ему сказать, что украинофильство допустимо только под условием неразрывной связи Малороссии с Великой Россиею.

Глупый Гессе, получивший от учредителей Шевченской панихиды удостоверение, что никакого беспорядка [не будет], и имевший неловкость разрешить отслужение панихиды не в день смерти Шевченки — 26, а чрез четыре дня. После прогулки продолжительный разговор с Браницким (Владиславом Александровичем), принесшим мне заявление 50 помещиков, что разделяют взгляд Бобровского. Я, во избежание недоразумений, спешу повторить Браницкому то же самое, что говорил Бобровскому. Он со мною соглашается. Перейдя от чиншевого вопроса к общему положению поляков в крае, Браницкий выражает следующее: «Несправедливо держать людей в том положении, в котором их держат. Прежде всего, восстания здесь почти не было; ему как будто потворствовали русские власти; с тех пор прошло семнадцать лет и правительство до сих пор под видом мести притесняет лиц, не имевших ничего общего с восстанием. Наказывайте строго того, кто хоть сколько-нибудь окажется виновным, но не ставьте огулом целое население в положение бесправное, не только стесненное, но лишенное возможности зарабатывать

хлеб насущный. Неужели Вы думаете, что кто-нибудь, имеющий каплю здравого смысла, станет мечтать о восстановлении Польши, а следовательно, и о каких-нибудь политических переворотах в этом крае. В Царстве Польском более и более распространяется убеждение о выгоде для поляков принадлежать России, а не Пруссии, которая толпами эмиссаров силится поддерживать раздор между поляками и русскими. Без сомнения, к Австрии питают поляки иные чувства, но посмотрите сами, как с ними там обходятся. Неужели нельзя быть верноподданным русского государя, не сохраняя права говорить на своем природном языке и в особенности исповедовать прародительскую веру, к коей все мы имеем большое усердие».

Провожу вечер в гостинице у приехавших в этот день Шуваловых (она – р[ожденная] кн. Барятинская). По их словам, Петербург полн сплетнями относительно княгини Юрьевской. Только и разговоров: у кого она была, кто у нее был. Когда к ней приезжают, то швейцар подает книгу для расписывания; те, кои отдают карточки, уезжают с уверенностью, что не будут приглашены к ней. Частные лица не приглашают ее, но зато она с государем отправляются на вечера к великим княгиням, и там государь не опускает глаз с лиц, к ней приближающихся, следя за степенью оказываемого ей почтения. Она очень глупа и постоянно говорит вещи самые неуместные. Лорис-Меликов состоит с нею в теснейшей дружбе и как будто готовит народное представительство с обещанием устроить коронацию княгини Юрьевской. Общественное мнение все более и более отворачивается от Лорис-Меликова, обвиняя его в бесплодном шарлатанстве и служении личным целям. Государь проводит время в том, что сердится на членов своей семьи, которые не обращают никакого внимания на его расположение духа. Объяснения доходят до презренных объяснений; так, напр., государь обвинял цесаревну при княгине Юрьевской в том, что горничная цесаревны говорила горничной княгини Юрьевской, что цесаревна сказала, что никогда не допустит детей своих до сближения с детьми княгини Юрьевской. Цесаревна отвечала, что никогда не станет отвечать на обвинения горничных.

26 [февраля]. Четверг. Продолжительный разговор с умным Ворониным. Изумляется содержанию полученной мною от поляков записки о чиншевиках. Все умножающееся число просителей. Прогулка с Ригельманом и Галаганом. Многотерпеливое выслушивание болтливового и несколько сумбурного Ярошинского. Разговор с председателем департамента палаты Шмелевым и прокурором Загоскиным. Обедают у меня Шуваловы и Витгенштейн.

27 [февраля]. Пятница. Профессор Ренненкампф, бывший городской голова. В Киеве те же политические партии и движения, что 200 лет назад. Р[енненкампф] просит обратить особенное внимание на высшие женские курсы, которые вследствие нерасположения гр. Толстого отброшены правительством и дают уродливые результаты, чему могло бы помочь только правительственное наблюдение. Ревизор Макаров с секретною запискою о злоупотреблениях [инженеров] путей [сообщения] (инженерного ведомства). Продолжительный визит Шуваловым. После обеда: Борисов и проф. Тритшель.

28 [февраля]. Суббота. Письма в Петербург. Визит Чертковых. Она старается шутить и несколько надо мною подтрунивать; настаивает на том, что живет в «клоповнике». Он нахмурен и не говорит ни слова. Визит Ванновскому. Посылаю де Росси, Носова и Дервицкого в Стародуб. После обеда чтение Ушинского о штундистах и дорогая разделка с этим негодяем. Распожняюсь, чтобы ко дню приезда Дрентельна в Киеве не б[ыло] ни одного из моих.

1 марта. Воскресенье. Выезжаю из Киева в 10 час.; благодаря Василию Аркадиевичу Кочубею усаживаюсь в превосходный, заказанный им в Париже дормез. Со мною едут Воскобойников и Шидловский; погода ужасная – стужа и снег с ветром, дорога, хотя и поправленная для моего проезда, плоха. В 2 ч. останавливаюсь по дороге в Семиполках у старика дяди Петра Андреевича, который, несмотря на свою глухоту, оказывает нам крайне любезный, радушный прием и угощает отличным завтраком. В 4 продолжаем путешествие и около шести часов достигаем Козельца, где нам приготовлена квартира в военном клубе. В числе являющегося начальства – батальонный командир Архангелогородского полка Шамшев, воспитывавшийся со мною в Училище правовередения, служивший несколько трехлетий мировым судьбою в Петербурге и по приглашению кн. Черкасского отправившийся с ним в Болгарию для получения места коменданта в Систове, зачислен при этом в линейный полк, стоявший под Плевною, почему-то места не получил и продолжает службу. Уездный предводитель Мандрыка, замечательно некрасив собою, не глуп, но фамильярен. Обедаем с ним, принимаю дельного председателя земской управы и собираюсь идти спать, когда приходит испуганный начальник телеграфной станции и сообщает, что государь в этот день убит. Как ни велики были ужасы, пережиты нами за последнее время, но при этом известии у меня подкосились колена, и стала бить лихорадка. Тотчас собрались и при сильной выюге в 6 ч. утра вернулись в Киев.

2 марта. В 11 ч. в Софийском соборе принятие присяги гражданскими служащими. Одновременно идет присяга в войсках. В городе

все тихо. Студенты также приняли присягу. На Подоле народ помял какого-то человека, обзывая его студентом, и он еле спасся бегством. Социалисты притихли донельзя. Военные караулы и патрули усилены. Получив от Лорис-Меликова телеграмму, чтобы распорядиться приводом к присяге, делаю распоряжения по Киевской губернии, сообщая подольскому и волынскому губернаторам для единообразного действия. Возбуждается сомнение о том, приводить ли к присяге крестьян, как это сказано в 34 ст. I т. Здравый смысл отвечает утвердительно, но этого мало. Одновременно получается телеграмма о том, что сомнение это уже разъяснено высочайшим указом 1 марта. Обсудил дело с умным протопиереем Лебединцевым, решаем послать об этом указы от консистории благочинным священникам, указы будут переданы исправниками, которые вместе с благочинными и будут приводить к присяге. Малоумный губернатор и достойный его архиерей Иоанн путного слова сказать не умеют. Посылаю Набокову телеграмму с просьбою разрешить мне приехать в Петербург.

3 марта. С утра меня схватывают жестокие почечные боли, продолжающиеся четыре дня до пятницы вечером. Проходят два камня; один употребляет на свое путешествие 36 часов, другой – 18. Профессор Меринг от меня почти не отходит, но облегчение нахожу только в горячих ваннах. Мучения очень велики. За это время получают самые ужасные телеграммы из Петербурга. В Киеве все спокойно, хотя на базарах подстрекатели внушают народу, что император Александр III намерен возвратить крестьян в то крепостное состояние, от которого их освободил Александр II. В среду, вероятно, после первого всеподданнейшего доклада Набокова, получаю от него телеграмму, что мне высочайше разрешено приехать в Петербург «на короткое время». Тотчас вслед за тем телеграмма от Каханова, что граф Лорис-Меликов рассчитывает на безотлагательный мой приезд. Отвечаю, что болен и не знаю, когда приеду. В пятницу вечером приезжает из Петербурга Дрентельн.

7 марта. Суббота. Чувствуя себя лучше, могу, хоть и в кровати, принять Дрентельна. Добрая, толстая, неглупая, осторожная, молчаливая масса. Ничего серьезного не знает, и для чего он жил в Петербурге, я не понимаю. Слышал о каких-то совещаниях у цесаревича, о чем – не знает, результат неизвестен. Ни о каких мероприятиях ничего не знает. Приехал в Зимний дворец в ту минуту, как государя вносили на кровати в его рабочий кабинет; ни одной минуты он уже более в себя не приходил. Разумеется, с этого момента о делах не говорили, а только плакали да суетились о распоряжениях относительно похорон, приезда разных принцев и т. п. На замечание мое,

что в Киеве полиция отвратительная, Дрентельн отвечает, что это везде так. В итоге разговор не выходит из общих мест. Я выношу тяжелое впечатление о несостоятельности подобного рода политических деятелей.

Пришедший ко мне с официального представления умный Воронин на вопрос мой: «Ну что Дрентельн?» – отвечает: «Кусок мяса». Провожу день в растасовании своих чиновников: Носова с Деревицким посылаю в Стародуб; Кочукова с Петровым – разнести таращанских и сквирских мировых судей; Пестова, Щириковского и Есипова – в Чернигов. Все это происходит не без затруднений, трений самолюбия и т. п.

9 марта. Пролежав день лишний и чувствуя себя весьма слабым, но в сущности здоровым, решаюсь ехать в Петербург. Захожу к Дрентельну, который поручает мне передать на словах графу Лорис-Меликову, что хотя он, Дрентельн, и не успел еще осмотреться, но что уже с первого шага его заботит университет, где болтливые распоряжения Сабурова производят полное замешательство, нарушая порядок, установленный в законе и подрывающий всякое уважение к твердости какого-либо правила. В 12 ч. 40 мин. сажусь в превосходный, присланный мне братом вагон и, не выходя из него, достигаю Петербурга 11-го марта в одиннадцать часов утра. Застав, по счастью, всех своих вполне здоровыми, нахожу записку от Каханова, приглашающего меня приехать к Лорис-Меликову. Назначаю два часа; по прибытии туда нахожу Лориса вдвоем с Кахановым. Лорис, не спавший всю ночь, потому что производил допросы вновь арестованным лицам, пьет чай и начинает с того, что высказывает мне необходимость, по его выражению, «меня ориентировать», указав мне на существующие в эту минуту партии; при этом упоминает, что приехавший из Киева Чертков распространяет какую-то записку, направленную и против него, Лориса, и против меня. Оставаясь при общих выражениях, ссылается на Каханова, имеющего посвятить меня в подробности положения дел в эту минуту. Уходя от Лориса, сажусь в карету вместе с Кахановым и еду к нему; он сообщает приблизительно следующее. При покойном государе решено было, для разрабатывания вопросов и законодательных предположений, которые выдвинет сенаторская ревизия, привлечь представителей от земства и главнейших городских дум, как это уже было делается для некоторых законодательных вопросов, как, напр., вопрос о найме рабочих. По рассмотрении этих законодательных предположений в отдельных комиссиях проекты должны были подвергнуться рассмотрению одной общей комиссии, составленной из выборных

представителей, совокупно с правительственными чиновниками. Заключение этой общей комиссии подлежали внесению в Государственный совет. Предварительно одобренные покойным государем, предположения по сему предмету были рассмотрены в трех заседаниях под председательством цесаревича, и заключение, изложенное в 12 пунктах, утверждено государем в самое утро 1-го марта, прексшее и его царствование, и ход этого дела. Утверждая это заключение, государь приказал собрать Совет министров на следующую среду 4-го марта. Тотчас по вступлении на престол Александра III Лорис поставил на очередь вопрос о рассмотрении Советом министров вышепомянутой записки в 12 пунктах. Совет состоялся под председательством государя в воскресенье 8-го марта; по просьбе Победоносцева был приглашен граф С. Г. Строганов. В совете произошло полное разногласие. В. к. Константин Николаевич, граф Лорис-Меликов, Милютин, Сольский, Набоков, Сабуров были за безостановочное приведение в исполнение задуманных мер полупредставительства. Граф Строганов утверждал, что такая мера повела бы к государственной гибели. Когда дошла очередь до Победоносцева, то он сказал патетическую речь на ту тему, что нельзя говорить о каких-либо либеральных мерах, когда пред нами лежат куски этого несчастного государя, пред которым виноваты все его министры, потому что все реформы его царствования были ложью, а теперь надо возвратиться к правде и неумолимым мерам строгости. Такая выходка пред молодым государем была весьма неуместна, тем более, что в конце концов Поб[едоносцев] по-своему обыкновению все критиковал, но сам ничего не предлагал. Выведенный из терпения Абаза возражал Поб[едоносцеву], что после сказанного им все министры, как лица, обманывавшие покойного государя, должны подать в отставку. Государь старался помирить присутствовавших, заявив, что это обвинение не относится ни к кому в частности, а ко всем вообще, и в том числе к нему самому<sup>154</sup>. В конце заседания был спрошен и в. к. Владимир Александрович, который сказал, что, по его мнению, несомненно одно, а именно, что в этом составе министерства ни к какому заключению прийти невозможно. Тотчас после этого бурного заседания государь, уйдя в свой кабинет, пригласил туда Лориса и сказал, что желал бы, чтобы путем нового совещания сделана была вновь попытка прийти к соглашению. Лорис предложил, чтобы такое заседание имело место под председательством в. к. Владимира Александровича. Рассказывая мне все это, Каханов сообщил кой-какие сведения о том, как покойный император относился ко мне по поводу моей ревизии и пререканий с Чертковым. Он ска-

зал обо мне Лорису: «Ты не знаешь, какой это нахальный человек. Я еще не знаю, кому больше достается – Черткову от него или ему от Черткова». В тот же день вечером за чайным столом, конечно, не без влияния княгини Юрьевской, возобновился этот разговор, причем опять доставалось мне, как важничающему миллионеру. На этот раз за меня заступился в. к. Алексей А[лександрович], который громко и спокойно сказал: «Я знаю Половцова: это умный и честный человек. Ему вредят в общем мнении его миллионы, без которых на него смотрели бы иначе». От Каханова заезжаю к Победоносцеву, которого застаю одного в кабинете роскошного синодского дома, когда-то устроенного Е. Д. Нарышкиным для того, чтобы давать празднества императору Николаю, его двору и блестящему в то время петербургскому обществу. По словам Победоносцева: «Лорис сделал заговор с газетчиками о даровании России парламента. Теперь больше, чем когда-либо, нужна энергия, и опасно заводить говорильню, не зная даже, из кого она составитя». Все это, разумеется, сказано гораздо пространнее, чем написано здесь, и притом в весьма плачевном настроении. От Победоносцева заезжаю к Набокову, который сидит с своим товарищем Фришем и прокурором окр[ужного] суда Плеве, толкуя о производстве следствия. Вечер у Б[оби] Ш[увалова].

12 [марта]. Четверг. Еду в 9½ часов к в. к. Владимиру. Застаю его среди множества приезжающих к нему разных гвардейских генералов, тут же принц Мекленбург-Шверинский в прусской ленте. Они едут встречать наследного германского принца<sup>155</sup>, приезжающего к похоронам, и вследствие того в. к. В[ладимир] А[лександрович] имеет время сказать мне лишь несколько слов, выражая при этом желание побеседовать на свободе и пригласить меня на днях для этой цели. Я имею время ему сказать, что в теперешние ужасные времена пора отбросить его вечную лень и употребить на пользу России его недюжинный ум и доброе сердце. Прибавляю, что как всегда ворчал, так и теперь буду продолжать ворчать.

В приемной в. князя имею краткий разговор с его адъютантом Шуваловым, который не глуп, но чересчур много воображает о своем уме и на этот раз выражает мысль о необходимости суровых, энергических мер, давая мне уразуметь что и в. к. Владимир А[лександрович] разделяет этот взгляд. От В[ладимира] А[лександровича] еду к Воронцову-Дашкову. Застаю его, по обыкновению, за докладом какого-то полковника. Со вступления на престол он видел государя только один раз. Высказал ему наедине убеждение о необходимости избрать единомыслящих министров. По-видимому, разговор не имел никаких последствий. У В[оронцова]-Д[ашкова] живет Зографо, приехавший

погостить из Баден-Бадена. Замечательно умный, остроумный, забавный, но избалованный с детства и неспособный к продолжительной в одном направлении деятельности. После завтрака Вор[онцов] приходит ко мне и продолжает разговор в том же смысле. Лориса надо удержать во что бы то ни стало, Победоносцев крайне опасен и вреден. За В[оронцовым]-Д[ашковым] приходит Набоков, который, разумеется, хлопочет лишь о том, как бы сохранить место, квартиру и жалованье; говорит глупости, боится касаться существенных вопросов и силится выказать свои благие в отношении меня намерения. Много вздыхает о нигилистах, расспрашивает о ревизии и производит на меня впечатление одуряющей скуки и тошноты. Приехавший из Лондона Лобанов, все тот же неизменно веселый, любезный, спокойный, чуждый тревоблениям собеседник. Обедаю с ним в яхт-клубе и еду в крепость на панихиду, при которой присутствуют приехавший в этот день германский наследный принц, принц Валлийский и многочисленные другие принцы. После панихиды заезжаю к Абазе, который поддерживает мнение о необходимости сохранить Лориса во власти всеми силами. Сознывая недостаточность государственных его знаний, отсутствие твердых взглядов, чрезмерную чувствительность по отношению к придворным влияниям, признает, что в настоящую минуту он человек необходимый, человек чрезвычайно умный и одушевленный самыми лучшими и честными намерениями. От Победоносцева и последствий его влияния Абаза приходит в ужас.

[13 марта]. Пятница. Вместе с Гагариным заезжаю в Рисовальное училище, где, вследствие выходов негодяя архитектора Кракау, денежное положение становится очень затруднительным, хотя результаты, благодаря неопцененному и неутомимому Месмахеру, уже теперь блестящи. Визит Всеволожским; разговор о княгине Юрьевской, которая больна от горя, Боткин опасается паралича ног. В клубе гр. Шувалов читает мне записку, поданную им в. к. Владимиру, на тему, что достоинство правительства требует прежде всего побороть крамолу, а для этого допустить самые энергические полицейские меры, которые, по моему личному мнению, только умножили бы число недовольных и нигилистов. Как остроумно выражается Абаза: не следует бить нигилистов по спине всей России. Обедает у меня маркиз Велепольский. Его программа такая: *répression pas réaction, décentralisation, liberte religieuse, égalité de droits pour toutes les nationalités*<sup>156</sup>.

14 [марта]. Суббота. Заезжаю к Каханову, который сообщает, что Лорис при докладе своем накануне настаивал на необходимости

составить министерство из единомышленников людей, причем были произнесены имена некоторых личностей. Зашедший ко мне Вогое сообщает, что из Парижа наехала толпа журнальных корреспондентов, которые не могут довольно удивиться тому, как все идет тихо после такой ужасной катастрофы. Граф Уваров выражает господствующее в Москве мнение, что теперь не следует говорить ни о каких послаблениях, ни о каких шагах к народному представительству. Гр. Воронцов сообщает, что на Министерство путей сообщения имеется в виду Игнатьев, а на Министерство госуд[арственных] имуществ – он, Воронцов. На днях Маков явился к государю с выписками из писем. Государь сказал ему, что если есть что-нибудь политическое, то это надо сообщить министру внутренних дел, а что он, государь, ничьих частных писем читать не намерен. Рассказ этот, вполне достоверный, разумеется, повторяется по целому городу. Обед с Лобановым, который почти уверен в том, что ему придется недолго оставаться в Лондоне и что он вернется сюда мин[истром] иностр[анных] дел.

15 [марта]. Воскресенье. Холод и вьюга страшные. Еду в крепость на похороны. Трудно видеть более печальную картину. По Неве расставлены казаки, которых заносит снегом. В церкви толпа. Около меня в группе Госуд[арственного] совета и Сената стоят: Победоносцев, усердно кладущий поклоны, и ухаживающий за ним Маков, еще не знающий, что уничтожение Почтового министерства уже свершилось, Валуев, растягивающий свои бессодержательные суждения, Лобанов, никогда не унылый, Набоков, наводящий уныние, Сольский, умеренный и осторожный чиновник. Церемония длится почти четыре часа. Потрясательна минута, когда пять рослых молодцов-сыновей, став на колени, окружают гроб отца. Возвращаюсь домой почти в три часа. Еду с визитом в семейство будущего моего зятя. Знакомство с Анною Петровною Бахметьевою. Визит Валуеву. Он в стороне и ничего не знает о правительственных переменах. Напирает на то, что никто не имеет мужества говорить правду, что в университете происходят сходки, на коих высказывается сочувствие царубийству, что по поводу бала там происходила баллотировка приглашенных, и Гартман, Рошфор<sup>157</sup> и т. п. получили гораздо более голосов, чем Лорис-Меликов. Обед дома с Жемчужниковым. В 10 ч. у Лорис-Меликова. Его самого нет дома. Каханов занимается в его кабинете и просит подождать его. Приехав, Лорис принимает меня и без устали говорит о том, что велико несчастье потерять государя, но что, возможно, еще большее несчастье – потерять государство, а что те реакционные меры, о коих теперь говорится, могут

иметь такое последствие. Победоносцев и др. предлагают закрыть газеты, усилить обыски и т. п. Он, Лорис, в случае восторжествования такого образа мыслей непременно подаст в отставку. Назначение градоначальником Баранова сделано помимо Лориса и даже наперекор ему, но когда государь желает иметь личного телохранителя, то никто ему противуречить не в праве. Кончаю вечер у Абазы.

16 [марта]. Понедельник. Барыков приходит меня расспрашивать о моих предположениях по чиншевому вопросу. Отвечаю, что главная мысль моя та, чтобы Земский отдел и Главный комитет не имели к этому делу никакого касательства, а что разрешение его д[олжно] б[ыть] основано на юридической почве. В 3 ч. продолжительное совещание с Набоковым. Ничего дельного, бесконечная скука. Дает мне письма Ковалевского, из коих вижу, что он очень занят судебным делом, судебным персоналом, следствием о злоупотреблениях Скарятин и Крыжановского.

17 [марта]. Вторник. Спокойный день дома.

18 [марта]. Среда. Гамбургер, возвращающийся к своему посту в Берн, передает весьма характерный рассказ о Гирсе, которого, между прочим, государь признает возможным сохранить на некоторое время в Министерстве иностранных дел. Незадолго до отъезда изерна, Г[амбургер] получил от Веллио бумагу о разыскании какого-то нигилиста. Г[амбургер] отвечал, что не может этого исполнить. По приезде в Петербург Гирс упрекал его в таком ответе и говорил при этом, что надлежало отписаться, все обещать и ничего не исполнять. Когда, при свидании с Веллио, Гамбургер пенял на получение от него такой бумаги, напоминая, что при назначении посланником в Швейцарию он именно оговорил, что не может и не будет заниматься полицейскими делами, то Веллио отвечал ему, что никогда и не стал бы ему писать такой бумаги, если бы его не уговорил к тому тот же Гирс.

Зографо утверждает, что его хозяин Воронцов-Дашков ночует в Аничковском дворце, вследствие усилившихся за последнее время тревожных известий. В клубе Воронцов спрашивает меня, приняли ли бы я Министерство народного просвещения, и на категорический отказ мой просит собрать по возможности сведения о Чичерине, прибавляя при этом, что назначение Николаи почти решено. Обед с Марковым, который, при всем желании, не находит аргументов в защиту своего начальника Сабурова. После обеда Евреинов, об[ер]-прок[урор] 1 Д[епартамен]та, читает мне свои предположения о преобразовании 1 Д[епартамен]та. Предположения несколько канцелярские, недостает широты взгляда.

Абаза сообщает об увольнении в. к. Константина Николаевича от всех его должностей. Дело шло чрез князя Орлова, который всячески старался смягчить обстановку падения. Вопрос, кого на место<sup>158</sup>: в. к. Михаила Николаевича или военного министра графа Милютина.

19 [марта]. Четверг. В 12 ч. Сенат приносит государю поздравления по случаю вступления на престол. Прием в Аничковском дворце, сенаторов более сотни. Государь, с тех пор, как я его не видал сблизил, похудел и переменился. Говорит несколько слов о том, что Сенат составляет охрану закона, извиняется в том, что до сих пор не мог принять сенаторов, благодарит за прежнюю службу, выслушивает шептание адреса умирающим от старости сенатором Гревеницем. Чрез министра юстиции Набокова мне было передано, что государь меня примет, отпустив прочих сенаторов, но в. к. Владимир, тут же находившийся, сказал мне, что, по случаю отъезда в тот день принца Валлийского и сопряженных с отъездом проводов, государь не будет иметь времени принять меня, а сделает это в другой раз. Вечером у Абазы узнаю, что решено дать первый вакантный портфель Игнатьеву и что равным образом почти кончено назначение Воронцова министром госуд[арственных] имуществ.

20 [марта]. Пятница. Целый день в Коломягах на охоте. Благодаря искусству моих псковичей, Шидловский убивает большего рыся.

21 [марта]. Суббота. В 3 ч. заседание совета Исторического общества. Бычков, Грот, Феоктистов, Гамбургер. Возбуждается вопрос о том, останется ли государь председателем нашего общества. Заявляется справедливое желание выпустить в свет напечатанные в прошлом году два тома: «Годы учения императора Александра II»<sup>159</sup>. Присутствующий при этом член ревизионной комиссии старик граф Б. А. Перовский берет на себя при первом случае испросить на то разрешение государя. Гамбургер сообщает, что в этот же день был совет под председательством государя из всех находившихся в Петербурге послов при иностранных дворах, что говорено б[ыло] много вздора о преследовании нигилистов и что умнее всех говорил в. к. Владимир, доказывая нецелесообразность предполагаемых мер.

22 [марта]. Воскресенье. Сопровождение с Месмахером в Рисовальном училище. Мы в трудном денежном отношении, благодаря недобросовестности архитектора Кракау, коему барон Штигилиц непременно пожелал поручить постройку. Необходимо быть экономным, а между тем жаль тормозить и останавливать дело, которое, благодаря необыкновенной, выходящей из ряда личности Месмахера, уже теперь идет превосходно и дает богатые результаты. Сидя у Всеволожских,

слышу рассказ об одном из последних столкновений между покойным государем и ныне царствующим. Цесаревна, в. княгиня Мария Павловна, и с ними несколько молодых дам устроили катанье на тройках, причем целью прогулки был назначен Елагинский дворец. Государь не только разрешил воспользоваться этим дворцом, но даже послал обер-гофмаршала Грота распорядиться и приготовить там чаепитие. Чтобы избежать необходимости приглашать княгиню Юрьевскую и княжну Мещерскую, устранившие прогулку лица решили собраться к графине Воронцовой и оттуда ехать. Государь на это крайне рассердился, потому что таким образом обер-гофмаршал делал приготовления для угощения гостей графа Воронцова. Деляя своим сыновьям выговор, он сказал: «Je ne demande pas mieux que Vous voyez du monde, mais non pas éternellement cette clique des Woronzoff et des Chouvaloff, que vous ne savez pas tenir en mains et que je serai obligé de prendre en mains moi-même»<sup>160</sup>.

Абаза сообщает, что был у государя с докладом, что доклад б[ыл] самый непродолжительный, но что после доклада он говорил с ним около получаса о разных общих вопросах и вообще выказывает ему больше доверие. Обедаю в этот день с кн. Орловым. Что за невероятная посредственность! чтобы не сказать больше.

23 [марта]. Понедельник. Почти весь день дома. Никаких особенных известий. Наслаждаюсь спокойствием.

24 [марта]. Вторник. Иду проститься с уезжающим в этот день обратно в Лондон Лобановым, который живет у кн. Паскевича. Лобанов утверждает, что ему достоверно известно, что я назначаюсь министром юстиции и что сведение это получено им из заслуживающего доверия источника. Несмотря на мои уверения, что я ничего подобного не слышал, Лобанов уезжает вполне убежденный. Пред его отъездом мы покупаем: он – прекрасный бронзовый бюст императрицы Екатерины II, а я – весьма хорошую рукопись с миниатюрами, Евангелие XV столетия. После завтрака приходит ко мне Победоносцев. Охает, вздыхает, хватается за голову, восклицает, что мы переживаем ужасные времена, утверждает со слов Баранова, что из казенных магазинов украдено 90 пудов динамита, которые лежат где-нибудь в Петербурге, что нигилисты со всего юга России съехались теперь все сюда, что Лорис-Меликов сам не знает, что делает, что им выбраны были два осла: Сабуров – в Министерство просвещения и Николай Абаза – в Совет по делам печати, что оба эти человека принесли величайший вред, что и старший Абаза, министр финансов, – человек, ничему порядочно не учившийся, равно и военный министр Милютин. Выслушав все эти сетования, я дважды спросил

Победоносцева, что, по его мнению, надо делать. На этот вопрос он мне дважды отвечал: «Я тебе лучше скажу, чего не делать». Дальше этого ответа его государственные соображения не идут. И это советник государя, всецело пользующийся его доверием, а притом советник совершенно безответственный. Заехав вечером к Каханову, узнаю от него о назначении Игнатьева министром государственных имуществ. При этом государь приказал посадить Ливена в Сенат, но по ходатайству Игнатьева, поддержанному Лорисом, его назначили в Госуд[арственный] совет. Каханов настаивает на том, что Лорису надо подать в отставку, сознает его неуместную теперь податливость, недостаточную решительность, говорит, что надо приискать другого министра в[нутренних] дел, а Лориса сделать председателем Комитета министров, спустив Валуева на посольский пост. О Баранове Каханов отзывается с ужасом. На днях ему Лорис приказал распорядиться сломкою увеселительных балаганов на Марсовом поле; вслед за тем Баранов привез Лорису высочайшее повеление об оставлении этих балаганов для производства в них народных чтений с туманными картинами во время Святой недели. Чтобы видеть Абазу, заезжаю к Нелидовой. Абаза находит нужным при свидании с в. к. Владимиром настаивать на назначении председателем Госуд[арственного] совета Милютин, а не в. кн. Михаила Николаевича, а также говорит о необходимости составления единомыслящего министерства.

25 [марта]. Среда. В 9½ ч. у в. к. Владимира Ал[ександровича] вследствие полученного от него письма о желании со мною повидаться. Нахожу его не бесследно пережившим горькие опыты последних недель, обдуманнее, серьезнее прежнего. На мои упреки в том, что правительства нет в эту минуту, что никто не знает, что делать, что нет определенного образа мыслей, и что такое положение весьма опасно, потому что не привлекает, а отвращает благомыслящее большинство, в. к. Влад[имир] отвечает, что теперь забота одна: охранять государя, что если для этой цели государь избрал Баранова, человека пустого, не безукоризненно честного и вообще личность преходящую, то на это надо смотреть снисходительно, потому что государь — человек, преисполненный добрых намерений, в исполнении коих его никто не остановит. Когда я нападаю на Победоносцева, говоря, что этот фанатик с идеями XV столетия готов всех нас повести на костры, то в. к. В[ладимир] А[лександрович] осторожно молчит; равным образом молчит, когда я говорю о назначении Милютин председателем Госуд[арственного] совета. Об Абазе отзывается с величайшею похвалою; в особенности хвалит его спокойствие.

26 [марта]. Четверг. Из всего, мною виденного и слышанного за последнее время в Петербурге, выношу убеждение, что наши ревизии следует оканчивать как можно скорее. Они поставят на очередь разные вопросы, которые принудят правительство действовать. В царствование А[лександра] П нужны были предлоги для приступа к обсуждению госуд[арственных] вопросов, теперь эти предлоги излишни; никто не сомневается в необходимости внимательного пересмотра существующих порядков. Еду к Каханову и уговариваюсь ехать с ним убеждать Лориса. Каханов совершенно со мною согласен и при этом рассказывает характерный анекдот об Игнатъеве. После смерти Игнатъева-отца, бывшего председателем Комитета министров, Каханов вместе с Игнатъевым-сыном по приказанию государя разбирал бумаги умершего. Из того, что оставалось в кабинете умершего, уже ясно было, что Николай П[авлович] Игнатъев в последние дни жизни отца распорядился сокрытием важнейших бумаг, существование коих известно б[ыло] Каханову как управлявшему делами Комитета министров. При разборке бумаг Каханов увидел пачку писем, писанных Ник[олаем] Игнатъевым из Константинополя пред войною. При виде этих писем Игнатъев смутился, но Каханов поспешил успокоить его, сказав, что считает неприкосновенною переписку между сыном и отцом. Вслед за тем нашлось еще какое-то письмо Игнатъева-сына, который поспешил тайком сунуть его в карман; когда Каханов стал тщательно разыскивать куда-то исчезнувшую рукопись, то имел случай заметить, как Игнатъев тихонько вытащил письмо из кармана и подбросил его. Такая черта характеризует всю личность.

В 2½ часа у Лориса, который вполне соглашается с моими доводами и решается уговориться в этом смысле с Шамшиным, долженствующим на днях приехать. Ковалевский производит не ревизию, а уголовное следствие о злоупотреблениях генерал-губернатора Крыжановского. Отставка Крыжановского решена, раздача башкирских земель приостановлена, розданных в прежнее время не воротить, к чему же дальнейшая ревизия? Переходя к общим вопросам государственного управления, Лорис говорит очень много, слишком много. Прежде всего, необходимо одномыслящее министерство, которое одно, без выборных представителей, ничего сделать не может. Взяв клочок бумаги, Лорис делает такой рисунок:

Одномыслящее министерство:

- 1) утверждение власти;
- 2) преобразование школ;

- 3) законы о печати;
- 4) понижение выкупных платежей;
- 5) преобразование системы налогов.

Выборные.

Между этими двумя полюсами — министрами и выборными — должны быть разработаны эти пять стоящих теперь на очереди вопросов. Каханов останавливает его, говоря, что в этих пяти вопросах есть такие, коих нельзя предоставить разрешению выборных от земства, как, напр.: преобразование администрации или изменение законов о печати. Лорис с ним не соглашается, очевидно, не имея определенной и твердой мысли в своих несколько смутных предположениях. Не желая принимать участия в их споре, я обращаю внимание их на то, что кроме этих мер есть еще многие другие, не столь коренные, но могущие произвести большой эффект в стране, как, напр.: уничтожение некоторых обветшалых и ненужных учреждений, бережливость, безусловная законность и т. п. О бережливости Лорис говорит, что государь уже решил бюджет Министерства двора сократить с 17 мил. на 8. На мое замечание, что надлежит изменить законы об императорской фамилии, Лорис говорит, что и этот вопрос уже поднят. Обещает мне прислать свою записку о департаментах, но, кажется, не очень это ему нравится, хотя просит сообщить мои замечания на этот проект. Вообще говорит много с примесью фраз, как человек, не совсем ясно сознающий, в чем должна заключаться его деятельность.

27 [марта]. Пятница. Император и императрица тотчас после приема в это утро дипломатического корпуса совершенно неожиданно даже для приближенных садятся в коляску и по железной дороге переезжают в Гатчино. Тотчас после их отъезда являются в полных мундирах дяди государя Константин и Николай, отъезжающие: один — в свое крымское имение Ореанду, а другой — за границу, но узнают, что императорская чета уже находится в Гатчине. В городе говорят: *c'est la fuite de Varenne*<sup>161</sup>. Несмотря на тягость переживаемого времени, петербуржцы продолжают острить; о влиянии Победоносцева на последние министерские назначения говорят: *les nominations sont occultes (au culte)*<sup>162</sup>. О назначении Баранова градоначальником говорят, что если в Москве начальник Козлов, то естественно, чтобы в Петербурге был начальником Баранов. Переселение в Гатчино производит очень дурное впечатление. Сожалуют, что вместо Гатчино не избрана Троицкая лавра, куда можно было ехать говеть для всенародного сведения. В Гатчино будут они жить еще уединеннее, чем в Петербурге,

т. е. будут слушаться одних Победоносцева и Баранова. Последний своими шарлатанскими выходками восстанавливает против себя всех. По городу разносится слух об арестовании в. к. Николая Константиновича, который посажен в грушечную крепость г. Павловска. Толкуют различно, одни говорят, что он позволил себе дерзкие отзывы о государе, другие, напротив, утверждают, что у одного арестованного лица нашлись письма, компрометирующие арестанта. Несомненно то, что ни единый человек ни малейшего сочувствия к нему не питает.

28 [марта]. Суббота. Пишу в. к. Владимиру А[лександровичу], что, за отъездом государя в Гатчино, я не рассчитываю больше на вероятность быть удостоенным высочайшего приема, а потому собираюсь немедленно уехать. Он спешит меня уведомить, что государь выражал ему желание меня видеть в Гатчине и приглашает меня приехать к себе в 5 ч. Захожу к Дурновым, где встречаю гр. Павла А[древича] Шувалова, очень довольного своим назначением командующего гвардейским корпусом и занятого приисканием квартиры. Рядом с Дурновыми захожу к Воронцову, который не может утешиться в том, что был первым покровителем Баранова. Со вступления на престол государь только один раз видел Воронцова наедине и говорил с ним о делах. Накануне переезда в Гатчино Воронцов ужинал в Аничковом [дворце] с Шереметевыми и Оболенскою (р[ожденною] Апраксиною), но разговор не выходил из пределов самой обыденной пошлости. Графиня Воронцова последнее время не видала императрицу, которая проводила все свое время с принцессою Валлийскою, это обстоятельство также ослабило личное влияние Воронцова. Застаю Зографо, умственно неутомимого собеседника, наслаждающегося чтением статьи Болье об императоре А[лександре] II.<sup>163</sup> Великого князя Владимира Александровича нахожу все в том же счастливом для данной минуты настроении. О Победоносцеве выражается, что он блаженный, поэтому и блажит. Человек честный, образованный, полезный в обыкновенное время, но опасный в критические минуты. Я настаиваю на настоятельной необходимости созвать единомыслящих министров и, приняв их программу, возложить на них бремя и ответственность управления. Говоря о том и о сем, в. к. Владимир восхищается только что изданным томом переписки Екатерины с Потемкиным<sup>164</sup>. Оценивая по достоинству государственные отношения этих двух умных людей в стремлении их принести пользу России, я замечаю, что Екатерина умела понимать и ценить такого человека, как Потемкин, и что наши, т. е. мои с в. к. В[ладимиром]

А[лександровичем], отношения несколько похожи на их отношения, потому что он знает меня давно и может выслушивать всякую от меня правду. Установив это, говорю ему приблизительно следующее: «В[аше в[ысочество], у Вас замечательный ум, отличное сердце и предурное воспитание. Надо много работать над собою, чтобы в Ваши годы восполнить этот недостаток, но в настоящую минуту Вам выбора нет; на Вас падает огромная ответственность и Вам от нее нельзя отлынивать». – «Я и не думаю отлынивать, только Вы, кажется, слишком много мне приписываете». – «Нет, то, что я говорю о Ваших способностях, несомненно, верно, но Вы имеете недостатки лица, родившегося на ступенях трона и воспитанного в изобилии довольства. Позвольте мне прислать Вам вышедшую в прошлом году книгу герцога С[ен]-Симона<sup>165</sup>; Вы увидите из нее, что всего лучше умели пользоваться людьми те государи, кои чрез многочисленные трудности достигли престола и власти, как, напр., Генрих IV или Петр В[еликий]. Знаете ли, – прибавляю я, – что меня обрадовало сегодня, – то, что Вы позвали меня в 5 ч., т. е. с нарушением привычного распределения дня, с посягательством на эту обрядовую сторону жизни, которая заедает нередко суть деятельности». Приехав от в. к. В[ладимира] А[лександровича] в яхт-клуб, застаю там несколько лиц, в том числе принца Альтенбургского и к[нязя] А. С. Долгорукова, восхищающихся обвинительной речью прокурора Муравьева<sup>166</sup>.

29 [марта]. Воскресенье. Обед с Нессельродом, просидевшим в суде все время продолжения процесса. Вечер у Абазы, который наставляет на мысли о том, что продолжаться так дела не могут и что необходимо вести к категорическому выяснению положения.

30 [марта]. Понедельник. В 10<sup>3</sup>/<sub>4</sub> ч. еду в Гатчино. Со мною в поезде Шереметевы (р[ожденная] Строганова). Она мила, умна; он форсирует ноту разгильдяйничества, цыганства и вообще пренебрежения. В Гатчине беру извозчика и направляюсь ко дворцу, который со всех сторон окружен пешими, конными, мундирными и немундирными часовыми. То же самое на дворе, то же самое внутри дворца. При этом довольно большой беспорядок, и я с трудом нахожу комнату, в которой надеваю мундир, и поднимаюсь в Китайскую галерею, где нахожу принца Альтенбургского, ожидающегося приема. В это же время от государя выходит новый министр госуд[арственных] имуществ Игнатьев, который о министерстве своем выражается так: *s'est un ministère au il y a de tout; à commencer par des canons et à finir par des cochons*<sup>167</sup>. После непродолжительного ожидания меня вводят в угловую комнату, где, оче-

видно, наскоро приготовили приемный кабинет, т. е. поставили письменный стол. Государь в преображенском сюртуке встречает меня с обычною своею приветливостью. Не могу воздержаться от замечания, что он очень постарел за то время, в которое я его не видал, лицо покрылось морщинами, которых не было. Разумеется, разговор начинается с упоминания о тех ужасных событиях, которые пришлось пережить. «Так ужасны эти события, – говорит государь, – что иной раз не веришь их действительности». На вопрос о том, где меня застало известие о смерти государя, рассказываю свой приезд в Козелец. Переходя к ревизии, говорю, что она прибавит много материала к картине безобразий администрации, продажной, бездарной, своевольной. Что на лицах, управляющих Россиею в последние пятнадцать лет, лежит тяжелая ответственность в наших несчастиях, что нет сомнения в том, что продолжать по этому пути управление невозможно. «Да, но теперь, прежде всего, надо утвердить власть». Возвращаясь к киевской ревизии, государь упоминает о Дрентельне и при этом замечает, что и он в последнее время слабее, нерешительнее, чем был прежде. На это спешу возразить, что никакой местный провинциальный правитель не может быть вполне самостоятельным, что он всегда будет в действиях своих сообразоваться с тем, какой взгляд будет преобладать в Петербурге. «Я привык говорить Вам правду и потому и сегодня считаю долгом сказать Вашему величеству, что враги Ваши имеют и выработанную программу, и определенный образ действий, но что, к сожалению, в правительстве ничего подобного нет. Россия живет со дня на день, и так продолжаться дела не могут. Необходимо, чтобы около Вас, государь, собрались люди, согласные в своих видах, которые в случае получения одобрения Вашего приводили бы в действие обдуманый план». «Это так, – отвечал государь, – но до сих пор министры были такие, что с ними и совещаться не стоило».

В этом приблизительно заключалась сущность нашего разговора. Государь был очень любезен, упоминал о свадьбе моей дочери, спрашивал о моих предположениях (на что я отвечал, что намерен окончить ревизию в мае, а затем уехать в Карлсбад), говорил и об Историческом обществе, которое должно перейти в заведывание Владимира Александровича. Несмотря, однако, на всю его любезность, я почувствовал, что твердость, с которою я настаивал на необходимости организовать единомыслящее министерство, очень ему не понравилась, как враждебная влиянию Победоносцева мера. Я намеренно не упомянул имени Победоносцева, но

когда государь мимоходом сказал, что трудно находить людей, то я, как бы невзначай, произнес имя Абазы, как доказательство тому, что на Руси есть много умных и даже замечательно умных людей. Сколько я мог заметить, в государе есть чувство нерасположения к Лорис-Меликову. Когда речь зашла о в. к. Владимире, то государь выхвалял его чрезвычайное спокойствие в эти тяжкие минуты, а я прибавил, что, на мои глаза, это ужасное несчастье не прошло бесследным для нравственного состояния В[ладимира] А[лександровича], который при чрезвычайной своей даровитости относился ко всему слишком легко доселе.

В итоге этот разговор произвел на меня очень грустное впечатление. Никто не станет отрицать высокой честности, благородства, доброты молодого государя, но, очевидно, он находится в полной нерешительности, и я не вижу, кто и что выведет его из этого положения.

Приехав в Петербург, я прямо отправился к Воронцову, как единственному человеку, с коим я мог бы разделить это впечатление. Он сообщил мне, что накануне была решена довольно важная мера. Необходимо было в Гатчине назначить лицо, сосредоточившее власть для объединения средств к охране государя. В. к. Владимир предложил поручить это дело бывшему своему адъютанту Васмунду, которого Воронцов не считает вполне безупречным. Узнав об этом, Воронцов поехал к государю и предложил себя для таких обязанностей. Государь принял такое предложение с благодарностью, сказав, что он хотел предложить это место Воронцову, но не решался, считая его не довольно важным. Решено б[ыло], что Воронцов будет главным начальником всякой императорской резиденции, в то время, когда государь будет иметь в ней жительство. Само собою разумеется, что это прямой шаг к назначению Воронцова министром двора, но покамест и Адлерберг делает вид, что не замечает желаний отделаться от него, и Воронцов опасается принять на себя расчищать помойною яму, именуемую Мин[истерством] двора.

31 [марта]. Вторник. В 9 ч. еду к в. к. Владимиру проститься с ним и на прощанье говорю ему приблизительно следующее: «В[аше] в[ысочество], я был в Гатчине, откланивался государю и увез оттуда весьма тягостное впечатление, коим считаю долгом поделиться с Вами. Я не говорю о той грусти, которую невольно испытываешь при виде многочисленных кордонов, караульных, стражей, окружающих дворец; этой грустной необходимости, без сомнения, есть основательные причины, которым я не судья, я разумею иное

впечатление, вот какое: что при всех благих намерениях государя самый механизм управления не может оставаться в теперешнем виде. Покойный государь, с самого вступления на престол прославившийся многочисленными и благодетельными реформами, мог после продолжительного царствования управлять государством путем представления ему повременных министерских докладов. Ныне такой порядок более немыслим. Государь, живя в Гатчине, беседуя лишь с весьма ограниченным кругом людей, призывая на короткое время того или другого министра, положительно не может продолжать управлять в этой форме. Обстоятельства так обильны и сложны, движение народной жизни так быстро, что чувствуется крайняя необходимость организовать правительственную власть, которая выработала бы и основные взгляды на существенные вопросы управления и определенный порядок приведения этих взглядов в действие. Лица, окружающие государя, не будут действовать в этом смысле, потому что для каждого приближенного выгоднее иметь прямое, хотя и опасное по своей безответственности, влияние, но на Вас, как независимом по своему положению лице, человеку, в преданности коего государь не может сомневаться, лежит обязанность организовать такой союз единомыслящих министров. Вам легче это сделать, потому что к Вам всякий охотно явится, положив личное самолюбие в карман; Вы можете собирать их без формальностей, стеснительных в случае созыва у императора, пред Вами они меньше будут щеголять и рисоваться. Таким путем может выработаться программа действий, которую Вы и можете представить на одобрение государя. Если явятся лица, несогласные с общим заключением, то сделается ясным, что они не могут продолжать участвовать в правительственной верховной деятельности. Все это хлопотливо, весьма неблагоприятно, потому что кроме неприятностей Вам лично ничего не принесет, но, по моему мнению, это Ваша прямая обязанность. Ездите по ночам стрелять глухарей у меня в Коломягах, а днем старайтесь достигнуть указываемой мною цели, и Вы окажете великую услугу России». В. к. Владимир, внимательно меня выслушав, вполне со мною согласился и обещал сделать все, что может, для приведения моего совета в исполнение.

Разговор этот я передал в общих чертах адъютанту в[еликого] к[нязя] гр. Шувалову, который пользуется особым его доверием, сказав при этом: «Я завтра уезжаю, вот мое завещание, постарайтесь быть моим душеприказчиком».

1 апреля. Среда. Сделав несколько прощальных визитов, в 7¼ сажусь в вагон и еду в Киев, куда приезжаю 3-го в 6 ч. вечера, и

из полной зимы попадаю в теплую весеннюю погоду. В самый вечер приезда захожу к Дрентельну, который поистине замечателен уметь молчать, знакоюсь с его женою, которая похожа на бойкую барыню; тут же сидит отличная старушка, мать последней, женщина старого времени, безукоризненно любезная, благовоспитанная, почти недвижимая и, несмотря на то, непрерывно занятая ручной работой. Во всем этом семейном кружке царствует все то, что наименее напоминает неприглядную Ольгу Ивановну Черткову и посетителей ее.

4 [апреля]. Суббота. Визит неизменно милому Василию Аркадиевичу Кочубею и продолжительная болтовня с этим убежищем моим от всех невзгод в минувшую зиму. Вечер у Крупенских.

5 [апреля]. Воскресенье. Визит Галагану. Любопытно, как провинция следит за столицею и как малейшие подробности совершающегося здесь известны. Правда, что иной раз знают здесь и то, о чем и речи не было, но зато непременно с известным оттенком, в известном направлении. Вечер у Загоскина, прокурора по званию, но не по чему иному, хотя и прекрасному человеку.

6 [апреля]. Понедельник. Начинаю говеть в домашней церкви генерал-губернатора. Погода чудесная. Вечер после всенощной провожу у Дрентельна.

7 [апреля]. Вторник. Вечер у Ригельмана. Беседа о жучке, гессенской мухе, могиле Кочубея и Искры<sup>168</sup>. По обыкновению, разговором заправляют Галаган и Кочубей.

8 [апреля]. Приезд из Стародуба де Росси, Носова и Деревницкого. Приехавший из Петербурга В. В. Борисов высказывает то же чувство томительной нерешительности, неясности, которое всякий испытывает в Петербурге. Во время приема просителей является ко мне подозрительный человек, похожий на нигилиста. Вечером, после всенощной, встревоженный Новицкий приезжает сообщить депешу херсонского губернатора о том, что два молодых человека сошли с парохода, вошли в лес и там пробовали метательные снаряды, обернутые в апельсинную корку. Неопределенность указания не дает возможности заключить о времени прибытия этих злоумышленников в Киев.

9 [апреля]. Четверг. Причащаюсь в домашней церкви Дрентельна. В этот же день панихида в соборе, но я от усталости туда не еду, тем более, что архиерей Иоанн растягивает службу на чрезвычайно продолжительное время. На днях он говорил проповедь по поводу смерти покойного государя и, проводя параллель между ним и Александром Невским, доказывал, что он и святее, и благовернее.

10 [апреля]. Пятница. По случаю дня рождения в. к. Владимира Александровича посылаю ему телеграмму, в которой говорю, что «мои неизменные пожелания ему так же давно ему известны, как и моя преданность». На это он отвечает: «Сердечно благодарю за добрую память; смею надеяться, что и в будущем могу положиться на вашу откровенную ко мне дружбу». В газетах сообщают известие об увольнении Н. Абазы от председательствования в Совете по делам печати и о назначении на его место П. Вяземского. Несомненно, что такое назначение сделано помимо и, м[ожет] б[ыть], наперекор Лорису; тем не менее, его орган «Новое время» объясняет хвалебно выбор Вяземского. Я думаю, что такой выбор опять исходит от Победоносцева; впрочем, Вяземский – положительно умный, очень образованный, в известном отношении ученый человек, но несносного характера и не может быть назван человеком почтенным.

11 [апреля]. Суббота. Пытаюсь пройти в соборную церковь лавры, но за множеством народа не успеваю. Чудный вид разлившегося Днепра с паперти Андреевской церкви. Визит старому Юзефовичу. Пасхальная заутреня у Дрентельна. Распушенные по городу слухи о намерении нигилистов произвести какое-нибудь буйство в эту ночь не оправдываются. Безыменные письма обещали взрыв пороховых погребов. По засвидетельствованию артиллерийского начальства, добраться до этих погребов невозможно. При обследовании, однако, оказалось, что не в погребе, а в деревянном сарае хранится 26 т. пудов пороха, оставшегося в излишке за прошлую войну и в течение трех лет не прибранного в более безопасное место распорядительным Чертковым. Жандармский полковник Новицкий утверждает, что после казней и арестов нигилисты в течение некоторого времени организуют новое начальство и в это время ничего серьезного не предпринимают. Слушаю заутреню в домовый церкви генерал-губернатора. Все власти, облеченные в мундир, предводительствуемые самим Дрентельном, находятся в Софийском соборе, так что я в скромном фрачном облачении нахожусь почти один своего пола среди множества дам. К концу обедни съезжаются мундирные чиновники и вслед за церковным торжеством происходит гастрономическое торжество разговлаивания. Многочисленные столы покрыты обильными яствами, около коих усердно работают самые разнообразные и разнолетние служители престола и отечества. Все это, впрочем, оканчивается довольно быстро, так что в 2½ ч. я возвращаюсь домой.

12 [апреля]. Светлое Воскресенье. В намерении проститься лично с киевлянами принимаю всех, приезжающих меня поздравить. Поздравители составляют довольно разношерстную толпу, с которою приходится целоваться. Новостей из Петербурга никаких, а времена такие, что поневоле подумаешь: *pas de nouvelles, bonnes nouvelles*<sup>169</sup>. Заезжаю проститься к корпусному командиру Ванновскому, который пеняет на то, что государь хотел назначить его командиром Гвардейского корпуса, но происки в. к. Владимира и Воронцова превозмогли. Стараюсь уверить его в неправдоподобности этого предположения, но тщетно. Пообедав с своими чиновниками, провожу вечер в семействе Дрентельна. Он по обыкновению молчалив, но от времени до времени рассказывает кое-что, обыкновенно относящееся к службе его в звании шефа жандармов, как, напр., что после взрыва в Зимнем дворце ненависть к в. к. Константину Николаевичу высказывалась в народе так сильно, что в кабаках говорилось о намерении идти на Мраморный дворец. По приказанию государя Дрентельн отправился к в. к. Константину Николаевичу передать обо всех этих слухах и советовать быть осторожнее, но в. к., выслушав его, отвечал, что все это выдумки и что он твердо знает, что народ любит его, а ненавидят одни крепостники. Жена Дрентельна, по-видимому, добрая, но ничего особенного не представляющая генеральша, довольно бойкая и распорядительная. Совсем других свойств ее 76-летняя мать (Елиз[авета] Алексеевна Вяткина), образчик той благовоспитанности, общительности, любезности, добродушия, снисходительности, которые составляли удел той просвещенной части русского общества, которая исчезает ежедневно и заменяется нигилистами, социалистами и т. п., возводящими напыщенное фразерство, грубость, самолюбие, материализм и всякого рода насильственные по отношению к ближним приемы под предлогом их облагодетельствования.

13 [апреля]. Понедельник. Несмотря на такое совпадение, сажусь на небольшой пароход и при весьма ясной, но свежей погоде поднимаюсь по Днепру, а потом по Десне. К вечеру останавливаемся у Остра, чиновники мои ночуют в клубе, а я на пароходе.

14 [апреля]. Вторник. Весь день холод, дождь, ветер. В седьмом часу приходим в Чернигов, где принимаю губернатора Шостака с вице-губернатором Бачмановым. Нанятый мною еще в январе дом Милорадович оказывается пространым старым помещичьим домом, полным сырости и фамильных портретов.

15 [апреля]. Среда. В 11 часов общее губернское представление; в числе представляющихся и военные чины, т. е. дивизионный,

бригадный, полковой командиры. Никаких речей, а лишь пожатие руки лицам, занимающим должности IV класса, им же отдача визитов. В 1 ч. архиерей Серапион, ничем не отличающийся и не выдающийся, именно такой человек, какого берут в помощники, и который попадает на самостоятельную должность потому, что никому не колет глаза ничем. Архиерей очень смущен известием о намерении моем ревизовать консисторию. Поручаю ему прислать мне секретаря консистории, отставного артиллерийского офицера Воцинина, который пользуется репутациею честного человека и страдает пляскою св. Вита. В 1½ застаю дома губернатора Шостака. Из первых слов его видно легкомыслие, поверхностность, небрежное отношение к делу. Его жена, очень милая женщина, р[ожденная] Шидловская, по-видимому, слабого здоровья и крайне тяготится как жизнью в Чернигове, так и вообще строем своего существования. Губ[ернский] предводитель Николай Иванович Неплюев занимает единственный в городе роскошный дом, принадлежащий дворянству. Н[еплюев] считается главою так называемой правой или консервативной партии, состоит в постоянной борьбе с политиками, как Карпинский, Линдфорс, Петрункевич и пр. Выражая весьма определенно и неизменно свой образ мыслей, Неплюев пользуется если не сочувствием, то уважением. Я когда-то немного знал его отца, портретами коего в молодых летах и тогдашних военных мундирах увешаны стены кабинета и гостиной, а потому мы встречаемся как старые знакомые; впрочем, и самого Неплюева я встречал на петербургских дворянских собраниях пятидесятих годов. Жена и две дочери Неплюева, настоящие провинциальные барыни, уже обстоятельно собрали сведения о сопровождающих меня чиновниках.

Дивизионный генерал Полторацкий – веселый, толстый, добродушный, неглухой, словоохотливый, много скитавшийся по России человек, его жена, очевидно, польского происхождения, не менее его болтлива; оба они не дают друг другу говорить, а на их беду, еще несколько канареек заливаются дружным писканием. Итог концерта выходит довольно своеобразный и сокращает время моего визита. После обеда вызываю Есимонтовского, председателя межевой палаты, умнейший человек, весьма пожилой, осторожный, не сразу высказывающийся, но относящийся к делам людским с тою несколько презрительною проницательностью, что дает опыт. По его словам: межевание окончено в  $\frac{2}{3}$  губернии и останавливать его, разумеется, невозможно под опасением уничтожения того, что уже сделано в течение 20 лет. Конечно, межевание,

учрежденное при существовании крепостного права, и доселе в формах своих неизменное, должно подвергнуться преобразованию, но в чем должно заключаться преобразование, это надо сказать, подумавши. Одна из целей преобразования д[олжна] б[ыть] возможность быстрого окончания.

16 [апреля]. Четверг. В 2 ч. еду к архиерею в загородный монастырь Троицы<sup>170</sup>, где попадаю на торжество, архиерей празднует свои именины и с утра задержал весь персонал духовенства, мужского и женского училищного начальства, для представления мне. Перед представлением меня вводят в церковь, где после ектении и многолетия архиерей подносит мне копию с имеющегося в церкви чудотворного образа. Затем подают чай и предлагают шампанское, от которого, однако, удается отделаться. Архиерей сетует на невозможность найти достаточное число священников; в семинарии не оканчивает курса и половина числа, нужного для пополнения открывающихся вакансий, виною тому – гр. Толстой, раскрывший семинаристам двери университета. До сих пор Синод запрещал назначать священниками лиц, не окончивших семинарского курса, но в последнее время начал отступать от этого правила, разрешая архиерею назначать священниками достойных повышения диаконов. О пределах и распределении дисциплинарной своей власти по отношению к подведомственному ему духовенству Серапион говорит очень уклончиво и неопределительно; видно желание не касаться этого больного места. Вечером разговор с жандармским полковником Мерклиным. Очень скромный, медленный, добросовестный, трудолюбивый человек. По свойственному всем людям расположению горько жалуется на трудности своего положения, недостаток средств и бессилие в борьбе с все разрастающимся злом социальной пропаганды. По его словам, все крупное, анархическое, происшедшее в России за последние годы, зародилось в Черниговской губернии, и связь самых видных общественных деятелей с самыми яркими отечественными и иноземными революционерами несомненна<sup>171</sup>. Жалуется не только на нигилистов, но и на своих собственных помощников. При Корпусе жандармов теперь заведены курсы и экзамены для посвящающих себя жандармской службе офицеров, которые принимают эти обязанности, исключительно рассматривая их как обязанности суд[ебных] следователей по политическим делам. На днях Мерклин поручил своему адъютанту проверить слух о том, будто крестьяне замышляют что-то против своих помещиков в той местности, куда этот адъютант отправлялся для производства дознания, но, получив та-

кое поручение, адъютант отвечал, что он не агент (т. е. не шпион) и такого поручения не примет.

17 [апреля]. Пятница. В память дня рождения покойного императора отслужена торжественная панихида архиереем в соборе, на которой и я присутствую.

Снова визиты и, между прочим, бригадному генералу (каж[ется], Боборыкину), который доказывает пользу от упразднения должности бригадного командира, сообщает, что у расположенного в Чернигове Вологодского полка за последнюю войну сделана экономия в 200 т., что полк желает на эти деньги выстроить казармы и затем получать сумму, отпускаемую ныне на удовлетворение полка квартирами, но что городские выборные власти противудействуют тому, находя денежную выгоду в найме помещения для войск. Смирнов читает выписки из дел о бунтах, происходивших по поводу межевания. Вечером разговор с Лазаренко. Новые вариации на старые темы. Неудовлетворительность крестьянского управления и самоуправления, непрменные члены крестьянских присутствий ничего не делают; нет расадника порядочных волостных писарей; евреи опутывают и разоряют крестьян; нигилисты на них никакого влияния не имеют; любопытно различие между казаками и крестьянами, основанное исключительно на предании о прошлом, а ныне заключающееся только в том, что, ставя кресты на могилах своих сродников, казаки привязывают к этим крестам полотенцы, чего крестьяне никогда себе не позволяют; полиция не существует, она составляет лишь отписочную и пересылочную инстанцию. В итоге благосостояние населения, без сомнения, увеличивается.

18 [апреля]. Суббота. Обед у губернатора со всевозможными облеченными властью чиновниками. Шостак, желая всему придать как можно более торжественности, провозглашает тост, упоминая и о славных реформах царствования [Александра II], и о великой задаче ревизии; я отвечаю, настаивая на любезном приеме, оказанном черниговскими жителями как мне, так и моим сослуживцам, и олицетворяя эту любезность в хозяйке, которая действительно очень милая, благовоспитанная и порядочная женщина, пью за ее здоровье. Дивизионный генерал, почитающий себя присяжным оратором, очень некстати говорит о дружном приеме, оказанном его дивизии всеми начальствами Чернигова.

19 [апреля]. Воскресенье. Вызываю Шостака, чтобы переговорить с ним по делу об ожидаемых в Глуховском уезде беспорядках при межевании. В разговоре с ним обнаруживается полное незнание им дела, так, напр., он не знал, что одним из главных побуж-

дений к неудовольствию со стороны крестьян служит то обстоятельство, что они состоят собственниками в смежной с ними даче, в которой происходило межевание 7 лет тому назад, межевание, кончившееся для них весьма невыгодно. Говоря о ссуде, требуемой Мглинскою земскою управою, Ш[остак] не знает, кто председатель управы, хотя с своей стороны представил об удовлетворении его ходатайства; равным образом не знает имени председателя Суражской управы. Разговаривая о полиции, учрежденной в раскольниковых посадах, Ш[остак] на мой вопрос, в каких четырех посадах есть полицмейстеры, отвечает: в Чуровичах, и, после тяжелого молчания, прибавляет: «и еще в других, имена коих не могут инт...». На этом речь его обрывается под впечатлением сказанной глупости. Наконец, на вопрос о том, в каких уездах и много ли крестьян состоит на четвертном, даровом, наделе, Ш[остак] поставлен в необходимость отвечать, что решительно не знает. Вечером Ханенко, очень умный и образованный человек. Итог сказанного. Мглинский и Суражский уезды, ныне составляющие большое место губернии, в прошлом столетии представлялись лакомыми кусками, пожалования коих добивались фавориты вроде Разумовских, Гудовичей и пр. Там были дремучие леса, многочисленные реки, земли эти заселялись выходцами из Польши, бежавшими от панского гнета. Хищническое хозяйство превратило эту местность в песчаную степь; может настать время, когда и другие плодородные части России подвергнутся той же судьбе. В Черниговской губернии огульная вырубка лесов уже начинает выказывать такие же результаты. Правительство должно бы закупить пространства вырубленных лесов, продающиеся теперь по пятнадцати рублей за десятину, и позаботиться о том, чтобы на этих местах выросли новые леса, которые обеспечили бы производительность целого края.

Несмотря на проявляющееся в земстве политиканство, польза от его деятельности несомненна, и враждебно смотреть на земство не следует; в нем одном все-таки спасение в будущем. Пустые болтуны, доселе нередко имевшие перевес в земских решениях, каждый день теряют свое влияние, уступая его серьезным людям. Вообще анархисты за последние годы утратили прежнее положение в Чернигове, Киевский университет составляет рассадник этого зла. Говоря о казаках, Ханенко утверждает, что их положение несравненно лучше крестьянского вследствие умственного развития, коим они обязаны министерству гр. Киселева.

Являюся из отпуска Пестов и Щириловский. Решаюсь по внимательном прочтении программы сведений, требуемых от волостей,

разослать эту программу председателям уездных крест[янских] прис[утствий].

20 [апреля]. Понедельник. Пробую осматривать учебные заведения, но оказывается, что хотя воспитанники и возвратились с пасхальных вакансий, тем не менее, уроков еще почти нет, так как здесь существует обычай праздновать понедельник и вторник Фоминой недели как дни, посвященные чествованию дедов. Вечером разговор с Червинским, членом земской управы, избранным на эту должность исключительно для составления статистического описания губернии. Был сослан административным порядком в Архангельскую губернию и, по всей вероятности, никакой нежности к правительству не питает. Основание производимого им статистического описания составляет ценность, а не доходность имущества, и почти исключительно земли. Такой порядок действий отвечает требованиям положения о земских учреждениях. Жалобы Червинского относятся к стеснениям в выборе сотрудников, стеснениям, исходящим от администрации, которая, наученная опытом, опасается видеть в статистиках деревенских пропагандистов социализма; именно таким представляется мировой судья Варзер, которого харьковский ген[ерал]-губ[ернатор] кн. Мирский не хочет допустить к делу статистических описаний.

21 [апреля]. Вторник. Под руководством опытного и любезного Александра Ивановича Ханенки осматриваю сначала его собственную небольшую коллекцию предметов, найденных в черниговских курганах варшавским профессором Самоквасовым, потом едем в Троицкий монастырь, где в архиерейской ризнице, между прочими драгоценными вещами, хранятся весьма редкие по старине и изяществу панагии. Отложив шесть наиболее мне понравившихся, прошу Ханенку распорядиться снятием с них фотографий. Осматриваю также собор, основанный в 1031 г.<sup>172</sup>, и, к сожалению, несколько испорченный чересчур усердными ревнителями в конце XVIII ст. В 5 ч. обед у губ[ернского] предводителя Неплюева, дело, по счастью, обходится без речей, гости сидят за двумя столами, и во всем приеме чувствуется известное отсутствие напыщенности и натянутости. Самое неприятное для меня впечатление то, что сидящий против меня архиерей надел на себя одну из лучших отмеченных мною панагий, тогда как я имел наивность надеяться, что он их положит под стекло. То же самое чувство я испытал накануне отъезда моего из Киева, когда наместник лавры приехал ко мне с восхитительным наперсным крестом из драгоценных сапфиров, оправленных бриллиантами искусною рукою франц[узского] ювелира XVIII ст.

22 [апреля]. Среда. Разговор с Есимонтовским. Рассказ о том, как черниговский уездный предводитель Посудневский, учредив избирательные съезды в волостях, изменил состав гласных, так что вместо искателей приключений на 13 гласных было избрано 11 крестьян. Всесословной волости Е[симонтовский] опасается именно потому, что дело управления может попасть в руки разных демагогов, тогда как я, напротив, нередко [слышу] опасения такого рода или что мелкие помещики поведут дело в своих интересах, или что помещики, как мелкие, так и крупные, сделаются жертвою толпы. Визит Неплюева, кот[орый] горько жалуется на легкомыслие Шостака и, между прочим, рассказывает невероятный факт, что губернатор не принимает по воскресеньям никого из служащих, как бы важно и спешно ни было дело. В 8 ч. приезжает архиерей просить о содействии к постройке женского духовного училища, но при этом сообщает о получении синодского указа, предписывающего архиереям тщательно назначать благочинных, которые по существующему порядку избираются духовенством. К крайнему моему изумлению, архиерей утверждает, что выборы эти установились обычаем без всякого распоряжения высшей власти. Факт невероятный, но, тем не менее, подтверждающийся справкою, приведенною в синодском указе. В 9 ч. еду в заседание городской думы. Либералы: голова Хижняков<sup>173</sup> и его друзья, гласные Шраг, Варзер, Константинович, говорят почти исключительно и чуть не смеются над безгласною толпою гласных, против воли подчиняющихся требованию головы ввести квартирный налог с дарованием квартирантам избирательных прав. Заседание публично; публику составляет толпа грязных жидов; в зале жара страшная, на улице восхитительная теплая темная южная ночь.

23 [апреля]. Четверг. Осмотр сумасшедшего дома, больницы, фельдшерской школы. Все это устроено на вид очень хорошо, здания поместительные, воздуха много. Гуляя в городском саду, встречаю... вальдшнепа. Вечер у Неплюева. Именины его жены. Съезд всех черниговских жительниц и жителей, исключая политических врагов хозяина дома. Характер приема все тот же: простота и непритязательность.

24 [апреля]. Пятница. Осмотр тюрьмы. И тюрьма оказывается более поместительною, более чистою, чем большинство виденных мною острогов. В ней, между прочим, содержится много арестантов, присужденных к арестантским ротам и не находящих в них помещения. Читая разного рода политические бумаги, сообщенные жандармским полковником, нахожу, между прочим, в показа-

нии Гольденберга, данном в 1879 г., что его единомышленники намерены сделать подкоп под Малой Садовой улицей.

Визит киевского попечителя Голубцова, который сообщает, что от нового министра Николаи уже есть распоряжения, идущие в разрез с болтовнею Сабурова; между прочим, он отклонил представление совета университета об отмене экзаменов, а между тем, этот же совет уже в конце марта распустил 400 студентов по домам до сентября месяца.

Вечером городской голова Хижняков: его ходатайства: а) дать городу общественную полицию для взыскания налогов и наблюдения за исполнением обязательных постановлений; б) ввести квартирный налог.

Секретарь губернского присутствия по крестьянским делам Гуляницкий. Различие между Малороссийским и Великороссийским крестьянским положением, замена в Чернигове одного другим и тяжелые последствия для населения. Полная несостоятельность уездных крестьянских присутствий, бездеятельность и безответственность непреременных членов этих присутствий.

25 [апреля]. Суббота. Осмотр двух гимназий. А) мужской, весьма стесненным помещением. Присутствую на уроке Закона Божия и латинского языка. На том и на другом при спросе учеников отвечают постоянно сами учителя, и притом в латинском классе учитель отвечает таким ломаным русским языком, что ученики чуть не смеются. Б) женской, тут здание еще несравненно хуже, но и познания не лучше. Присутствую на франц[узском] уроке. Девочки учатся франц[узскому] языку пятый год, и ни одна ни единого слова не понимает и сказать не может.

Просидя весь день за бумагами, иду вечером к городскому голове Хижнякову. Собрание оказывается весьма характерным и интересным; собраны все главные представители того, что в Чернигове называется красною или левою партией. В бумагах жандармского управления все эти лица обвиняются чуть ли не в приготовлении покушений последних лет. Видеть их в совокупности я, разумеется, мог бы только у официального лица, как городской голова. Прежде всего, необходимо отметить, что трех главных коноводов этой партии на лицо нет. Карпинский окончательно спился с кругу и, несмотря на желание его друзей познакомить меня с ним, вот уже две недели, как за время моего пребывания в Чернигове, они не могут дождаться светлого или, скорее, трезвого промежутка. Петрункевич находится в административной ссылке, Линдфорс занимается адвокатурою в Киеве. Перехожу к наличным членам кружка.

Сам Хижняков, сын живого еще секретаря Киевской консистории, известного своим взяточничеством. Очевидно, под впечатлениями своего детства Хижняков бросился в сторону, противоположную сфере деятельности своего отца. Он кончил курс в университете, сделался учителем гимназии и после десятилетней педагогической практики попал в городские головы, где получает 2 т. р. жалованья, а в обществе своих политических и застольных приятелей орудует интересами города и служит чем-то вроде политического управительственного центра, разумея под правительством черниговских чиновников V и IV классов. Хижняков высокого роста, смуглый, [с] густыми волосами, говорит отрывисто и весьма самоуверенно. В качестве хозяина дома крайне польщен моим присутствием и всячески старается доказать в моих глазах знание светских приличий, причем беспокойство его доходит до того, что он пяти минут не может усидеть на одном месте. Константинович, высокий плотный мужчина с окладистой рыжей бородой, директор городского банка, как слышно, очень падок на деньги и скуп; дело банка ведет отлично, потому что банк, получивший в 1875 г. 10 т. основного капитала, к 1881 году имеет 150 т. капитала и дает городу 40 т. р. чистого дохода, что дает городу возможность и проводить воду, и мостить улицы. К[онстантинович] говорит больше и непрерывнее всех гостей Хижнякова; в его словах чувствуется авторитет довольства, не пренебрегаемый разрушителями общественного строя. Червинский, худой, чахлый, небрежно омытый, остриженный и одетый, всего ближе по внешнему своему виду подходит к типу деятельных нигилистов. Говорит в высшей степени самонадеянно и нахально; при первом моем с ним свидании ввернул отзыв о нем какой-то немецкой газеты, называвшей его *berühmter gelehrter*<sup>174</sup>, старается высказывать взгляды, долженствующие поразить своею смелостью и оригинальностью, но часто близкие к избитым местам отживающих учебников, настаивает на том, что он, сравнительно с своими собеседниками, ученый экономист и статистик. Варзер, мировой судья, неглупый, но весьма дюжинного ума молодой человек с маленькими усиками, небольшими глазами и круглым, почти ничего не выражающим лицом, говорит не менее самонадеянно, чем Червинский, и любит ссылаться на свою практику судьи; не задумывается ни пред чем и на все имеет готовый, весьма быстрый ответ. Шраг – адвокат, молчаливее и, несомненно, умнее прочих; вероятно, слов терять не любит, но говорит только с определенной целью, а цель эта преимущественно имеет в виду улучшение собственного положения. Молчать вообще осторож-

нее, чем говорить, а доказательством осторожности Шрага может служить то обстоятельство, что он был чем-то вроде воспитателя казенного Лизогуба, а сам никакой ответственности не подвергся за внушение своему воспитаннику образа мыслей, приведшего к виселице. Здесь же присутствует брат казенного Лизогуба, член здешнего окружного суда, о коем все отзываются с похвалою, не указывая при этом ни на какое выдающееся качество. Еще два гостя, Солонина и Тыщинский, остаются безмолвными; последний даже удаляется в соседнюю комнату для бесед с Шидловским. Разговор я начинаю с похвал Константиновичу за деятельность его банка; меня особенно интересует помощь, оказанная банком для приобретения крестьянами земли. К[онстантинович] обещает сообщить по возможности подробные об этом сведения; несомненно то, что крестьяне стремятся покупать земли, что цены земель постоянно возвышаются. От вопроса о расширении крестьянского землевладения разговор переходит к вопросу о лежащих на крестьянах тягостях. Червинский утверждает, что инвентарь крестьянского двора должен оцениваться в 1000 р., доход – от 250 до 300 р., а платежи – от 15 до 20 р., т. е. около пяти %. Прочие оспаривают это заявление, но никаких доводов не приводят. По поводу последовавших на днях избиений евреев все мои собеседники поголовно настаивают на необходимости удалить еврея из деревни, утверждая, что его присутствие развращает народ, распространяя новую мораль, коей основа заключается в том, что все ненаказуемое дозволено совестью. Хорошие нравы, и в особенности честность в имущественных отношениях, исчезает совершенно, население начинает преследовать исключительно материальные цели, всякий нравственный идеал, существовавший прежде в народе, исчезает. Как образчик такого изменения Ч[ервинский] приводит, что в Городницком уезде есть крестьяне, коих отхожий промысел именуется коробкою, т. е. они в коробках разносят мелкий товар по деревням. В прежнее время они брали этот товар «на веру», т. е. в кредит, точно так же и продавали его жителям различных сел с обязанностью заплатить чрез год, при этом не выдавалось никаких письменных документов; теперь, напротив, ни единого рубля не дают в долг без векселя. Варзер утверждает, что на суде молодые сознательно лгут, а старики весьма часто показывают, что их подучали говорить так-то, но что это было бы противно их совести. На вопрос мой: откуда ожидать улучшения, мои собеседники пренаивно стали в тупик, а помолчав несколько, начали говорить: один – об улучшении школы, другой – об улучшении нравствен-

ности чиновников, третий – о слиянии интеллигенции (т. е. их самих) с народом, причем форма этого слияния оставалась весьма неопределенною. Заключение, разумеется, ставилось весьма демагогическое<sup>175</sup>, а именно: существование среди народа крупных единиц, более независимых, и по независимости своей несущих идеал среди населения, несущих не только напоказ, но проводящих его в жизнь, словом, помещиков, помещиков, утративших феодальные права, но не втоптаных в грязь законом 1861 г., священник, школьный учитель были бы помощниками этого естественного представителя и проводника просвещения, тогда как теперь они сообщники разживающегося жида. Народу нужны люди, вносящие в его жизнь успех, благоденствие не пустою болтовнею, а делами любви, труда. Слово тогда только плодотворно, когда оно «плоть бысть»<sup>176</sup>.

26 [апреля]. Воскресенье. Мерклин приезжает советоваться о дознаниях, кои, разумеется, советую сокращать по возможности. Есимонтовский сообщает, что, по донесениям его землемеров, в некоторых местах Черниговской губернии начинается переселение на Кавказ, а именно: Остерского уезда местечко Гоголево и Нежинского в деревнях Заньки, Кошелевка и Смоленка. Архиерей привозит записку о перестройках женского духовного училища и при этом рассказывает сообщенное ему из уезда священником сведение, что одна старуха, пользующаяся большим авторитетом среди раскольников, проповедует, что «последние времена настали, потому что старая вера приходит в упадок вследствие того, что ее более не преследуют». Председатель казенной палаты Капгер, усердно заикающийся, доказывает ненужность отдельного акцизного управления. Вечер у Неплюева. Винт по 1/10 коп. с дивиз[ионным] генералом Полторацким и Есимонтовским.

27 [апреля]. Понедельник. Осматриваю мужское духовное училище, вмещающее 316 воспитанников и устроенное несравненно лучше, чем гимназия; самые преподаватели в приемах своих нравятся мне несравненно более.

Приезжает ко мне Шостак с телеграммою, полученною им из поселка Николаевского, составляющего, в сущности, предместье Киева, но лежащего по левую сторону Днепра и потому принадлежащего к черниговской территории. Я объясняю Шостаку, что не считаю нужным делать какие-либо распоряжения, а предоставляю ему действовать по его усмотрению, но что я бы, на его месте, прежде всего, просил содействия киевского губернатора. Вслед за тем Шостак спрашивает меня, какое впечатление произвел на меня

вызванный мною секретарь губ[ернского] крестьянского присутствия. Как ни странен мне кажется подобный вопрос, но я отвечаю, что я желал слышать от г. Гуляницкого, в каком положении находятся затребованные мною сведения, коих я не могу добиться и, переходя к крестьянскому вопросу, прошу Шостака разъяснить мне разницу между Великороссийским и Малороссийским положениями. Ш[остака] отвечает мне, что Великороссийское обременительнее для крестьян, но почему именно, он сказать решительно не в состоянии. Засим спрашиваю Шостака, в каких уездах состоялись уже земские собрания для обсуждения поставленного Министерством внутр[енних] дел вопроса о преобразовании уездных крестьянских присутствий. Ш[остака] отвечает, что он только что получил ответ от Конотопского уездного собрания, причем о сущности ответа ничего сказать не может. Относительно того, в каких именно уездах были экстренные земские собрания, равным образом отвечать не может. Чувствуя неловкость своего положения, он заявляет, что из моих вопросов, направленных преимущественно на положение крестьян, он усматривает неудовольствие мое тем, что не знаком с этим вопросом; что поэтому он считает нужным мне объяснить, что за два с половиною года губернаторства своего в Чернигове события были так важны, последовало столько перемен и в назначении генерал-губернаторов, и в направлениях Петербургского центрального управления, что не проходило недели без события, которое бы его особенно волновало, и потому он не имел времени ознакомиться с крестьянским вопросом, тем более, что личность секретаря губернского присутствия такова, что он считал возможным довериться этому человеку. Помолчав немного, я перешел к межевому вопросу и услышал от Шостака, что расход на этот предмет со стороны казны составляет «более миллиона», когда в действительности одна недоимка, не покрытая межевым сбором с землевладельцев, составляет около 1800000 р. На этом я разговор прекратил. Вечером я был у того же Шостака, который, получив в тот же день за обедом телеграммы о действительно происшедшем разграблении евреев, ни слова мне не сказал во весь вечер, преспокойно играл в винт, а лишь на другое утро.

28 [апреля]. Вторник, пришел доложить о содержании этих телеграмм и намерении своем ехать в Нежин и Конотоп, где разыгались беспорядки. Если бы распоряжение о посылке войск б[ыло] сделано в момент получения первой телеграммы этим странным губернатором, то весьма может быть, что беспорядки были бы предупреждены. Проведя целый день за бумагами, вечером при-

нимаю Константиновича, который представляет отчеты своего банка. Опять разговор о крестьянском землевладении, о необходимости его расширения и открытия возможности переселений. Я возражаю, что и эти меры составляют только отсрочку, что же после? К[онстантинович]: «Перемена культуры». Я: «Если сознавать, что к этому надо прийти, то почему же не начинать теперь». К[онстантинович]: «Потому что в настоящее время перемена культуры не окупится, будет слишком дорого стоить». Вообще мнения К[онстантиновича], как представителя известной партии, сводятся к тому, что во всем виновато правительство и что всю власть нужно отдать К[онстантиновичу] и его политическим друзьям, хотя К[онстантинович] сам так умен, что мне ничего подобного не высказывает.

29 [апреля]. Среда. В Чернигове также ожидают жидовского разграбления. У Ханенки рабочие объявили, что в среду и четверг работать будут, но что в пятницу приказано жидов бить. Полиция, по обыкновению, ничего не знает и ничего не делает. По соглашению с умным дивизионным генералом Полторацким усилены посты на многолюдных пунктах, в особенности около базара. На вопрос полицмейстеру, в чем состоят обязанности расставленных на улице солдат, полицмейстер отвечает, что в случае появления толпы эти солдаты обязаны сыскать полицейского чиновника и ему о том доложить. Вице-губернатор, исполняющий обязанности губернатора, напротив, утверждает, что солдаты имеют обязанность сами разгонять толпу. Спрашиваю, разъяснял ли им кто-нибудь их обязанности. На это никакого ответа не получаю. Спрашиваю вице-губернатора, имеет ли он какие-нибудь сведения о прибывающих в город. Оказывается, что никаких, потому что полагается на то, что домовладельцы и содержатели гостиниц обязаны заявлять о приезжающих полиции, но нарушение ими этого правила влечет за собою составление протокола и привлечение их к мировому суду, где дело оканчивается ничтожным денежным штрафом. Присутствую при заседании межевой палаты, где дела производятся очень патриархально.

Вечер у председателя окружного суда Ренненкампа, школьного моего товарища. Разумеется, разговор преимущественно касался жидов; говорили, что за последние дни их нельзя узнать, так они сделались смиренны; все свои сколько-нибудь драгоценные вещи они сложили в городской банк. В пример того, как они эксплуатируют мужика, акцизный управляющий Гебель рассказывал, что в это самое утро его повар торговал у мужика какую-то рыбу, за кото-

рую мужик просил 1 р. 20 коп., но стоявший возле жид утверждал, что это дорого; затем, когда покупка не состоялась, то еврей купил ту же рыбу у крестьянина за 90 коп., но в прибавку дал кусок сахару, на который вылил несколько капель водки.

30 [апреля]. Четверг. Вице-губернатор Бачманов является с полученным им из Конотопа известием, что посланный туда для умирения батальон, по словам Шостака, оказывается недостаточным. Не получая от Шостака никаких уведомлений, посылаю ему не совсем приятную телеграмму. Одновременно отправляю Каханову такую телеграмму: «Здесь также ожидают разграбления евреев, на завтра, пятницу, базарный день, когда съезжаются крестьяне соседних деревень. Наружная полиция усилена воинскою командою, установлен надзор за приезжающими, но все это весьма недостаточно. С самого утра дивизионный генерал будет производить смотр батальонам поочередно. Шостак в Конотопе и оттуда мне ничего не сообщает. Я послал ему предписание обо всем меня уведомлять. Необходимо позаботиться о посылке войск в северные уезды, и особливо – в раскольничьи посады, где дело не обойдется без убийства. Буду сегодня совещаться с генералом Полторацким. Мерклин умоляет об удовлетворении заявленной им просьбы прислать жандармского офицера из Петербурга».

1 мая. Пятница. Просыпаясь утром, к величайшему своему удовольствию узнаю, что в городе тихо. Кабаки по моему распоряжению все заперты, жида попрятались, Полторацкий с семи часов утра производит смотр батальонам Вологодского полка поочередно. При этом роты идут на плац и возвращаются оттуда чрез базарную площадь. При посредстве умного Ханенки поручаю лесному ревизору Маркевичу произвести расследование в некоторых деревнях Черниговского уезда, просящих разрешения переселиться в более плодородные местности. От Шостака самые неопределительные телеграммы; в распоряжениях говорит о себе, как о полководце. Письмо от Каханова с недоверием к cabinet homogène<sup>177</sup>, составленному из разномыслящих лиц. Письмо от де Росси с жалобами на прокурорский надзор. Киевская тюрьма, гнездилище тифа, переполнена, взяты мелкие воришки, а не вожаки. Загоскин прекрасный человек, но не прокурор; к тому же потерял голову. Вечер у Непалюева.

2 мая. Суббота. Не успел я одеться, как приехали ко мне Полторацкий и Есимонтовский. Последний только что получил телеграмму от одного из подчиненных ему землемеров о том, что крестьяне деревни, где он находится (Ядловка), разбили кабаки,

разграбили еврейское имущество и угрожают тою же участью межевым планам и самому землемеру; так как селение это оказывается на линии железной дороги, то уведомляю об этом Шостака, находящегося в Конотопе. Придавая особенное значение угрозам, делаемым землемеру, телеграфирую в Харьков генерал-губернатору князю Мирскому, намекая ему на необходимость приехать сюда самому. Вечером приезжает ко мне Полторацкий и рассказывает забавные истории о своей службе губернатором в Семипалатинске, а потом дивизионным командиром в Филиппополе.

3 мая. Воскресенье. Получаю грустное известие о смерти принца Петра Георгиевича Ольденбургского. В день его смерти могу только повторить то, что говорил ему при всякой возможности, что он был моим благодетелем, основав Училище правоведения, в котором я получил воспитание, в то время, когда учебных заведений почти не было, а существовали почти исключительно заведения военно-учебные. Доброта, искренность, сердечность этого человека сделали его деятельность плодотворнее, чем дела самых умных говорунов. Телеграфирую сыну его Александру Петровичу. Проехав по городу, убеждаюсь, что все спокойно, и заезжаю поблагодарить за содействие Полторацкого, который провел все утро на лошади и вызывая дежурные части Вологодского полка. Пред обедом является вице-губернатор Бачманов с телеграммою от суражского исправника, что в раскольниковской промышленной слободе Клинцах рабочие собираются бить евреев; по счастью, из Городни уже выступил батальон, назначенный в Новозыбков. Вечер с умным Ханенко, который, между прочим, рассказывает со слов Котлубицкого (передвижного коменданта имп[ератора] Павла I), как раз в Петергофе император, быв разбужен шумом в кабаке, приказал Котлубицкому водворить тишину, Котлубицкий отправился по саду и наткнулся на в. к. Александра Павловича, имевшего свидание с в. к-ею Анною Федоровною, женою в. к. Константина Павловича, находившегося в то время с Суворовым в Италии. А[лександр] П[авлович] сказал Котлубицкому, что предписывает ему молчать от этого во всю жизнь. Котлубицкий взглянул на окна в. к. Анны Федоровны и увидел, что в ее комнате виднелась кукла, долженствовавшая изображать ее саму. Ханенко рассказывал еще, как встретил раз у архиерея Филарета 111-летнего старика, который б[ыл] истопником у императора Павла, понравился ему и просил у государя быть освобожденным от крепостного состояния; государь отвечал ему, что сделать этого не может, но приказал выдать ему паспорт и посоветовал отправиться на Байкал

и там поселиться, что этот человек и сделал. На сто одиннадцатом году возраста он пришел из Сибири пешком в Киев на богомолье, а оттуда зашел в Чернигов, где, несмотря на убеждения архиерея, не захотел остаться на жительство, а вернулся пешком в Сибирь. В пятидесятых годах Ханенко, по званию предводителя, отправился в имение графини Завадовской усмирять крестьян и встретил там человека, который присягал Петру II. Получаю телеграмму от м[инистра] юстиции Набокова, которому предлагал де России для следствия о киевских беспорядках, но который отвечает, что киевский прокурорский надзор не уведомляет его о недостатке средств своих.

4 мая. Понедельник. В 10 ч. еду с Полторацким смотреть, как солдаты Вологодского полка учатся стрелять в цель. Осматриваю семинарино, грязь, неряшливость, вонь. Мерклин, приехавший из Конотопа, сообщает о пошлых выходках Шостака, который, получив первое уведомление о конотопских беспорядках в понедельник, в пять часов дня, приехал на место в среду в 8 ч. вечера. Начало беспорядков приписывает железнодорожным рабочим, коих плата и число были уменьшены правлением дороги; утверждает, что среди них б[ыли] социалистические агенты. Вечером пещеры св. Антония, чай у глупого архиерея Серапиона, который отказывается служить панихиду по принце Петре Георгиевиче Ольденбургском, потому что он не православный.

5 мая. Тщетно ожидаю письма, отправленного мне князем Мирским из Харькова 2 мая. Приезжают из Киева: Загоскин, Кочуков, де России, полные рассказов о киевском разграблении евреев<sup>178</sup>. Получаю телеграмму о замещении Лорис-Меликова Игнатьевым, причем на место последнего назначен министром госуд[арственных] имуществ Островский, прежний товарищ госуд[арственного] контролера. Дай Бог, чтобы во внутренней политике Игнатьев не затащил бы бедную Россию в такую же трупобу, как он сделал уже это на поприще внешней политики. Что касается до Островского, то он по своим убеждениям гораздо либеральнее выходящих министров; я разумею Абазу и Каханова. Какой же смысл этих перемен? Личные интриги. Все это очень грустно и опасно. В Петербурге люди, как Победоносцев, очевидно, ворочающийся в таких переменах, не понимают, какое впечатление они производят в провинции, не говоря о сущности. Получаю вечером письма от жены и брата относительно отставки Лорис-Меликова, Абазы и Каханова. Манифест б[ыл] написан Победоносцевым вместе с Катковым, тайно от всех министров.

6 мая. День рождения наследника. Обедня и молебен в соборе. Парад Вологодского полка. Со всех сторон известия об уменьшении беспорядков с евреями. Дела больше нет, ожидаю прибытия из Новгородсеверска парохода Судienки. Разг[овор] с Червинским.

7 мая. Является Судienко с своим пароходом. Весь день провожу в прощальных визитах и сборах. От Шостака из Конотопа телеграмма, что там водворен порядок. Вечер у Полторацкого, играю в винт с ним, Неплюевым и Есимонтовским.

8 мая. По обыкновению, в пятницу пускаюсь вверх по Десне на пароходе Судienки, который меня сопровождает и осыпает любезностями. Человек недалкий, тип гвардейского офицера пятидесятих годов, но вносящий в отношения то меньше жить и вежливость, кои являются только результатом первоначального воспитания в связи с наследственностью общественного положения. Болтаем много, путного мало. Всего интереснее может быть сообщенный Судienко факт, что на днях в Новгородсеверске курица, искавшая места, чтобы нестись, вскочила в люльку пятинедельного ребенка и заклевала его до смерти.

9 мая. На рассвете останавливаемся, чтобы запастись дрова[ми], лежащими на берегу. Крестьяне стоят сложа руки и смотрят, как усталые матросы сами делают эту работу; помочь им крестьяне не решаются, считая грехом работать в праздник – день св. Николая; конечно, тотчас вслед за тем эти же мужики пойдут в кабак, считая это занятие более согласным с их христианскими обязанностями. Десна вертится во все стороны, на крутых поворотах нередко загромождают путь многочисленные плоты, плывущие из Орловской губернии. Наблюдения за ними: порядка никакого, они портят берега и плавание, некоторые сидят на мели; все это представляет весьма грустную картину из неуклюжего русского торгового мира. Ночь, теплая, восхитительная. Около 2-х часов приходим в живописно раскинутый по берегу Новгородсеверск.

10 [мая]. Проспав отлично ночь в старинном помещичьем доме брата Судienки (что ныне служит владимирским губернатором), выхожу в сад, спускающийся к Десне. Сад запущен, но прелестен, вековые деревья, липы, каштаны, множество сиреней, яблоней; все это цветет и благоухает, производя впечатление венка, брошенного на могилу исчезнувшей помещичьей жизни. Само слово «помещик» сделалось чуть не бранным словом, тогда как, при всех его недостатках, помещик, землевладелец, вотчинник был и остается пионером просвещения среди серой, грубой толпы, из которой недодумывающиеся идеологи напрасно хотят сделать чуть ли не

идеального мудреца, законодателя, философа. Во всяком положении люди склонны к злоупотреблениям, кто сильнее, тому и злоупотребление легче; с этой точки зрения и помещичья власть обросла злоупотреблениями. Искусная законодательная рука должна была их срезать, как режут сухие ветви; вместо того топор коснулся корня; помещичья власть свалилась, и на месте ее быстро вырос кабак с волосным писарем. Величайшая из русских правительниц Екатерина, воспоминаниями о коей полон даже этот забытый угол Русской земли, хорошо понимала, на чем зиждется прочный порядок. Она отдала более имущественному (а отсюда – и более образованному) классу всякую местную власть, и судебную, и административную; многочисленные и разнообразные [причины] сделали эту попытку неудачною, но нет сомнения, что такой государственный прием есть единственный правильный, что на нем покоится величие и слава Англии, с которой другие государства скопировали только внешние формы, не поняв существенного смысла ее политического устройства; нет сомнения, что и нам без возвращения к этой екатерининской политике, разумея, конечно, не изуродованное верховною властью учреждение – дворянство, а просто имущественное, более образованное сословие, и нам без доверия к выборным учреждениям нельзя достигнуть ничего, кроме неудач и несчастий. Таково было смутное мое впечатление пред отъездом на ревизию, таково и ныне более и более укореняющееся во мне убеждение.

В 2 ч. прием уездных властей. Выдаются председатель земской управы Хаецкий да отставной предводитель дворянства Михаил Андреевич Маркевич, отличный старик. В 6 часов обед у Судянки, вся обстановка безалаберная, непорядочная, битые стекла, закопченные потолки с претензиями на роскошь, вина чуть не бочки и при том самого дорогого, наследственного, скопленного отцом, который, кроме вина, собирал и рукописи, доставшиеся старшему брату Осипу Михайловичу; по словам городского головы Соковско<sup>179</sup>, в бумагах этих, между прочим, хранится переписка Румянцева за то время, когда он был малороссийским генерал-губернатором. Пред обедом захожу в собор взглянуть на гробницу гр. Алексея Григ[орьевича] Разумовского, перенесенную из Почеп<sup>180</sup>.

11 [мая]. Согласно приглашению Судянки еду в его имение Очкино<sup>181</sup>, на его пароходе. Остатки величия минувших дней, картинная или, правильнее, портретная галерея, кой-какие старинные вещи. Все запущено; деревья превосходные, сад окружен каменною стеною, ворота, в кои въезжала Екатерина II во время путешествия

своего в Крым, заложены камнем, с тем, чтобы после нее никто больше чрез них не проезжал. Погода превосходная. Вернувшись домой, слушаю соловьев в саду, прилегающем к занимаемому мною дому.

12 [мая]. Вторник. В 10 часов выезжаю из Новгородсеверска и к 6 часам достигаю имения Миклашевского, Понуровки<sup>182</sup>. На дороге в имение князя С. Голицына, Костобобр, меня останавливает толпа стоящих на коленях крестьян. Из-за межевых споров у них доходило в прошлом году дело до вооруженного сопротивления. Управляющий Голицына Владимиров не отдает им иначе, как на весьма стеснительных условиях, отошедшие во владение Голицына выгоны, постоянно находившиеся во владении крестьян. Призываю крестьян и Владимирова в волосное правление и привожу их к мирному соглашению. Владимиров уступает 125 десятин выгона за 60 десятин крестьянской земли по их собственному выбору. Заезжаю к Голицыну, чтобы поддержать его авторитет в глазах населения. Он круглый дурак. У Миклашевского нахожу крайне радушный прием и очень милую старушку-мать. Дом огромный и выстроен в прошлом столетии по планам Гваренги. Проводим вечер в цветущем саду.

13 [мая]. Среда. В 10 ч. выезжаю из Понуровки с Миклашевским. При выезде из деревни опять стоящие на коленях мужики. Они всегда были фабричными и владели не более как одною десятиною на душу. Просьба неизменно одна и та же: «о земле», т. е. о том, чтобы отнять у помещика и отдать им. При этом они не могут нахвалиться добротой своего помещика и имеют заработки на его заводе.

Я забыл упомянуть о характерной черте, высказавшейся накануне у костобобровских крестьян. Управляющий Владимиров соглашался отдать им в аренду выгоны, в коих они нуждаются, соглашался отдать на самых выгодных условиях, но они не соглашались на одно: подписать условие. Сначала они утверждали, что не хотят ничего подписывать, потому что они люди темные, но, в конце концов, высказали свою задушевную мысль, что при таком образе пользования земля всегда останется принадлежащею не им, тогда как они не хотят весь век «глядеть на чужую землю». Эта черта глубоко назидательна и чревата несчастьями.

Приехав в Стародуб, принимаю в три часа всю чиновную публику. Уездный предводитель Скоропадский, когда-то блестящий кавалергард и танцор, настоятельно требует, чтобы я у него обедал. Обед самый чиновно-официальный и тяжелый во всех отношениях. Из местных деятелей выдаются непременно член крестьянского присутствия Лайкевич и, в меньшей степени, – председатель земской управы Рогович. Первый – дельный, деятельный, способ-

ный труженик, второй – теоретик, только что переходящий к практическому делу и еще несколько в нем не сведущий.

14 [мая]. Четверг. Выезжаю из Стародуба в девять часов. Страшные пески. В карету, ссуженную мне Неплюевым, закладывают по десяти лошадей, которые еле-еле меня вытягивают и привозят в Мглин в четвертом часу. Жара, духота, пыль. Здесь нахожу Пестова и Щировского. Всю ночь не дают спать шумливые часы, петухи, собаки и пастух.

15 [мая]. Пятница. Прием чиновного люда. Гнусный г. Лавриненко, н[епременный] член у[ездного] к[рестьянского] присутствия, незavidный предводитель, председательствующий в управе Губчиц. Суражский предводитель Листовский, недалежного ума. Ревизия одной из подгородных волостей, которая, впрочем, оказывается довольно ничтожною. Пестов и Щировский уезжают в южные уезды.

16 [мая]. Суббота. В 9 часов выезд из Мглина. Погода приятная, ни жарко, ни холодно. Широкая почтовая дорога обсажена с обеих сторон двойною аллеєю берез. Было время, когда в России насаждали, а не рубили, как теперь. До Рославля пески и холмы. Выходы самые ничтожные; сопровождающий меня исправник жалуется на бездожде. В 8 ч. достигаю железного пути в Рославле и усаживаюсь в превосходный вагон, присланный мне из Петербурга.

## ПРИМІТКИ ТА КОМЕНТАРІ

- <sup>1</sup> Половец Симеон. *Русский биографический словарь*. Т. 14. С. 375–376.
- <sup>2</sup> Половцов Александр Андреевич. *Русский биографический словарь*. Т. 14. С. 377.
- <sup>3</sup> Татищев С. С. Род Татищевых. 1400–1900. СПб., 1900. С. 121.
- <sup>4</sup> Зайончковский П. А. А. А. Половцов. Биографический очерк. *Половцов А. А. Дневник государственного секретаря*. Т. 1. М., 2005. С. 8.
- <sup>5</sup> Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. СПб., 2001. С. 91–120.
- <sup>6</sup> Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. А., 1924. С. 148.
- <sup>7</sup> Кістяківський О. Ф. Щоденник. Т. 2 (1880–1885). К., 1995. С. 317–318.
- <sup>8</sup> Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов. М., 1964. С. 78–79.
- <sup>9</sup> Там же. С. 87–98.
- <sup>10</sup> Там же. С. 207–213.
- <sup>11</sup> Сенаторские ревизии 1880. *Русский архив*. 1912. № 11. С. 418.
- <sup>12</sup> История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 4. СПб., 1911. С. 503–504.
- <sup>13</sup> Зайончковский П. А. Кризис самодержавия. С. 238–239.
- <sup>14</sup> Там же. С. 239–240.
- <sup>15</sup> Сенаторские ревизии 1880. С. 419–429.
- <sup>16</sup> Чиншовики – особи, котрі користувалися землею на чиншовому праві. Це були спадкові державці земельних наділів, що належали крупним землевласникам, на чію користь чиншовики мали сплачувати грошовий оброк – чинш, що міг посднуватися з натуральною і відробітковою рентами. На теренах Правобережної України чиншове право було пережитком феодалізму, успадкованим від Речі Посполитої. Після присаднання цього регіону до Російської імперії юридичний статус селян-чиншовиків тривалий час залишався невизначеним. Це породжувало численні конфлікти між чиншовиками та землевласниками.
- <sup>17</sup> На Київську губернію судову реформу 1864 р. було поширено лише у 1879 р., що обумовлювалося прагненням глибше інтегрувати Правобережну Україну до державних структур Російської імперії. Судові органи, що мали діяти на підставі судових статутів від 20 листопада 1864 р., на Київщині було створено у першій половині 1880 р. (Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 146–147). Докладний опис стану новоутворених судових установ див: И. К. По поводу введения в губерниях Киевского округа новых судебных учреждений. *Юридический вестник*. 1880. № 11. С. 404–412.
- <sup>18</sup> М. Т. Лоріс-Меліков мав намір скасувати акциз на сіль і подушну подать.
- <sup>19</sup> Кістяківський О. Ф. Щоденник. Т. 2. С. 261.
- <sup>20</sup> Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. М., 2010. С. 466–472.
- <sup>21</sup> Там же. С. 471.
- <sup>22</sup> Зайончковский П. А. Кризис самодержавия. С. 300–378.
- <sup>23</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. № 118.

- <sup>24</sup> Половцов А. Его императорскому величеству сенатора, ревизовавшего Киевскую губернию, всеподданнейшее донесение. Б. м., б. г.; Записка сенатора Половцова о положении крестьянского дела в Киевской губернии Б. м., б. г.; Записка сенатора Половцова о состоянии общественного управления и хозяйства в городах Киевской губернии. Ч. 1–2. Б. м., б. г.; Записка сенатора Половцова по обозрению делопроизводства Киевского губернского правления. Б. м., б. г.; Обзорение делопроизводства в канцелярии киевского генерал-губернатора. Б. м., б. г.; Материалы, касающиеся положения и деятельности полицейских учреждений Киевской губернии, собранные при производстве ревизии сенатором Половцовым. Б. м., б. г.; Извлечение из всеподданнейшего отчета сенатора Половцова по ревизии Киевской губернии. Б. м., б. г.; Делопроизводство Черниговского губернского правления. Б. м., б. г.; Записка сенатора Половцова о состоянии городского хозяйства в городах Черниговской губернии Б. м., б. г.; Записка сенатора Половцова о состоянии общественного управления в городах Черниговской губернии. Б. м., б. г.; Материалы, относящиеся до земских учреждений Черниговской губернии. Извлечение из сведений, собранных при ревизии сенатором Половцовым Черниговской губернии в 1881 году. Б. м., б. г.; О причтовых постройках в юго-западном крае. Записка сенатора Половцова, ревизовавшего губернии Киевскую и Черниговскую (Сообщено министру внутренних дел 25 марта 1881 года). Делопроизводство Черниговского губернского правления. Б. м., б. г.
- <sup>25</sup> Окрім того, у Російському державному історичному архіві с ф. 1531 «Ревізія сенатора А. А. Половцова Київської та Чернігівської губерній», але він містить лише одну справу – додаток до ревізії поліцейських установ Чернігівської губернії.
- <sup>26</sup> Стецкевич М. Я. Каталог фонда ревизии сенатора А. А. Половцова Киевской и Черниговской губерний 1880–1881 гг. Л., 1960. 376 с.
- <sup>27</sup> Стецкевич М. Я. Обзор материалов по истории крестьянства Украины периода второй революционной ситуации (по фонду ревизии А. А. Половцова). *Труды Государственной публичной библиотеки*. Т. 12 (15). Л., 1964. С. 219–227.
- <sup>28</sup> Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1. 1883–1886 гг. Т. 2. 1887–1892 гг. М.: Наука, 1966.
- <sup>29</sup> Зайончковский П. А. А. А. Половцов. С. 17.
- <sup>30</sup> Троицкий Ю. А. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка. *История в эго-документах: исследования и источники*. Екатеринбург: «АсПУр», 2014. С. 15, 16.
- <sup>31</sup> Зайончковский П. А. А. А. Половцов. С. 18.
- <sup>32</sup> Видапенко Н.І. Щоденник у системі мемуаристики: історія становлення, типи класифікацій та жанрові ознаки. *Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна*. 2005. №659. Сер.: філологія. Вип. 44. С. 128–132.
- <sup>33</sup> Манн Ю. О ситуации в «Ревизоре». *Манн Ю. Поэтика Гоголя*. М.: Худож.лит., 1988. С. 201–216.
- <sup>34</sup> Дневник А. А. Половцова ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 10.
- <sup>35</sup> Там же. Л. 16 об.
- <sup>36</sup> Там же. Л. 65.
- <sup>37</sup> Там же. Л. 17.
- <sup>38</sup> Там же. Л. 18.
- <sup>39</sup> Манн Ю. Сила «Ревизора»: URL: [https://a4format.ru/pdf\\_files\\_bio2/475a4143.pdf](https://a4format.ru/pdf_files_bio2/475a4143.pdf) (дата звернення: 24.02.2019).
- <sup>40</sup> Хижняков В. М. Воспоминания земского деятеля. Петроград: Огни, 1916. С. 103.

- <sup>41</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 68.
- <sup>42</sup> Шраг І. А. Листи з Чернігівщини. *І. А. Шраг. Документи і матеріали*. Чернівці, 1997. С. 99.
- <sup>43</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 70.
- <sup>44</sup> Там же. Л. 12 об.
- <sup>45</sup> Кістяківський О. Ф. Щоденник. Т. 2. С. 317.
- <sup>46</sup> Мельник-Антонович К. М. До видання I тому творів В. Антоновича. В. *Антонович. Твори*. Т. I. Київ, 1932. С. XLVI.
- <sup>47</sup> Gossman L. Anecdote and History. *History and Theory*. 2003. Vol. 42. Is. 2. P. 143–168
- <sup>48</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 56–56 об.
- <sup>49</sup> Там же. Л. 36.
- <sup>50</sup> Половцев А.А. Извлечение из всеподданейшего отчета по ревизии Киевской губернии. СПб, 1882. С. 21.
- <sup>51</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 8.
- <sup>52</sup> Там же. Л. 83 об.
- <sup>53</sup> Там же. Л. 37.
- <sup>54</sup> Там же. Л. 87.
- <sup>55</sup> Половцев А.А. Извлечение из всеподданейшего отчета. С. 16.
- <sup>56</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 40.
- <sup>57</sup> Новицкий В.Д. Еще о М. И.Черткове. *Новицкий В. Д. Воспоминания тяжёлых дней моей службы в корпусе жандармов*. М.: Юрайт, 2019. С. 52–56.
- <sup>58</sup> Мельник-Антонович К. М. До видання I тому творів В. Антоновича. С. XLVI.
- <sup>59</sup> Петрункевич І. На Чернігівщині: уривки із спогадів громадського діяча. Чернівці: Деснянська правда, 2009. С. 103.
- <sup>60</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 123.
- <sup>61</sup> Хижняков В. М. Записки земского деятеля. С. 100.
- <sup>62</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 80.
- <sup>63</sup> Заварзіна Є. В. Щоденник як «матеріалізована» авторська свідомість. *Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна*. 2007. № 765, серія: філологія. Вип. 50 С. 178.
- <sup>64</sup> Дневник А. А. Половцова. Л. 98.
- <sup>65</sup> Троицкий Ю. А. Аналитика эго-документов. С. 17.
- <sup>66</sup> Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб. Алтейя, 2000. С. 204 etc.
- <sup>67</sup> Масток Лівадія на Південному березі Криму приснався до володінь імператорської родини в місцевості Оріанда після того, як у 1861 р. був викуплений у спадкоємців А. С. Потоцького. Див.: Ширяев С. Д. Помещичья колонизация и русские усадьбы в Крыму в конце XVIII и первой половине XIX века. *Крым*. 1927. № 2(4). С. 169–186.
- <sup>68</sup> Дача кн. Долгоруковой розташовувалася у місцевості, що мала назву «Біок-Сарай», віддаленій від центру тогочасної Ялти (лише на початку 1890-х рр. на цій території було закладено Пушкінський бульвар). Цей невеликий масток приваблював публіку як місцева пам'ятка, як писав про це харківський нотаріус М. Боборикін у 1899 р.: «Ходили дивитися ще раз Біок-Сарай наприкінці Пушкінського бульвару..., невеличкий двоповерховий будиночок у суто руському стилі,

- з дерев'яним півником на даху, з великим парком на річці Учан-Су». Див.: Боборькин М. М. Воспоминания о Крыме. 1897–1920. Симферополь, 2009. С. 63–68.
- <sup>69</sup> Добровільний флот – товариство, засноване 1878 р. на грошові пожертви для розвитку мореплавства під головуванням цесаревича Олександра Олександровича, заступником якого став К. П. Побєдоносцев.
- <sup>70</sup> Яхта, побудована для царської родини 1880 р.
- <sup>71</sup> Мاستок в Яготині Пирятинського повіту Полтавської губернії.
- <sup>72</sup> Штундисти – прибічники свангельського християнства (баптизму). Штундизм набув значного поширення в Україні впродовж другої половини XIX ст., що було обумовлено недоволенням віруючих офіційним російським православ'ям.
- <sup>73</sup> Цей будинок, двоповерховий особняк у ренесансному стилі, на вул. Єкатерининській, 9, побудований за проектом О. Я. Шіле на замовлення А. В. Гудим-Левковича, зберігся до нашого часу (вул. Липська, 9), але з пізнішими надбудовами. Див.: Друг О., Малаков Д. Особняки Києва. К.: Кий, 2004. С. 159–191.
- <sup>74</sup> Сенатор М. С. Ковалевський за дорученням М. Т. Лоріс-Мелікова вивчив стан справ з адміністративними засланнями й у липні 1880 р. склав доповідну записку, в якій пропонував обмежити право місцевої влади застосовувати це покарання. Докл. див.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия. С. 185–186.
- <sup>75</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. № 58488.
- <sup>76</sup> Пам'ятник «Гисячоліття Росії» (архітектор В. Гартман, скульптори М. Микешин та І. Шредер), споруджений у Новгороді 1862 р.
- <sup>77</sup> Йдеться про імператора Миколу I.
- <sup>78</sup> Матся на узвіз російсько-турецька війна 1877–1878 рр., під час якої ген. П. С. Ванновський був начальником штабу Русуцького загону, котрим командував цесаревич Олександр Олександрович.
- <sup>79</sup> Нова Печерська фортеця, споруджена під час правління Миколи I.
- <sup>80</sup> Пашковці та редстокісти – прибічники свангельського християнства (баптизму). Назви походять від прізвищ ідейних керманічів цієї релігійної течії – лорда Гренвілла Редстока, британського аристократа, що певний час мешкав у Петербурзі, та його послідовника В. О. Пашкова. Серед редстокістів та пашковців було чимало представників російської знаті.
- <sup>81</sup> В. Б. Антонович у 1880 р. перебував у закордонному відрядженні, що врятувало його від заслання, яке до нього мав намір застосувати генерал-губернатор М. І. Чертков. Докл. див.: Мельник-Антонович К. М. До видання I тому творів В. Антоновича. *Антонович В. Твори*. Т. I. К., 1932. С. III.
- <sup>82</sup> Коронний предводитель дворянства – призначений урядом, а не обраний дворянством. Скасування дворянських виборів і призначення коронних предводителів на Правобережній Україні було спричинено активізацією польського національного руху на початку 60-х рр. XIX ст. У Київській губернії дворянські вибори було скасовано навесні 1863 р. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. № 39359). Коронними предводителями зазвичай призначалися росіяни.
- <sup>83</sup> Цадик – духовний провідник громади юдеїв-хасидів.
- <sup>84</sup> Йдеться про утворення у 1867 р. двосидної Австро-Угорської імперії.
- <sup>85</sup> Розмовною мовою – українського.
- <sup>86</sup> Хлисти та скопці – розкольницькі секти. Хлисти практикували ритуальне самобичування, а у скопців було прийнято кастрування.

- <sup>87</sup> Йдеться про російсько-турецьку війну 1877–1878 рр.
- <sup>88</sup> «Керівний державний діяч» (нім.).
- <sup>89</sup> Указом від 2 грудня 1827 р. свреям було заборонено постійно мешкати у Києві й вони мали бути виселені з міста. Їм дозволялося лише тимчасово відвідувати Київ для комерційних справ (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. № 1583). Виселення свреїв з Києва тривало до 1835 р. Відтак Київ було виключено зі Смути сврейської осілості. З лібералізацією внутрішньої політики російського уряду на початку царювання Олександра II у 1859–1861 рр. у Києві було дозволено постійно мешкати свреям, що були купцями перших двох гільдій, а згодом і деяким іншим категоріям сврейського населення. Проте свреї могли оселитися лише у двох міських дільницях – Плосьькій та Либідській, а в інших дільницях могли мешкати тільки за спеціальним дозволом місцевої влади. Попри ці обмеження упродовж 1860-х – 1870-х рр. чисельність свреїв у Києві істотно збільшилася; згідно з переписом населення Києва 1874 р. у місті мешкало 14 тис. свреїв, що становило 11% від загальної чисельності киян. Приток свреїв до Києва у цей час обумовлювався перетворенням цього міста на важливий осередок торгівлі та промисловості, де могли знайти собі застосування економічно активні свреї. Докл. про долю сврейства в історії Києва другої половини XIX – початку XX ст. див.: Maïr, Natan M. Kiev, Jewish metropolis : a history, 1859–1914. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2010.
- <sup>90</sup> Про цей епізод див.: Кістяківський О. Ф. Щоденник. Т. 2. С. 317. «Сенатор Половцов прийняв їх більш ніж сухо» – зауважив з цього приводу проф. Кістяківський; однією з дам, що відвідали Половцова, була дружина Кістяківського – Олександра Іванівна.
- <sup>91</sup> Напевно, йдеться про Малі та Великі Будища на Полтавщині.
- <sup>92</sup> Про зустріч університетських професорів з Половцовим див.: Кістяківський О. Ф. Щоденник. Т. 2. С. 319–320.
- <sup>93</sup> Кримська війна 1853–1856 рр.
- <sup>94</sup> Йдеться про київського генерал-губернатора О. П. Безака.
- <sup>95</sup> Паризький мирний договір – угода, що завершила Кримську війну 1853–1856 рр., в якій Росія зазнала поразки.
- <sup>96</sup> «Ні, мій любий, я прошу тебе продовжувати, бо таким чином я дізнаюся інколи речі, які до мене би не дійшли» (фр.).
- <sup>97</sup> Йдеться про видання: Trembecki S. Sophiowka : roeme polonais. Vienne, 1815. 176 р. Публікація поеми у 1815 р. французькою та польською мовами сприяла розповсюдженню інформації про парк маєтку «Софіївка» на теренах Європи.
- <sup>98</sup> «Мандрівка у світ мільярдів» (фр.).
- <sup>99</sup> «Це виняток, що я виїшов на вулицю, зазвичай я гуляю у свосму садку, наче лев у клітці» (фр.).
- <sup>100</sup> Помилка автора: замість «Гудович» має бути «Гудвилл».
- <sup>101</sup> Йдеться про монографію проф. М. Ф. Владимирського-Буданова «История Императорского университета св. Владимира. Т. I: Университет св. Владимира в царствование императора Николая Павловича», опубліковану 1884 р. з нагоди 50-ліття існування університету.
- <sup>102</sup> Йдеться про пісню французького шансоньє Гюстава Надо «Два жандарми» («Les deux gendarmes»).
- <sup>103</sup> Опера французького композитора Жака Оффенбаха «Чарівна Єлена».
- <sup>104</sup> «Ось ліжко, на якому був народжений Гого» (фр.).
- <sup>105</sup> Нині – вул. Липська.

- <sup>106</sup> Приказ громадського догляду.
- <sup>107</sup> Leroу-Beaulieu P. P. *Traité de la science des finances*. 2 vol. Paris, 1877 (Леруа-Больє П. П. «Трактат про фінанси» – кращий на той час посібник з фінансової науки).
- <sup>108</sup> Сенатор П. М. Клущин ревізував Пермську губернію у 1870 р.
- <sup>109</sup> Жонд (пол. *Rząd*) – центральний орган влади, утворений у 1863 р., під час Січневого польського повстання.
- <sup>110</sup> Йдеться про закон від 10 грудня 1865 р. «Про заборону особам польського походження знову набувати поміщицькі маєтки у дев'яти західних губерніях» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. № 42759). За цим законом полякам було заборонено купувати маєтки на теренах Литви, Білорусі та Правобережної України. Таким чином російський уряд прагнув зменшити польське землеволодіння у цих регіонах (докл. див.: Бовуа Д. Битва за землю в Україні 1863–1914. Поляки в соцієтнічних конфліктах. К., 1998. С. 32).
- <sup>111</sup> Тобто межування коштом землевласника.
- <sup>112</sup> Принц Петро Ольденбургський був попечителем Училища правознавства, в якому О. О. Половцов здобув освіту.
- <sup>113</sup> У тексті помилково – «судебного».
- <sup>114</sup> Битва біля с. Чаїркіої (Церковна) 9 вересня 1877 р., під час російсько-турецької війни 1877–1878 рр.
- <sup>115</sup> Бердичів перебував у власності князів Радзивілів.
- <sup>116</sup> «Я шкодую, що моя дружина не змогла виїхати Вам назустріч» (фр.).
- <sup>117</sup> «А як же Ваша обіцянка, сир, що ми не побачимо княжну Долгорукову?» (фр.).
- <sup>118</sup> «Ваша правда, – відповідав молодий, – але я передумав і, як самодержець, я наказую вам чинити те, що я забажаю» (фр.).
- <sup>119</sup> «Сир, Ваше одруження рівнозначне зреченню, і Ви більше не можете залишатися імператором» (фр.).
- <sup>120</sup> Народовольці Олександр Квятковський та Андрій Пресняков були засуджені до смертної кари на «процесі шістнадцяти» восени 1880 р.
- <sup>121</sup> Колегія Павла Галагана – привілейована середня школа-інтернат, заснована Г. П. Галаганом у 1871 р.
- <sup>122</sup> Син Половцова – Олександр.
- <sup>123</sup> Про службу в Києві, зокрема і під час сенаторської ревізії О. О. Половцова, В. Д. Новицький докладно розповідає у своїх мемуарах: Новицький В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- <sup>124</sup> Записка о молоканской и других сектах в Тамбовской епархии. *Труды Киевской духовной академии*. 1875. Т. 1. С. 149–166.
- <sup>125</sup> Йдеться про «Универсал гетмана Разумовского бунчуковому товарищу Ефиму Дарагану о присутствовании, совместно с генеральным бунчучным Оболенским, при “елекциии” кандидатов на место архимандрита Киево-Печерской лавры» від 27 листопада 1751 р., що зберігався в архіві Г. П. Галагана, нащадка Дараганів. Опубл.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 1. СПб., 1880. С. 154–155. О. М. Лазаревський незабаром опублікував його ще раз у журналі «Киевская старина» (1883. № 11. С. 467–469). У коментарі до публікації було зазначено, що цей документ засвідчує наявність у Гетьманщині виборності духовенства та живого зв'язку церкви з суспільством.
- <sup>126</sup> Можливо, натяк на гарем турецьких султанів як осередок політичних інтриг в Османській імперії.

- <sup>127</sup> «Чигиринська справа» («Чигиринська змова») – спроба революціонерів-народників (Я. Стефанович, А. Дейч, І. Бохановський) організувати селянське повстання у Чигиринському повіті Київської губернії 1877 р. Підготовка повстання була припинена заходами влади.
- <sup>128</sup> У житті Г. П. Ґалагана вистава за п'єсою «Наталка-Полтавка» мала особливе значення, так само, як цей драматичний твір – у становленні українського театру на його шляху від аматорського до професійного у другій половині XIX ст. Див.: Чубинський П. Украинский спектакль в Чернигове, 12 и 15 февраля. *Основа*. 1862. № 3. С. 71–75.
- <sup>129</sup> М. І. Чертковка було звільнено з посади київського генерал-губернатора та призначено членом Державної ради. Державний секретар Є. А. Перетц переопів у своєму щоденнику в нотатці за 22 грудня 1880 р. розмову з цього приводу між Олександром II та головою Державної ради великим князем Костянтином Миколайовичем: «Относительно его великий князь спросил: “Не глуп ли он?” – Государь отвечал: “Совсем не глуп. Беда только в том, что он преисполнен строгановской спеси. Я не могу оставить его генерал-губернатором, так как он не может переварить мысли о посланной мною в Киев сенаторской ревизии. Между ним и сенатором Половцевым происходят чуть ли не ежедневные столкновения. Между тем, вовсе увольте его я не хочу”». Див.: Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М.-Л., 1927. С. 16.
- <sup>130</sup> Російська історія містить низку конфліктів монархів зі своїми спадкоємцями, які закінчувалися трагічно: вбивство Іваном IV Грізним свого сина Івана (1581 р.), загибель царевича Олексія, що перебував в опозиції до свого батька Петра I (1718 р.). Варто також нагадати про неприязні стосунки, які тривалий час існували між Катериною II та її сином Павлом.
- <sup>131</sup> В оригіналі цей абзац перекреслено.
- <sup>132</sup> І. А. Шраг пізніше так прокоментував ті заходи, що їх прагнули вжити чернігівські земці для надання офіційного статусу українській мові: «Один тільки раз чернігівське земство виявило деякі ознаки національної української самосвідомості, в тих межах, звісно, в яких можна було їх виявити»: Шраг І. Лист VII (Про науку в школах народних українською мовою). *І. А. Шраг. Документи і матеріали*. Чернівці, 1997. С. 99.
- <sup>133</sup> Епідемія чуми у станції Ветляньська в Астраханській губернії у 1878–1879 рр. Боротьбою з цією пошестю керував М. Т. Лоріс-Меліков, призначений тимчасовим астраханським, саратовським та самарським генерал-губернатором.
- <sup>134</sup> Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 23: Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796), изд. с пояснительными примечаниями Я. Грота. СПб, 1878.
- <sup>135</sup> Емфітевтичний контракт – угода про довготермінове використання земельної ділянки з правом передачі її у спадщину.
- <sup>136</sup> Мати М. І. Чертковка походила з роду Строганових (див. також коментар 129).
- <sup>137</sup> «Афінство» – інтелектуальна вишуканість (від античних Афін як осердя грецької інтелектуальної культури).
- <sup>138</sup> «Слушний час» – доба, коли поміщицька земля перейде селянам.
- <sup>139</sup> Матерія на увазі ревізія Західного Сибіру, проведена генералом М. М. Анненковим у 1851 р.
- <sup>140</sup> У Покорщині. Мاستок перейшов у володіння Ґалаганів від Катерини Юхимівни Ґалаган, уродженої Дараган, небоги гетьмана Кирила Розумовського.
- <sup>141</sup> Можливо, йдеться про О. М. Лазаревського.

- <sup>142</sup> Йдеться про заворушення київського студентства у березні 1878 р. (докл. див.: Назаревський О. «Березневий рух» київських студентів 1878 р. *За сто літ*. Кн. 3. К., 1928. С. 102–122).
- <sup>143</sup> Сокиринське ошцадно-позичкове товариство імені Павла Галагана, засноване Г. П. Галаганом. Сокиринці – село Прилуцького повіту Полтавської губернії, родовий масток Галаганів.
- <sup>144</sup> Матся на увазі німецька соціал-демократія, що на той час уже стала потужною політичною силою.
- <sup>145</sup> «Березневого руху» київських студентів.
- <sup>146</sup> Йдеться про закон від 9 травня 1878 р. «Про підсудність і порядок переведення справ про державні злочини» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. № 58489), ухвалення якого ініціював міністр юстиції граф К. І. Пален (див.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия. С. 71–72).
- <sup>147</sup> «Увінчання споруди» (фр.). Слова з листа імператора Франції Наполеона III державному міністру Ежену Руєру від 19 січня 1867 р., в якому проголошувалася програма ліберальних реформ.
- <sup>148</sup> Йдеться про студентські заворушення у Петербурзькому університеті 8 лютого 1881 р., під час яких студент Папій Подбельський дав ляпаса міністру народної освіти А. О. Сабурову.
- <sup>149</sup> Київському інституті шляхетних дівчат.
- <sup>150</sup> Записка графа П. П. Шувалова «Про невідворотність запровадження представницьких установ». *Красный архив*. 1928. Т. 31. С. 121–131.
- <sup>151</sup> Себто залучення землевласників-поляків до місцевого самоврядування.
- <sup>152</sup> Йдеться про Литву і Білорусь.
- <sup>153</sup> Про боротьбу киян за право вшанувати пам'ять Тараса Шевченка 1881 р. проф. О. Ф. Кістяківський занотував згодом у своєму щоденнику: «У 1881 р. нам з великим зусиллям вдалося схилити владу київську на дозвіл урочистої панахиди за Шевченком. Цьому дозволу багато допоміг Половцов... Я особисто ручався йому, що порядок буде дотримано сповна...» (Кістяківський О. Ф. Щоденник. Т. 2. С. 395; запис від 28 лютого 1883 р.).
- <sup>154</sup> Далі закреслено: «База возражал Побе[доносцеву]».
- <sup>155</sup> Кронпринца Фрідріха Пруського.
- <sup>156</sup> Репресії, але не реакція, децентралізація, релігійна свобода, рівність прав для усіх національностей (фр.). Ці думки маркіз Вельопольський розгорнуто обґрунтував у доповідній записці Олександру III від 6 березня 1881 р. Див.: Конституція графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, 1904. С. 32–35.
- <sup>157</sup> Л. М. Гартман, народоволець, учасник підготовки замаху на Олександра II (підризу потягу на Московсько-Курській залізниці 1879 р.), став політичним емігрантом, видачі якого з Франції безуспішно домагався російський уряд. Мешкаючи у Франції, він співробітничав у газеті «L'Intransigeant», яку редагував французький журналіст А. Рошфор. Докл. див.: Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 233–234.
- <sup>158</sup> Місце голови Державної ради, яке у 1865–1881 рр. обіймав великий князь Костянтин Миколайович.
- <sup>159</sup> Йдеться про монографію «Годы учения его императорского высочества наследника цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего

государя императора», опубліковану двома томами 1880 р. і вміщену в 30-му та 31-му томах «Сборника Русского исторического общества».

- <sup>160</sup> «Я не вимагаю більше, ніж Ви собі уявляєте, проте не [терпітиму] вічно що кліку Воронцових та Шувалових, яку Ви не можете тримати у руках, і яку мені доведеться узяти у руки самому» (фр.).
- <sup>161</sup> «Це втеча у Варенн» (фр.). Натяк на спробу втечі французького короля Людовика XVI з охопленого революцією Парижа 1791 р.
- <sup>162</sup> «Ці призначення є окультними (для духовного відомства)» (фр.).
- <sup>163</sup> Йдеться про статтю французького публіциста Анатолія Леруа-Больє «Імператор Олександр II та місія нового царя»: Leroy-Beaulieu A. L'empereur Alexandre II et la mission du nouveau tsar. *Revue des deux mondes*. 1881. Т. 44. Р. 647–670.
- <sup>164</sup> Маються на увазі опубліковані 1880 р. у черговому томі «Сборника Русского исторического общества» документи про діяльність Г. О. Потьомкіна – укази, рескрипти, листи від Катерини II за 1774–1788 рр. з архіву Міністерства закордонних справ (Сборник Русского исторического общества. Т. 27. СПб., 1880).
- <sup>165</sup> Йдеться про «Мемуари» герцога Сен-Сімона, присвячені подіям 1694–1723 рр. О. О. Половцов має на увазі видання «Мемуарів» французькою мовою у 1879 р., редактором якого був історик Артур де Буаліль.
- <sup>166</sup> М. В. Муравйов, прокурор Петербурзької судової палати, виступав обвинувачем на судовому процесі над учасниками вбивства Олександра II.
- <sup>167</sup> «Це міністерство усього, починаючи від гармат і закінчуючи свинями» (фр.).
- <sup>168</sup> Василь Кочубей та Іван Іскра, політичні противники гетьмана І. Мазепи, страчені 1708 р., були поховані у Києво-Печерській лаврі.
- <sup>169</sup> «Відсутність новин уже є доброю новиною!» (фр.).
- <sup>170</sup> Троїцько-Іллінський монастир.
- <sup>171</sup> Кредо чернігівських лібералів висловлено у спогадах І. Петрункевича: «...Коли уряд сам спирається виключно на терор, земство не може ані схвалити його дій, ані, тим більш, йти за урядом в його боротьбі з терором». Див.: Петрункевич І. На Чернігівщині: уривки зі спогадів громадського діяча. Чернігів, 2009. С. 157–220.
- <sup>172</sup> Йдеться про Спасо-Преображенський або Спаський собор, будівництво якого було розпочато чернігівським князем Мстиславом Володимировичем близько 1035 р.
- <sup>173</sup> Про ревізування О. О. Половцовим Чернігівської губернії В. М. Хижняков згадує у своїх мемуарах: Хижняков В. М. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916. С. 103–106.
- <sup>174</sup> «Відомий вчений» (нім.).
- <sup>175</sup> Написано поверх закресленого «нелиберальное».
- <sup>176</sup> «И слово плоть бысть» («І Слово сталося тілом») – Євангелія від Івана, 1:14.
- <sup>177</sup> «Однорідний кабінет» (фр.).
- <sup>178</sup> Йдеться про єврейський погром у Києві 26–27 квітня 1881 р.
- <sup>179</sup> Помилка автора: замість «Соковский» має бути «Коссовский».
- <sup>180</sup> Насправді це було поховання графа Олексія Кириловича Розумовського, колишнього міністра народної освіти, що помер у Почепі 5 квітня 1822 р. (граф Олексій Григорович Розумовський, його дядько, фаворит імператриці Єлизавети, помер у Петербурзі й був похований у тамтешній Олександро-Невській лаврі). Коли Почеп перейшов у власність графа П. А. Клейнміхеля, Рєпніни та

Уварови, спадкоємиці О. К. Розумовського, перепоховали його 1838 р. у новгород-сіверському Спасо-Преображенському монастирі. Докл. див.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 111.

<sup>181</sup> Палацово-парковий комплекс Очкине розбудував О. С. Судієнко на землях, набутих у 1787 р., разом з іншими маєтностями, від О. А. Безбородька, чийм секретарем він був. Безбородьку Очкине пожалувала Катерина II. За переказами, комплекс був дуже швидко для зустрічі Катерини II під час її подорожі до Криму, можливо, за проектом архітектора М. О. Львова. Історик архітектури Г. К. Лукомський назвав маєток Очкине «перлиною одного намиста чернігівських садів». Див.: Лукомський Г. Очкине (маєток Є. О. Судієнка, Новгород-Сіверського повіту, Чернігівської губернії). *Г. Лукомський. Українська художня спадщина*. К., 2005. С. 233–240.

<sup>182</sup> Маєток біля села Панурівка (Пануровка), землі якого належали родині Миклашевських, був розбудований на межі XVIII–XIX ст. сенатором М. П. Миклашевським. Класицистичний палацово-парковий комплекс вражав сучасників і нащадків величчю. «Античним видом, майже фрагментом Еллади, уявляється нам ізнов уся садиба», – писав Г. Лукомський. Див.: Лукомський Г. Панурівка (маєток І. М. Миклашевського). *Г. Лукомський. Українська художня спадщина*. К., 2005. С. 226–232.

## ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

- Абаза, мировий посередник – 45
- Абаза Микола Савич, начальник Головного управління у справах друку – 141, 151
- Абаза Олександр Огейович, міністр фінансів (1880–1881 рр.) – 50, 105, 111, 120, 135, 137, 139–142, 146, 148, 167
- Абамелік-Лазарев Семен Давидович, князь, відставний генерал-майор – 79
- Абела Франц Осипович, управляючий мастком Раггі – 113–116
- Адлерберг Олександр Володимирович, міністр імператорського двору (1870–1881 рр.) – 85, 105, 148
- Акімов, провокатор – 114
- Александрович Митрофан Миколайович, остерський повітовий предводитель дворянства – 125
- Альбрант, поміщик Черкаського повіту – 128
- Альтенбурзький принц – 146
- Анна Федорівна, велика княгиня, дружина великого князя Костянтина Павловича – 166
- Андріяшев Олексій Фомич, директор I київської гімназії – 125
- Анненков Микола Миколайович, генерал-ад'ютант, генерал від інфантерії, київський генерал-губернатор (1863–1865 рр.) – 48, 72, 118, 119
- Антонович Володимир Боніфатійович, професор Університету св. Володимира, один з провідників українського національно-культурного руху – 34, 99, 101, 130
- Арсеній (Москвін), київський мітрополит (1860–1876 рр.) – 86, 95, 98, 108
- Арцимович Адам Антонович, поміщик Подільської губернії – 69–72, 77, 79, 89, 109, 115, 123–126
- Балабуха, київський підприємець-кондитер – 36
- Бальзак Оноре де, французький письменник – 42
- Баранов Едуард Трофимович, граф, генерал-ад'ютант, генерал від інфантерії – 50, 85
- Баранов Микола Михайлович, петербурзький градоначальник – 139, 141, 142, 145
- Барац Герман Маркович, учений євреї при канцелярії київського генерал-губернатора – 112
- Бариков Федір Лаврентійович, управляючий Земським відділом Міністерства внутрішніх справ – 139
- Батеньков Гаврило Степанович, декабрист – 115
- Бахметьєва Анна Петрівна – 138
- Бачманов Валерій Павлович, чернігівський віце-губернатор – 152, 164, 165, 166
- Безак Олександр Павлович, генерал-ад'ютант, генерал від артилерії, київський генерал-губернатор (1865–1868 рр.) – 41, 47, 71, 72

- Бейст Фрідріх Фердинанд фон, граф, міністр закордонних справ Австро-Угорщини – 49
- Берг Фелір Федорович, граф, генерал-фельдмаршал, намісник Царства Польського (1863–1874 рр.) – 48
- Биков, поміщик Подільської губернії – 89
- Бичков Афанасій Федорович, історик, академік, помічник директора Імператорської публічної бібліотеки, член Російського історичного товариства – 140
- Бібіков Дмитро Гаврилович, київський генерал-губернатор (1837–1852 рр.) – 47, 128
- Більбасов Костянтин Олексійович, член Петербурзької судової палати – 104
- Бісмарк Отто фон, рейхсканцлер Німеччини, міністр закордонних справ Пруссії – 38, 42, 122
- Боборикін, генерал – 155
- Бобринський Володимир Олексійович, гродненський губернатор (1863 р.), міністр шляхів сполучення (1869–1871 рр.), підприємець-цукрозаводчик, власник маєтку в м. Сміла – 36, 46–50, 56–58, 83, 119, 122–127
- Бобринський Олексій Олексійович, граф, поміщик Київської губернії – 72, 75, 119
- Бобринський Олексій Павлович, граф, генерал, міністр шляхів сполучення (1871–1874 рр.) – 50, 57,
- Бобровський Тадеуш, польський громадський діяч – 116, 121, 126–130
- Богданов Семен Якович, член Київського окружного суду – 72, 89, 99, 107
- Богославський Іван Аркадійович, член Київського губернського присутствія з селянських справ – 33, 44, 63, 116
- Божовський Костянтин Костянтинович, виконувач обов'язків інспектора студентів Університету св. Володимира – 110
- Борисов Василь Васильович, управляючий Київською контрольною палатою – 34, 36, 113–115, 117, 132, 150
- Боткін Сергій Петрович, лікар – 137
- Браницька Юлія, графиня, уроджена Потоцька, дружина В. О. Браницького – 75
- Браницький, граф – 35, 65
- Браницький Владислав Владиславович, граф, власник маєтку в м. Біла Церква – 47, 48, 58, 73, 74
- Браницький Владислав Олександрович, граф, землевласник, польський громадський діяч – 75, 120, 121, 127, 130
- Браницькі, графи – 43, 59, 74
- Бродський Ізраїль Маркович, підприємець-цукрозаводчик – 79, 96
- Бродський, син І. М. Бродського – 96
- Будберг Андрій Федорович, барон, дипломат – 113
- Бунін Яків Іванович, майор, бердичівський повітовий справник – 33

- Бурмейстер Микола Федорович, управляючий акцизними зборами у Київському губернському акцизному управлінні – 89, 108
- Валлійська принцеса, Олександра, дружина британського принца Альберта-Едуарда, старша сестра імператриці Марії Федорівни – 145
- Валлійський принц, Альберт-Едуард, спадкоємець британського престолу – 137, 140
- Валуєв Петро Олександрович, міністр внутрішніх справ (1861–1868 рр.), міністр державних маєтностей (1872–1879 рр.), голова Комітету міністрів (1879–1881 рр.) – 71, 99, 118–120, 138, 142
- Ванновський Петро Семенович, генерал-ад'ютант, генерал-лейтенант, командир 12-го армійського корпусу – 32, 83, 121, 132, 152
- Варзер Василь Єгорович, чернігівський мировий суддя, землець, вчений-статистик – 157, 158, 160, 161
- Варшавський Абрам Мойсейович, підприємець – 58
- Василевський Олексій Петрович, волинський віце-губернатор – 124
- Васмунд Георгій Робертович, полковник гвардії – 148
- Веліо Іван Осипович, барон, директор Департаменту державної поліції Міністерства внутрішніх справ – 59, 129, 139
- Вельопольський Сипізмунд Олександрович, маркіз, польський аристократ і громадський діяч – 137
- Верещатін Василь Андрійович, пасинок М. І. Черткова – 90
- Вишневецький Єгор Олексійович, голова Остерського з'їзду мирових суддів – 125
- Вітгенштейн – 131
- Владимиров, управляючий маєтком Костобобр – 170
- Владимиров Олександр – 37
- Вогіое Ежен Мельхіор, граф, секретар французького посольства у Петербурзі – 138
- Володимир Олександрович, великий князь – 101, 135–137, 140, 142, 145–149, 151, 152
- Воронін Олександр Феодосійович, чиновник Міністерства внутрішніх справ, відраджений у розпорядження київського генерал-губернатора для занять селянськими справами – 44, 61, 64, 68, 78, 83, 101, 102, 105, 109–112, 114–116, 130, 134
- Воронцов Семен Михайлович, князь, генерал, власник маєтків Мошни та Городище – 45, 61
- Воронцова Марія Василівна, княгиня, дружина С. М. Воронцова – 61
- Воронцов-Дашков Іларіон Іванович, граф, генерал-лейтенант, близький приятель Олександра III – 86, 127, 136–140, 145, 148, 152
- Воронцова-Дашкова Єлизавета Андріївна, уроджена графиня Шувалова, дружина І. І. Воронцова-Дашкова – 141, 145

Воскобойников Андрій Миколайович, помічник обер-секретаря I Департаменту Сенату, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 27, 44, 79, 84, 88, 105, 111, 115, 132

Воскресенський, Олександр Михайлович, професор Київської духовної академії по кафедрі історії російського розколу – 94, 95

Вошчинін Микола Михайлович, секретар Чернігівської духовної консисторії – 153

Всеволожські – 137, 140

В'яземський Павло Петрович, князь, начальник Головного управління у справах друку – 151

Вяткіна Єлизавета Олексіївна, теща О. Р. Дрентельна – 150, 152

Гагарін Григорій Григорович, князь, віце-президент Академії мистецтв – 137

Гамбетта Леон Мішель, французький політичний діяч – 122

Гамбургер Андрій Федорович, дипломат, російський посол у Швейцарії, член Російського історичного товариства – 139, 140

Гартман Лев Миколайович, народоволець, політичний емігрант – 138

Гваренгі (Кваренгі) Джакомо, архітектор – 170

Гебель Емілій Германович, управляючий Чернігівським питійно-акцизним управлінням – 164

Генріх IV, король Франції (1589–1610 рр.) – 146

Гессе Катерина Михайлівна, уроджена Судієнко, дружина київського губернатора М. П. Гессе – 68, 120

Гессе Микола Павлович, київський губернатор (1871–1881 рр.) – 28, 41, 42, 48, 59, 69, 68, 72, 77, 78, 84, 88, 91, 96, 98, 107–109, 111, 122, 126, 129, 130, 133, 162

Гірс Микола Карлович, товариш міністра закордонних справ – 38, 139

Голцін Сергій Павлович, князь, власник маєтку Костобобр на Чернігівщині – 170

Головнін Олександр Васильович, міністр народної освіти (1861–1866 рр.) – 70

Голубцов Сергій Платонович, доктор медицини, попечитель Київського навчального округу (з 1880 р.), до того – попечитель Одеського навчального округу – 30, 32, 34, 39, 41, 110, 111, 159

Гольденберг Григорій Давидович, народоволець – 159

Горчаков Михайло Дмитрович, князь, генерал-ад'ютант, генерал від артилерії, головнокомандувач російських військ під час Кримської війни – 46

Горчаков Олександр Михайлович, князь, канцлер, міністр закордонних справ Росії (1856–1882 рр.) – 38, 48, 49

Граве Володимир Володимирович, член Одеської судової палати – 79

Гревеніц Олександр Федорович, сенатор – 140

Греві Жюль, президент Франції (1879–1887 рр.) – 38

Грімм Фрідріх Мельхіор, барон, відомий своїм багатолітнім листуванням з російською імператрицею Катериною II – 96, 97, 103

- Грот Альфред Федорович, обер-гофмаршал – 141
- Грот Яків Карлович, академік, російський філолог та історик, член Російського історичного товариства – 96, 140
- Грохольський, поміщик Подільської губернії – 70, 123
- Грохольський Микола Мартинович, подільський губернатор (1823–1831 рр.) – 123
- Губчиц Олександр Іванович, мглинський повітовий предводитель дворянства – 171
- Гудим-Левкович Анатолій Вікторович, київський домовласник – 29, 37, 102, 103, 105, 106
- Гудим-Левкович Олексій Васильович, старший чиновник з особливих доручень при київському генерал-губернаторі – 42, 55, 56, 77, 78
- Гудим-Левкович Сергій Миколайович, подільський губернатор (1877–1879 рр.), одеський градоначальник (1880–1881 рр.) – 71–73, 88
- Гудович, судовий слідчий – 60
- Гудовичі, аристократична родина – 156
- Гуляницький Адам Фадейович, секретар Чернігівського губернського присутствія з селянських справ – 159, 163
- Гюббенет Борис Якович фон, київський поліцмейстер – 91, 94, 100, 124, 130
- Галаган Григорій Павлович, прилуцький повітовий предводитель дворянства, землевласник, український громадський діяч – 72, 86, 87, 90–93, 97, 100, 102, 114, 117–120, 122, 123, 125, 126, 128, 131, 150
- Галаган Катерина Василівна, дружина Г. П. Галагана – 87
- Даненко, голова уманського з'їзду мирових посередників – 63
- Данилов Іван Григорович, обер-секретар I Департаменту Сенату, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 59, 71, 90, 107
- Дараган Юхим Федорович, київський полковник (1751–1762 рр.) – 97
- Демидов, князь Сан-Донато, Павло Павлович – 68, 113
- Деревицький, чиновник при Міністерстві юстиції, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 71, 78, 132, 134, 150
- Державін Гаврило Романович, російський поет – 32
- Де Росси Євген Федорович, товариш обер-прокурора Кримінального касацийного департаменту Сенату, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 44, 51, 68, 79, 103, 105, 110, 113, 114, 122, 130, 132, 150, 165, 167
- Диновський – 35
- Добровольський – 122
- Долгоруков Василь Андрійович, князь, генерал-ад'ютант, генерал від кавалерії, головноуправляючий III Відділенням Власної й. і. в. канцелярії та шеф жандармів (1856–1866 рр.) – 48
- Долгоруков Сергій Михайлович, князь, брат кн. Юр'євської – 67
- Долгоруков Михайло Михайлович, князь, брат кн. Юр'євської – 67
- Долгоруков Олександр Сергійович, князь – 146

- Долгорукова Катерина Михайлівна, княжна – див. Юр'євська.
- Домашнев Андрій Іванович, мировий посередник – 52, 54
- Дондуков-Корсаков Олександр Михайлович, князь, київський генерал-губернатор (1869–1878 рр.), тимчасовий генерал-губернатор у Харкові (1880–1881 рр.) та Одесі (1881–1882 рр.) – 63, 85, 87, 88, 114, 122
- Доппельмайер, управляючий Дніпровським пароплавством та управляючий відділенням Товариства взаємного поземельного кредиту – 68
- Драгоманов Михайло Петрович, український громадський діяч, публіцист, політичний емігрант – 34, 99, 102, 112
- Дрентельн Марія Олександрівна, уроджена Вяткіна, дружина О. Р. Дрентельна – 150, 152
- Дрентельн Олександр Романович, генерал від інфантерії, генерал-ад'ютант, головноуправляючий III Відділенням Власної й. і. в. канцелярії та шеф жандармів (1878–1880 рр.), тимчасовий одеський генерал-губернатор (1880–1881 рр.), київський генерал-губернатор (1881–1888 рр.) – 105, 109, 113, 122, 129, 132–134, 147, 150–152
- Дунін-Борковський – 117
- Дурнови – 145
- Дурново Петро Миколайович, товариш прокурора Київської судової палати – 31, 43, 69, 88, 90, 127
- Ейсман Густав Іванович, правник, викладач Університету св. Володимира, київський міський голова (1879–1884 рр.) – 43, 67, 68, 77, 78, 96, 98, 112
- Ергарт Федір Федорович, професор медичного факультету Університету св. Володимира – 30, 31
- Ерделі Олександр Семенович, херсонський губернатор – 150
- Єврєнов Григорій Олександрович, обер-прокурор I Департаменту Сенату – 139
- Єрмолов Олексій Сергійович, чиновник Департаменту неокладних зборів Міністерства фінансів – 121
- Єсимонтовський Іван Григорович, голова Чернігівської межової палати – 72, 153, 158, 162, 165, 168
- Єсіпов Микола Григорович, чиновник Міністерства внутрішніх справ, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 71, 87, 99, 105, 112–114, 127, 134
- Жевахов Володимир Дмитрович, чиновник з особливих доручень при київському генерал-губернаторі, згодом правитель канцелярії попечителя Київського навчального округу – 67
- Жемчужников – 138
- Жирков – 43
- Завадовська, графиня – 167
- Завадовський Петро Васильович, граф, власник маєтку Ляличі – 93
- Загоскін Микола Миколайович, прокурор Київської судової палати – 28, 34, 40, 73, 78, 80, 84, 87, 104, 105, 111, 114, 122, 124, 127, 128, 131, 150, 165, 167

- Зехтен Микола Андрійович, член Київського губернського присутствія з селянських справ – 34, 36, 41
- Зографо Михайло Костянтинівич, приятель І. І. Воронцова-Дашкова – 136, 139, 145
- Золотницький, поміщик – 108, 109
- Зряхов Михайло Павлович, прокурор Житомирського окружного суду – 111, 123, 124
- Іван IV Грізний, московський великий князь і цар (1533–1584 рр.) – 32
- Іваницький Лев Лукич, київський губернський землемір – 75
- Ігнат'єв Микола Павлович, граф, дипломат, міністр державних маєтностей (березень – травень 1881 р.), міністр внутрішніх справ (1881–1882 рр.) – 29, 33, 138, 140, 142, 143, 146, 167
- Ігнат'єв Павло Миколайович, генерал від інфантерії, генерал-ад'ютант, голова Комітету міністрів – 143
- Іоанн (Жданов), єпископ чигиринський, 1-й вікарій Київської єпархії – 77, 80, 86, 133, 150
- Іскра Іван Іванович, полтавський полковник, похований у Кисво-Печерській лаврі – 150
- Кавторадзе Платон Андрійович, прокурор Уманського окружного суду – 128
- Каменецький Леонтій Павлович, уманський повітовий предводитель дворянства і голова Умансько-Звенигородського з'їзду мирових посередників – 54, 55, 79, 88, 98–100, 103, 104, 124, 127–129
- Каменський, мешканець Бердичева, торговець сільськогосподарськими машинами – 81
- Капгер Іван Адольфович, управляючий Чернігівською казенною палатою – 162
- Капніст, мировий посередник – 44
- Капніст Павло Олексійович, граф, прокурор Московської судової палати – 78
- Капніст Петро Олексійович, граф, дипломат, радник російського посольства у Парижі – 38, 61
- Карпінський Олександр Павлович, чернігівський землець – 153, 159
- Катаказі Косянтин Гаврилович, дипломат – 39
- Катенін Олександр Андрійович, генерал-ад'ютант, оренбурзький генерал-губернатор (1857–1860 рр.) – 71
- Катерина II, російська імператриця (1762–1796 рр.) – 96, 97, 103, 141, 145, 169, 170
- Катков Михайло Никифорович, редактор газети «Московские ведомости», громадський діяч – 167
- Кауфман Петро Михайлович, чиновник при канцелярії Комітету міністрів, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 71, 80, 104, 105, 112, 113, 117, 125

Каханов Михайло Семенович, товариш міністра внутрішніх справ – 36, 40, 44, 68, 78, 87, 89, 93, 103, 105, 111, 113, 114, 116, 117, 122, 126, 133–138, 142–144, 165, 167

Кацнельсон, єврейський громадський діяч – 126, 130

Квятковській Олександр Олександрович, народоволець, засуджений до смертної кари на «процесі пістнадцяти» восени 1880 р. – 86

Кильчевський Дмитро Андрійович, молодший чиновник з особливих доручень при київському генерал-губернаторі – 113

Кисельов Павло Дмитрович, граф, міністр державних маєтностей (1837–1856 рр.) – 156

Кістяківський Олександр Федорович, професор кримінального права Університету св. Володимира, українофіл – 44, 111, 122, 126, 130

Клушин Павло Миколайович, сенатор – 73

Ковалевський Михайло Євграфович, сенатор – 30, 115, 125, 139, 143

Ковальська, київська гімназистка – 126

Козлов Олександр Олександрович, генерал-майор, московський обер-поліцмейстер – 144

Кондратьєв Іван Дмитрович, відставний поручник, мировий посередник у Гайсинському повіті Подільської губернії – 70

Константинович Микола Олександрович, гласний Чернігівської міської думи, голова Чернігівського міського громадського банку – 158, 160, 161, 164

Костянтин Миколайович, великий князь – 38, 101, 109, 119, 120, 135, 140, 144, 152

Костянтин Павлович, великий князь – 166

Котлаубицький Микола Осипович, генерал-ад'ютант Павла I – 166

Котляревський Іван Михайлович, судовий слідчий 2-го відділку Радомишльського повіту – 124, 128

Коцебу Павло Євстафійович, граф, генерал-ад'ютант, генерал від інфантерії, Новоросійський та Бессарабський генерал-губернатор (1862–1870 рр.) – 48

Кочубей Василь Аркадійович, вихованець Училища правознавства, поміщик – 61, 79, 86, 96, 111, 114, 117, 120, 126, 127, 129, 132, 150

Кочубей Василь Леонтійович, генеральний суддя Гетьманщини, похований у Києво-Печерській лаврі – 150

Кочубей Марія Іванівна, вдова В. В. Кочубея – 117

Кочубей Марія Олексіївна, уроджена графиня Капніст, друга дружина В. А. Кочубея – 114, 117

Кочубей Наталія Петрівна, уроджена кн. Салтикова, перша дружина В. А. Кочубея – 129

Кочубей Петро Аркадійович, поміщик Полтавської губернії – 36, 56

Кочуков Микола Михайлович, товариш прокурора Київської судової палати – 59, 65, 78, 114, 125, 128, 134, 167

Краббе Микола Карлович, адмірал, морський міністр (1860–1874 рр.) – 49

Кракау Олександр Іванович, архітектор – 137, 140

- Крижановський Микола Андрійович, генерал-ад'ютант, оренбурзький генерал-губернатор (1864–1881 рр.) – 125, 139, 143
- Крупенський Микола Матвійович, подільський губернський предводитель дворянства – 65, 68, 75, 78, 83, 88, 99
- Крупенські – 72, 79, 117, 127, 150
- Кудашев Микола Сергійович, князь, волинський губернський предводитель дворянства 112, 118
- Куровський Олександр Федорович, помічник уманського справника – 96
- Кучасв, мировий посередник – 63
- Лавриненко Микола Васильович, незмінний член Мглинського повітового присутствія у селянських справах – 171
- Лазаревський Олександр Матвійович, товариш голови Київського окружного суду – 75, 91, 105, 119, 125
- Лазаренко Олександр Федорович, радник Чернігівського губернського правління – 155
- Лайкевич Костянтин Іванович, незмінний член Стародубського повітового присутствія у селянських справах – 170
- Лебединцев Петро Гаврилович, кафедральний протоієрей, член Київської духовної консисторії – 64, 90, 107, 108, 130, 133
- Левандовський, поміщик – 66, 106, 107
- Левашов Василь Васильович, граф, київський генерал-губернатор (1832–1835 рр.) – 64
- Леруа-Больє (Leroü-Beaulieu) П'єр Поль, французький економіст – 69
- Леруа-Больє (Leroü-Beaulieu) Анатоль, французький історик, публіцист – 145
- Лизогуб Дмитро Андрійович, революціонер-народник, нащадок українського поміщицького роду з Чернігівщини, страчений у 1879 р. в Одесі – 161
- Лизогуб Ілля Андрійович, член Чернігівського окружного суду, брат народного Д. А. Лизогуба – 161
- Липковський, поміщик, польський громадський діяч – 121
- Лисенко Микола Віталійович, член київської української громади, музикант – 130
- Листовський Іван Степанович, суразький повітовий предводитель дворянства – 92, 95, 103, 171
- Лисяний, волосний старшина – 128, 129
- Ліббе, бердичівський домовласник – 80
- Лівен Андрій Олександрович, князь, міністр державних маєтностей (1879–1881 рр.) – 86, 142
- Лівен Микита Олександрович, князь, товариш прокурора Київської судової палати 40, 41, 65, 84, 85, 88, 93, 98, 105, 114
- Лігніц Август фон, княгиня, друга, морганатична дружина прусського короля Фрідріха Вільгельма III – 62
- Лік, юнак, відправлений на заслання – 42

- Ліндфорс Олександр Федорович, адвокат, чернігівський землець – 101, 102, 127, 153, 159
- Лобанов, князь, київський домовласник – 98
- Лобанов-Ростовський Олексій Борисович, князь, дипломат, російський посол у Великій Британії – 137, 138, 141
- Лопухін Павло Петрович, князь, власник маєтку в м. Корсунь – 56.
- Лопухін-Демидов Микола Петрович, князь, власник маєтку в м. Корсунь – 46, 56, 61, 87, 104
- Лопухіна-Демидова Ольга Валеріанівна, княгиня, уроджена Столипіна, дружина М. П. Лопухіна-Демидова – 56
- Лоріс-Меліков Михайло Таріелович, генерал-ад'ютант, генерал від кавалерії, граф, російський воєначальник і державний вірменського походження, харківський тимчасовий генерал-губернатор (1879–1880 рр.), головний начальник Верховної розпорядчої комісії (лютий-серпень 1880 р.), міністр внутрішніх справ (серпень 1880 – квітень 1881 рр.); фактичний керівник внутрішньої політики російського уряду наприкінці царювання Олександра II – 30, 36, 39, 40, 59, 62, 65, 66, 72, 78, 80, 85–87, 89, 94, 97, 100–105, 109, 115, 120, 123, 127, 131, 133–139, 141–144, 148, 151, 167
- Любимов, мировий посередник – 72
- Любошинський Марк Миколайович, сенатор – 92
- Людевіг Костянтин Карлович, інженер, начальник X округу шляхів сполучення – 117
- Макаров Петро Іванович, старший ревізор Київської контрольної палати – 117, 120, 132
- Маков Лев Савич, міністр внутрішніх справ (1878–1880 рр.), міністр пошти та телеграфів (1880–1881 рр.) – 84, 87, 93, 138
- Малінін, злочинець – 108
- Мандрика Петро Миколайович, козелецький повітовий предводитель дворянства – 132
- Марія Олександрівна, імператриця, перша дружина Олександра II, що померла 1880 р. – 28, 61, 129
- Марія Павлівна, велика княгиня, дружина великого князя Володимира Олександровича – 141
- Марія Федорівна, цесарівна, дружина цесаревича Олександра Олександровича; після його вступу на престол – імператриця – 28, 61, 62, 66, 85, 131, 141, 144, 145
- Маркевич Андрій Миколайович, сенатор – 109–111
- Маркевич Микола Петрович, чернігівський лісовий ревізор – 165
- Маркевич Михайло Андрійович, колишній новгород-сіверський предводитель дворянства – 169
- Марков Павло Олексійович, товариш міністра народної освіти – 77, 111, 116, 125, 139

Мастицький Леонтій Порфирійович, помічник київського поліцмейстера – 94

Мацнев Сергій Григорович, липовецький повітовий предводитель дворянства – 117, 127

Мезенцов Микола Володимирович, головноуправляючий III Відділенням Власної й. і. в. канцелярії та шеф жандармів (1876–1878 рр.) – 129

Мекленбург-Шверінський принц – 136

Мельгаф Християн Данилович, нотаріус – 106

Мельников Павло Петрович, міністр шляхів сполучення (1865–1869 рр.) – 57

Менсдорф-Пулі Александр фон, генерал-губернатор Галичини – 48

Мерінг Федір Федорович, лікар, професор медичного факультету Університету св. Володимира, землевласник – 40, 96, 98, 106, 133

Мерклін Август Євгенович фон, полковник, начальник Чернігівського губернського жандармського управління – 154, 158, 162, 165, 167

Месмахер Максиміліан Єгорович, архітектор – 137, 140

Мечников Іван Ілліч, старший голова Київської судової палати – 28, 29, 35, 40, 78, 89, 99, 104, 107, 110, 111, 114, 122

Мещерська Марія Михайлівна, княгиня, молодша сестра К. М. Юр'євської – 141

Миклашевська Варвара Василівна, мати М. О. Миклашевського – 170

Миклашевський Михайло Осипович, власник маєтку Понурівка – 170

Микола I, російський імператор (1825–1855 рр.) – 32, 113, 129, 136

Микола Костянтинович, великий князь – 145

Микола Миколайович, великий князь – 144

Микола Олександрович, спадкоємець престолу (майбутній імператор Микола II) – 168

Милорадович Леонід Олександрович, подільський губернатор – 70, 73, 123, 133

Михайло Миколайович, великий князь – 140, 142

Михаїл (Лузін), єпископ уманський, 2-й вікарій Київської єпархії – 29, 33, 37, 91–93

Мілютін Дмитро Олексійович, генерал-ад'ютант, генерал від інфантерії, військовий міністр (1861–1881 рр.) – 37, 38, 49, 50, 52, 77, 109, 135, 140–142

Міщенко Федір Герасимович, доцент по кафедрі грецької словесності Університету св. Володимира, член київської української громади – 130

Модзелевський Леон, поміщик, польський громадський діяч – 74, 127

Молчанов Олександр Миколайович, журналіст, кореспондент газети «Новое время» – 101–103, 105, 106

Муравйов Микола Валеріанович, прокурор Петербурзької судової палати, обвинувач на судовому процесі над учасниками вбивства Олександра II – 146

- Муравйов Михайло Миколайович, віленський генерал-губернатор (1863–1865 рр.), що керував придушенням Січневого польського повстання у Литві та Білорусі – 123
- Набоков Дмитро Миколайович, міністр юстиції (1878–1885 рр.) – 64, 80, 87, 92, 104, 116, 122, 125, 133, 135–140, 167
- Навроцький Леонтій Іванович, член Київської судової палати – 122
- Надо Гюстав, французький композитор – 60
- Наришкін Еммануїл Дмитрович – 136
- Незабитовський Василь Андрійович, правник, професор Університету св. Володимира – 43
- Нелідова Олена Миколаївна, коханка О. О. Абази – 142
- Неплюєв Микола Іванович, чернігівський губернський предводитель дворянства – 73, 112, 153, 157, 158, 162, 165, 171
- Неплюєв Іван Іванович, батько М. І. Неплюєва – 153
- Неплюєва Марія Іванівна – див. Уманець
- Неплюєва Олександра Миколаївна, уроджена баронеса Шліпшенбах, дружина М. І. Неплюєва – 153, 158
- Неплюєва Ольга Миколаївна, дочка М. І. Неплюєва – 153
- Нессельроде Дмитро Карлович – 146
- Ніколаї Олександр Павлович, міністр народної освіти (1881–1882 рр.) – 139, 159
- Новицький Василь Дементійович, полковник, начальник Київського губернського жандармського управління – 39, 84, 91, 93, 94, 100, 103, 106–108, 110–112, 114, 115, 125, 129, 150, 151
- Носач-Носков Віктор Олександрович, член Подільського губернського присутствія з селянських справ (у тексті помилково – Олександр Вікторович) – 107, 109
- Носов Леонтій Акимович, обер-секретар 1-го відділення III Департаменту Сенату, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 59, 71, 83, 87, 101, 105, 132, 134, 150
- Оболєнська Олександра Олександрівна, княгиня, уроджена графиня Апраксина – 145
- Оболєнський Дмитро Олександрович, князь – 110
- Оболєнський Олександр Дмитрович, князь, наречений Анни Половцової – 126, 138
- Обручев Володимир Афанасійович, генерал-лейтенант, оренбурзький генерал-губернатор (1842–1851 рр.) – 71
- Олександр II, російський імператор (1855–1881 рр.) – 27, 28, 32, 38, 45 47–50, 57, 58, 61, 62, 66, 67, 71, 76, 79, 84, 85, 87, 92, 93, 97, 98, 100, 104, 109, 110, 113, 118–121, 127, 129, 131–136, 138, 140, 141, 143, 145, 149, 152, 155
- Олександр III (Олександр Олександрович, цесаревич), російський імператор (1881–1894 рр.), спадкоємець Олександра II – 28, 32, 61, 62, 66, 85, 101, 109, 120, 133, 135, 136, 138–142, 144, 145, 147–149, 152

- Олександр Невський, князь, святий Російської православної церкви – 150
- Олександр Павлович, цесаревич, майбутній імператор Олександр I – 166
- Олександра Федорівна, імператриця, дружина Миколи I, мати Олександра II – 62
- Олексій Олександрович, великий князь – 136
- Олена Павлівна, велика княгиня, вдова великого князя Михайла Павловича – 119
- Ольга Миколаївна, молодша сестра Олександра II, вюртемберзька королева – 85
- Ольденбурзький Петро Георгійович, принц, попечитель Училища правознавства – 76, 77, 166, 167
- Ольденбурзький Олександр Петрович, принц – 166
- Остен-Сакен Фабіан Вільгельмович, князь, генерал-фельдмаршал – 64
- Островський Михайло Миколайович, міністр державних маєтностей (1881–1893 рр.) – 167
- Островський Павло Геннадійович, прокурор Київського окружного суду – 37, 59, 78, 128
- Орлов Микола Олексійович, князь, дипломат, приятель великого князя Костянтина Миколайовича – 38, 140, 141
- Орлов-Денисов Петро Михайлович, граф, племінник М. І. Черткова, смертельно поранений при штурмі фортеці Геок-Тепе у Туркестані – 113
- Павло I, російський імператор (1796–1801 рр.) – 56, 166
- Павло Олександрович, великий князь – 62
- Павлов Олександр Спиридонович, генерал-майор, колишній начальник Київського жандармського управління – 129
- Пален Костянтин Іванович, граф, міністр юстиції (1867–1878 рр.) – 49, 74, 95, 122
- Паскевич Федір Іванович, князь, генерал-ад'ютант – 141
- Пемке – 109
- Пересипкін – 73
- Перовський Борис Олексійович, граф, член Російського історичного товариства – 140
- Пестов Олександр Іванович, член Мінського губернського присутствія з селянських справ, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова 117, 134, 156, 171
- Петерс Карл-Олександр Карлович, сенатор – 92
- Петро I, московський цар (з 1682 р.) і російський імператор (1721–1725 рр.) – 40, 146
- Петро II, російський імператор (1727–1730 рр.) – 167
- Петров Микола Олександрович, обер-секретар Цивільного касаційного департаменту Сенату, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 71, 101, 105, 126, 134

- Петрункевич Іван Ілліч, чернігівський землець – 101, 112, 153, 159
- Пихно Дмитро Іванович, доцент по кафедрі політичної економії та статистики Університету св. Володимира, редактор газети «Киевлянин» – 41, 117
- Плеве В'ячеслав Костянтинівич, прокурор Петербурзької судової палати – 136
- Победоносцев Костянтин Петрович, обер-прокурор Святішого Синоду (1880–1905 рр.) – 27–29, 31–33, 36, 37, 62, 92, 111, 125, 135–139, 141, 142, 144, 145, 147, 151, 167
- Подгоричани-Петрович Юрій Миколайович, граф, волинський губернатор (1878–1881 рр.) – 73, 133
- Половцов Валеріан Олександрович, брат О. О. Половцова, голова Головного товариства російських залізниць, сенатор – 87, 89, 92, 93, 125, 134, 167
- Половцов Олександр Олександрович (Саша), син О. О. Половцова – 90, 91, 93, 96, 97, 101
- Половцов Петро Андрійович, дядько О. О. Половцова – 120, 132
- Половцова Анна Олександрівна, дочка О. О. Половцова – 115, 147
- Половцова Надія Михайлівна, дружина О. О. Половцова – 36, 61, 167
- Полторацька Лідія Костянтинівна, дружина ген. В. О. Полторацького – 153
- Полторацький Володимир Олександрович, генерал-лейтенант, начальник 5-ої піхотної дивізії – 153, 155, 162, 164–168
- Попов Олександр Миколайович, товариш прокурора Московської судової палати, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 68, 71, 78, 81, 82, 101, 105, 112, 120
- Посудівський Михайло Іванович, чернігівський повітовий предводитель дворянства – 158
- Потоцький, граф, власник м. Умань – 51
- Потоцька Юлія, дочка Альфреда Ю. Потоцького – див Браницька
- Потоцький Альфред Юзеф, граф, намісник Галичини – 75, 121
- Потьомкін Григорій Олександрович, російський державний діяч доби царювання Катерини II – 145
- Пресняков Андрій Корнійович, народоволець, засуджений до смертної кари на «процесі шістнадцяти» восени 1880 р. – 86
- Прушинський Зигмунт, волинський поміщик, польський громадський діяч – 121, 127, 128
- Пушкін Олександр Сергійович, російський письменник – 32
- Расвський Гаврило Михайлович, управляючий канцелярією київського генерал-губернатора – 27, 30, 34, 37, 42, 61, 62, 69, 84, 88, 98, 109, 113, 114, 116, 122
- Разумовські, аристократична родина – 156
- Разумовський Олексій Григорович, граф – 169
- Раковський, управляючий маєтностями графа Браницького – 73–75, 127, 129, 130
- Ратьков-Рожднов Володимир Олександрович, сенатський обер-секретар – 95

- Рейнбот Євген Антонович, голова Кобеляцького сільськогосподарського товариства – 78
- Рейтерн Михайло Христофорович, міністр фінансів (1862–1878 рр.) – 49, 50, 57, 65
- Ренненкампф Микола Карлович, правник, професор Університету св. Володимира, київський міський голова (1875–1879 рр.) – 132
- Ренненкампф Микола Петрович, голова Чернігівського окружного суду – 164
- Рєпнін-Волконський Микола Григорович, князь, малоросійський генерал-губернатор (1816–1834 рр.) – 92, 93
- Рєпнін Микола Васильович, князь, київський губернський предводитель дворянства – 28, 29, 61, 111, 115, 117, 123, 126, 127
- Рєпніна Софія Дмитрівна, княгиня, уроджена Волконська, дружина М. В. Рєпніна – 28
- Ржевуська, графиня, поміщиця – 63
- Рилєєв Олександр Михайлович, генерал-ад'ютант, комендант Імператорської головної квартири – 85
- Рігельман Микола Аркадійович, український громадський діяч – 31, 112, 116, 117, 120, 131, 150
- Рогович Іван Дмитрович, голова Стародубської земської управи – 170
- Розен Герман Оттонович, барон, директор Департаменту неокладних зборів Міністерства фінансів – 120–122
- Ротенберг Ізраїль Давидович, бердичівський лікар – 81
- Рошфор Анрі, французький журналіст – 138
- Рудченко Іван Якович, начальник відділення у канцелярії київського генерал-губернатора – 124
- Румянцев Петро Олександрович, граф, генерал-губернатор Малоросії – 169
- Русов Олександр Олександрович, український громадський діяч, вчений-статистик – 127, 128, 130
- Сабуров Андрій Олександрович, міністр народної освіти (1880–1881 рр.) – 32, 39, 77, 108, 110, 115, 125, 134, 135, 139, 141, 159
- Сабуров Яків Васильович, голова Київського окружного суду – 28, 35, 109
- Сакулін Сергій Матвійович, бердичівський повітовий предводитель дворянства – 81, 82
- Самарін Юрій Федорович, слов'янофіл, правитель канцелярії київського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова – 118
- Самоквасов Дмитро Якович, археолог, дослідник чернігівських старожитностей – 157
- Святополк Ізяславович, князь київський (1093–1113 рр.), похований у Михайлівському Золотоверхому соборі Києва – 80
- Святополк-Мирський Дмитро Іванович, князь, харківський тимчасовий генерал-губернатор – 122, 157, 166, 167
- Селецький Микола Михайлович, каневський повітовий предводитель дворянства – 44, 127

- Сен-Сімон Луї де Рувруа, герцог, французький літератор-мемуарист – 146
- Серапіон (Масвський), єпископ чернігівський та ніжинський (1876–1882 рр.) – 153–155, 157, 158, 162, 167
- Сергій Олександрович, великий князь – 62
- Скаржинський Матвій Анастасійович, член Київської судової палати – 105, 125
- Скарятін Микола Якович, казанський губернатор – 139
- Скобелев Михайло Дмитрович, генерал від інфантерії, генерал-ад'ютант, російський воєначальник – 103
- Скоропадський Петро Іванович, стародубський повітовий предводитель дворянства – 170
- Смирнов Олексій Миколайович, тульський губернський землемір, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 65, 71, 90, 99, 105, 115, 116, 155
- Соковський, новгород-сіверський міський голова – 169
- Соколов, землемір – 113, 115
- Солонина, мировий суддя в Осерському повіті – 125
- Солонина Петро Миколайович, гласний Чернігівської міської думи та член міської управи – 161
- Сольський Дмитро Мартинович, державний контролер (1878–1889 рр.) – 34, 36, 135, 138
- Старицький Михайло Петрович, член київської української громади, письменник – 130
- Стороженко Володимир Андрійович – 62, 65, 67, 72, 78, 83, 95, 101, 106
- Строганов Сергій Григорович, граф, генерал від кавалерії – 29, 135
- Субботін Микола Іванович, професор Московської духовної академії, дослідник розколу – 37
- Суворов Олександр Васильович, російський полководець – 166
- Судейкін Георгій Порфирійович, капітан, помічник начальника Київського губернського жандармського управління – 115
- Судієнко Михайло Осипович, батько Олександра та Осипа Судієнків, історик – 169
- Судієнко Олександр Михайлович, новгород-сіверський повітовий предводитель дворянства – 168, 169
- Судієнко Осип Михайлович, владимірський губернатор – 168, 169
- Тарновський – 78, 89, 100
- Тарновський Андрій Петрович – 117
- Тарновський Яків Васильович – 107, 117
- Терещенко Никола Артемович, підприємець-цукрозаводчик – 65, 68
- Тищинський Олександр Амфіанович, чернігівський громадський діяч – 161
- Тімашев Олександр Єгорович, генерал-ад'ютант, генерал від кавалерії, міністр внутрішніх справ (1868–1878 рр.) – 49
- Тіссо Віктор, французький письменник – 55

- Толстой Дмитро Андрійович, граф, обер-прокурор Синоду (1865–1880 рр.) і міністр народної освіти (1866–1880 рр.) – 30, 32, 70, 92, 111, 132, 154
- Толстой Лев Миколайович, граф, російський письменник – 40
- Толстой Петро Михайлович, граф, чиновник з особливих доручень при київському генерал-губернаторі – 107
- Тотлебен Едуард Іванович, граф, інженер-генерал, тимчасовий одеський генерал-губернатор (1879–1880 рр.) – 79
- Трембецький Станіслав, польський поет – 52
- Трепов Федір Федорович (старший), командир жандармського дивізіону в Києві, згодом петербурзький градоначальник – 98
- Трїтшел Карл Генріхович, професор медичного факультету Університету св. Володимира по кафедрі спеціальної патології та терапії – 132
- Троїцький, чиновник канцелярії київського генерал-губернатора – 111
- Уваров Олексій Сергійович, граф, голова Московського археологічного товариства – 128, 138
- Уманець Марія Іванівна, уроджена Неплюєва, дочка М. І. Неплюєва – 153
- Урусов Володимир Михайлович, князь, чиновник Другого відділення Власної й. і. в. канцелярії, учасник ревізії О. О. Половцова – 100
- Ушинський Олександр Дмитрович, педагог, колишній директор Рубежівської виправної колонії для малолітніх злочинців – 95, 97, 98, 103–105, 120, 129, 132
- Феоктистов Євген Михайлович, редактор «Журнала Міністерства народного просвещения», член Російського історичного товариства – 140
- Феофілактів Костянтин Матвійович, ректор Університету св. Володимира – 30, 32, 39, 40, 43, 101, 124
- Філарет (Гумилевський), архієпископ чернігівський та ніжинський (1859–1866 рр.) – 166
- Філофей (Успенський), київський митрополит (1876–1882 рр.) – 27, 29, 77, 95
- Фогель Федір-Олександр Готлібович, канівський міський голова, мировий суддя – 45
- Фрідріх, прусський кронпринц – 136, 137
- Фрїш Едуард Васильович, товариш міністра юстиції – 136
- Хасцький, голова Новгород-Сіверської повітової земської управи – 169
- Ханенко Олександр Іванович, голова Чернігівського управління державних маєтностей – 156, 157, 164–167
- Хижняков Василь Михайлович, чернігівський міський голова – 158–160
- Хлопов Володимир Володимирович, помічник управляючого акцизними зборами у Київському губернському акцизному управлінні – 88, 108, 119
- Чагін Іван Петрович, корнет, дільничний мировий суддя Бердичівського округу – 111
- Чарномський Микола Миколайович, поміщик Липовецького повіту – 65, 89, 90, 121, 125, 129

- Чацький Фелікс, граф, управляючий маєтностями графа Браницького – 58, 59, 77, 126, 127
- Чевкін Костянтин Володимирович, голова Департаменту державної економії Державної ради – 57
- Червінський Петро Петрович, член Чернігівської губернської земської управи, вчений-статистик – 157, 160, 161, 168
- Черевін Петро Олександрович, генерал-лейтенант, товариш міністра внутрішніх справ – 66, 67, 85
- Черкаський Володимир Олександрович, князь, громадський діяч, керівник цивільного управління у Болгарії, окупованій російськими військами під час російсько-турецької війни 1877–1878 рр. – 132
- Чертков Михайло Іванович, генерал-ад'ютант, генерал-лейтенант, київський генерал-губернатор, командувач військами Київського військового округу (1878–1881 рр.) – *passim*
- Черткова Ольга Іванівна, дружина М. І. Черткова – 27, 35, 42, 61, 66, 73, 77, 83, 89, 90, 96, 106, 108, 110, 112, 126, 150
- Черткови – 59, 61, 65, 73, 106, 107, 132
- Чичерін Борис Миколайович, правник, громадський діяч – 139
- Шамшев Петро, майор, батальйонний командир Архангелогородського полку – 132
- Шамшин Іван Іванович, сенатор – 103, 121, 143
- Шевченко Тарас Григорович, український художник, літератор, громадський діяч – 118, 128–130
- Шереметев Володимир Олексійович, полковник – 146
- Шереметєва Олена Григорівна, уроджена графиня Строганова, дружина В. О. Шереметєва – 146
- Шереметєви – 145, 146
- Шидловський Олексій Володимирович, старший помічник діловода Відділення законів Державної канцелярії, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 29, 36, 44, 79, 80, 85, 87, 88, 90, 91, 94, 98, 105, 113–115, 125, 132, 140, 161
- Шиповалов, купець – 79
- Шмельов Федір Іванович, голова департаменту Київської судової палати – 122, 131
- Шопен Володимир Єфимович, волинський губернський прокурор – 64, 65, 80, 104
- Шостак Анатолій Львович, чернігівський губернатор (1878–1881 рр.) – 105, 106, 112, 120, 152, 153, 155, 156, 158, 162, 163, 165–168
- Шостак Наталія В'ячеславівна, уроджена Шидловська, дружина А. Л. Шостака – 153, 155
- Шраг Ілля Людвігович, адвокат, гласний Чернігівської міської думи, громадський діяч – 158, 160, 161

- Штейнгель Рудольф Васильович, барон, інженер, будівельник залізниць – 117
- Штігліц Олександр Людвигович, барон, тесть О. О. Половцова – 140
- Шувалов – 66
- Шувалов Павло Андрійович, граф, генерал-лейтенант, генерал-ад'ютант, командир Гвардійського корпусу – 145
- Шувалов Павло Петрович (Бобі), граф, полковник гвардії – 127, 136, 137, 149
- Шувалов Петро Андрійович, граф, генерал, головноуправляючий III Відділенням Власної й. і. в. канцелярії та шеф жандармів (1866–1874 рр.), дипломат, один з найвпливовіших державних діячів Росії доби царювання Олександра II – 49, 50, 121, 129
- Шувалова Єлизавета Володимирівна, графиня, уроджена княжна Барятинська, дружина Бобі Шувалова – 131
- Шувалови – 56, 61, 131, 132
- Шумахер Олександр Данилович, сенатор – 92
- Щербина, київський журналіст – 42
- Щиrowsький Євген Павлович, радник Мінського губернського правління, учасник сенаторської ревізії О. О. Половцова – 44, 51, 79, 87, 105, 107, 115–117, 120, 125, 156, 171
- Юзефович Володимир Михайлович, віце-директор Департаменту державної поліції Міністерства внутрішніх справ, син М. В. Юзефовича – 59
- Юзефович Михайло Володимирович, голова Тимчасової комісії для розбору давніх актів при київському генерал-губернаторі – 31, 32, 37, 40, 42, 59, 87, 88, 96, 98–100, 103, 108, 113, 126, 129, 151
- Юр'євська Катерина Михайлівна, княгиня, уроджена княжна Долгорукова, коханка російського царя Олександра II, який одружився з нею морганатичним шлюбом у 1880 р. (спочатку О. О. Половцов помилково називав її Юр'євою) – 28, 47, 58, 61, 62, 66, 67, 85, 92, 99, 101, 109, 110, 113, 125, 127, 131, 136, 137, 141
- Юр'євський Георгій Олександрович (Гого), позашлюбний син Олександра II і кн. К. М. Долгорукової – 62
- Якубович – 110, 114–116
- Ярошинський Юзеф, польський громадський діяч – 121, 131

## ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

- Австрія – 39, 102, 131  
 Америка – 57  
 Англія – 49, 169  
 Архангельська губернія – 157  
 Баден-Баден – 137  
 Бердичів – 33, 34, 71, 78, 80–83  
 Бердичівський повіт – 68  
 Берн – 139  
 Бессарабія – 49, 75  
 Біла Церква – 48, 58, 59  
 Болгарія – 132  
 Бровари – 118  
 Варшава – 48  
 Васильківський повіт – 41  
 Великі Будища (у тексті – Будянци) – 40  
 Великоросія – 99, 130  
 Веневський повіт – 41  
 Вержболово – 58  
 Відень – 48  
 Волинська губернія – 29, 61, 64, 65, 68, 73, 74, 128  
 Воронежська губернія – 114  
 Галичина – 37, 48, 102, 112, 121  
 Гатчина – 144–146, 148, 149  
 Глухівський повіт – 155  
 Гоголево – 162  
 Городницький повіт – 161  
 Городня – 166  
 Ельзас – 38  
 Європа – 42, 113  
 Житомир – 36, 111  
 Заньки – 162  
 Італія – 166  
 Кавказ – 63, 128, 162  
 Канів – 42, 44, 45  
 Канівський повіт – 74  
 Карлсбад – 147  
 Київ – 27–29, 31–33, 36, 39, 42–44, 47, 48, 55, 58, 59, 62–64, 71, 76–78, 83, 84, 86, 91, 93, 94, 96, 97, 99, 101, 102, 105–108, 110–112, 115, 118, 119, 121, 132–134, 149, 150, 157, 159, 162, 167  
 Київська губернія – 34, 39, 43, 47, 60, 64, 69, 90, 101, 118, 124, 128, 133  
 Київський повіт – 71, 72, 109  
 Клинці – 166  
 Ковно – 73  
 Козелець – 118, 132, 147  
 Козятин, залізнична станція – 81  
 Коломяги – 140, 149  
 Конотоп – 163, 165–168  
 Константинополь – 143  
 Костобобр – 170  
 Корсунь – 56, 58, 60  
 Кошелівка – 162  
 Крим – 56, 61, 170  
 Липовець – 87  
 Лівадія – 28, 38, 59, 61, 62, 66, 77, 85  
 Лондон – 137, 138, 141  
 Лотарингія – 38  
 Лялчи – 93  
 Малі Будища (у тексті – Будянци) – 40  
 Малоросія – 99, 112, 121, 130  
 Марсель – 28  
 Мгаин – 171  
 Мгаинський повіт – 156  
 Микільське, селище – 162  
 Могилівська губернія – 93  
 Москва – 27, 86, 138, 144  
 Ніжин – 163  
 Ніжинський повіт – 162  
 Новгород-Сіверський – 168, 170  
 Новозибків – 166  
 Одеса – 27, 30, 48, 73, 79, 100, 109, 114, 122, 126  
 Оранда – 144  
 Оренбург – 71  
 Орловська губернія – 168  
 Остер – 152  
 Остерський повіт – 125, 162  
 Очкине – 169  
 Павловск – 145  
 Париж – 38, 59, 79, 104, 113, 132, 138  
 Пермська губернія – 73  
 Петербург – 27, 29, 30, 43, 44, 47, 48, 52, 58, 59, 62, 66, 71, 77, 80, 83, 85, 87, 90, 92, 93, 98, 101–104, 109–113, 115, 116, 118–123, 125, 128,

- 131–134, 139–141, 143, 144, 147, 148, 150, 152, 165, 167, 171  
 Петергоф – 119, 166  
 Південно-Західний край – 30, 33, 98, 109, 119  
 Північно-Західні губернії (Північно-Західний край) – 109, 128  
 Підвисоке – 63  
 Плевна – 132  
 Подільська губернія – 65, 70, 89, 90, 104, 107, 116, 123, 128  
 Полтава – 100, 126  
 Полтавська губернія – 28, 56, 92, 101  
 Польща (Царство Польське) – 74, 131, 156  
 Понурівка – 170  
 Почеп – 169  
 Пруссія – 38, 39, 122, 131  
 Пшеничники – 44  
 Радомишльський повіт – 124  
 Радомишль – 90  
 Рапті – 113, 114  
 Росія – 38, 39, 41, 49, 54, 58, 63, 76, 91, 92, 95, 99, 102, 112, 113, 121, 124, 131, 136, 137, 141, 145, 147, 149, 153, 154, 156, 167, 171  
 Рославль – 171  
 Систово – 132  
 Севастополь – 28  
 Семипалатинськ – 166  
 Семиполки – 132  
 Сибір – 167  
 Сквиря – 72, 98  
 Сквирський повіт – 74, 98, 103, 129  
 Сміла – 36, 46, 48  
 Смоленка – 162  
 Стародуб – 111, 123, 134, 150, 170, 171  
 Сураж – 92, 93  
 Суразький повіт – 92, 156  
 Тальне – 56  
 Таращанський повіт – 74, 98, 129  
 Тульська губернія – 41  
 Угорщина – 37  
 Уманський повіт – 44, 51, 63  
 Умань – 43, 50, 51, 62, 98, 79, 114, 127  
 Філіппополь – 166  
 Фінляндія – 112  
 Франція – 38  
 Харків – 65, 114, 122, 126, 166, 167  
 Цюрих – 34  
 Чаплинка – 108  
 Черкаси – 42, 45, 46  
 Чернігів – 96, 101, 105, 112, 118, 134, 152, 153, 155, 156, 159, 163, 164, 167  
 Чернігівська губернія – 75, 85, 92, 93, 97, 101, 111, 114, 118, 124, 128, 130, 154, 156, 162  
 Чернігівський повіт – 165  
 Чигирин – 75  
 Чигиринський повіт – 115  
 Чорнобиль – 124  
 Чуровичі – 156  
 Швейцарія – 139  
 Шпола – 46, 50, 51, 56  
 Ядловка – 165  
 Ялта – 28, 85

## АНОТАЦІЯ

СЕНАТОРСЬКА РЕВІЗІЯ  
КИЇВСЬКОЇ ТА ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЙ:  
ЗІ ЩОДЕННИКА О. О. ПОЛОВЦОВА  
(ЖОВТЕНЬ 1880 – ТРАВЕНЬ 1881)

Щоденник Олександра Олександровича Половцова (1832–1909), російського державного діяча, особи з вельми розгалуженими зв'язками у бюрократичних і аристократичних колах Російської імперії, є важливим історичним джерелом, проте його досі не опубліковано у повному обсязі. У цьому виданні презентовано ту частину щоденника, де мовиться про сенаторську ревізію Київської та Чернігівської губерній, покладену на О. О. Половцова, яку він здійснював з жовтня 1880 до травня 1881 р. Ця частина щоденника повністю оприлюднюється вперше.

Вартісність цього тексту як джерела з історії України не підлягає сумніву. О. О. Половцов розпочав ревізувати Київську та Чернігівську губернії у той час, коли Російська імперія переживала гостру суспільно-політичну кризу, спричинену піднесенням революційного руху, що виявився у терорі народодовольців. За таких умов генерал М. Т. Лоріс-Меліков, котрий зосередив у 1880 р. владу у своїх руках спочатку як головний начальник Верховної розпорядчої комісії, а потім як міністр внутрішніх справ, вважав за необхідне здійснити помірковано-ліберальні реформи. Важливою частиною їхньої підготовки стали сенаторські ревізії, числом метою було детальне з'ясування стану справ на місцях у політичному та соціально-економічному сенсі. Одним з сенаторів-ревізорів було призначено О. О. Половцова, відрядженого в Україну.

Щоденник О. О. Половцова за осінь 1880 – весну 1881 р. уможливає вивчення комунікацій між петербурзьким урядом й українськими губерніями, а також взаємини компонентів регіональної адміністративної структури на рівнях повіту, губернії та генерал-губернаторства. Ревізор охарактеризував становище місцевих органів державної влади та самоврядування – їхній особовий склад, компетентність службовців, ступінь корумпованості. Значну увагу він приділив аграрному питанню: наслідкам селянської реформи, проблемам землеволодіння і землекористування, стосункам селян з поміщиками, зокрема специфічній для Правобережної України проблемі чиншовиків. Не залишилася поза увагою й соціокультурна проблематика: стан навчальних закладів (від парафіяльного училища до Університету св. Володимира), конфесійний чинник у тогочасному українському житті (соціальна роль духовництва, причини поширення штундизму). Окрім того, О. О. Половцов був вельми чутливий до міжнаціональних взаємин: у його щоденникових нотатках значне місце посіли національні питання – українсь-ке, польське, єврейське.

Цікавим є сприйняття О. О. Половцовим соціальних груп, з репрезентантами яких він мав спілкуватися, – чиновництва, великої земельної

аристократії, селянства, інтелігенції. У щоденнику міститься значний матеріал для дослідження історії повсякдення великих та малих міст, містечок та панських садиб України.

Перебуваючи в Україні, О. О. Половцов уважно слідкував за тим, що відбувалося у придворних та урядових колах, і навіть, перервавши на певний час ревізію, побував у Петербурзі через вбивство народовольцями імператора Олександра II та воцаріння Олександра III. Тому в його щоденнику події у центрі імперії та на її периферії зливаються в одному плінні суспільно-політичного життя.

Варто відзначити, що щоденник О. О. Половцова містить гідні уваги за своєю колоритністю і проникливістю особистісні характеристики державних і суспільних діячів тієї доби, зокрема, київських генерал-губернаторів М. І. Черткова та О. Р. Дрентельна, чернігівських лібералів В. М. Хижнякова, І. А. Шрага, О. Ф. Ліндфорса, П. П. Червінського, М. О. Константиновича.

Отже, публікація щоденника О. О. Половцова за жовтень 1880 – травень 1881 р. дає чимало нового цінного матеріалу дослідникам, які працюють над реконструкцією історії України «імперського періоду».

*Ключові слова:* О. О. Половцов, щоденник, Російська імперія, Київська губернія, Чернігівська губернія, сенаторська ревізія.

## АННОТАЦИЯ

### СЕНАТОРСКАЯ РЕВИЗИЯ КИЕВСКОЙ И ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ: ИЗ ДНЕВНИКА А. А. ПОЛОВЦОВА (ОКТЯБРЬ 1880 – МАЙ 1881)

Дневник Александра Александровича Половцова (1832–1909), российского государственного деятеля, человека с весьма обширными связями в бюрократических и аристократических кругах Российской империи, является важным историческим источником, но до сих пор не опубликован в полном объеме. В настоящем издании представлена та часть дневника, в которой речь идет о сенаторской ревизии Киевской и Черниговской губерний, возложенной на А. А. Половцова и производившейся им с октября 1880 по май 1881 г. Эта часть дневника полностью публикуется впервые.

Ценность этого текста как источника по истории Украины несомненна. А. А. Половцов был отправлен ревизовать Киевскую и Черниговскую губернии в то время, когда Российская империя переживала острейший общественно-политический кризис, обусловленный подъемом революционного движения, проявившимся в терроре народолюбцев. В таких условиях ген. М. Т. Лорис-Меликов, сосредоточивший в 1880 г. власть в своих руках сначала как главный начальник Верховной распорядительной комиссии, а затем как министр внутренних дел, полагал необходимым осуществить

умеренно-либеральные реформы. Важной частью их подготовки стали сенаторские ревизии, имевшие целью подробное выяснение состояния дел на местах в политическом и социально-экономическом отношениях. Одним из сенаторов-ревизоров был назначен А. А. Половцов, отправленный в Украину.

Дневник А. А. Половцова за осень 1880 – весну 1881 г. дает возможность изучить коммуникации между петербургским правительством и украинскими губерниями, а также взаимоотношения компонентов региональной административной структуры на уровнях уезда, губернии и генерал-губернаторства. Ревизор охарактеризовал положение местных органов государственной власти и самоуправления – их личный состав, компетентность служащих, степень коррумпированности. Большое внимание он уделил аграрному вопросу: последствиям крестьянской реформы, проблемам землевладения и землепользования, отношениям крестьян и помещиков, в частности специфической для Правобережной Украины проблеме чиншевиков. Не осталась без внимания и социокультурная проблематика: состояние учебных заведений (от приходского училища до Университета св. Владимира), профессиональный фактор в тогдашней украинской жизни (социальная роль духовенства, причины распространения штурдизма). Кроме того, А. А. Половцов был весьма чуток к межнациональным отношениям: в его дневниковых заметках немало места отведено национальным вопросам – украинскому, польскому, еврейскому.

Интересно восприятие А. А. Половцовым социальных групп, с представителями которых ему приходилось общаться, – чиновничества, крупной земельной аристократии, крестьянства, интеллигенции. В дневнике содержится значительный материал для исследования повседневности больших и малых городов, местечек и помещичьих усадеб Украины.

Находясь в Украине, А. А. Половцов внимательно следил за тем, что происходило в придворных и правительственных кругах, и даже, прервав на время ревизию, побывал в Петербург в связи с убийством народовольцами императора Александра II и воцарением Александра III. Поэтому в его дневнике события в центре империи и на ее периферии сливаются в едином течении общественно-политической жизни.

Стоит отметить, что дневник А. А. Половцова содержит замечательные по своей колоритности и пронизательности личностные характеристики государственных и общественных деятелей той эпохи, например, киевских генерал-губернаторов М. И. Черткова и А. Р. Дрентельна, черниговских либералов В. М. Хижнякова, И. Л. Шрага, А. Ф. Линдфорса, П. П. Червинского, Н. А. Константиновича.

Итак, публикация дневника А. А. Половцова за октябрь 1880 – май 1881 г. дает немало нового ценного материала исследователям, занимающимся реконструкцией истории Украины «имперского периода».

*Ключевые слова:* А. А. Половцов, дневник, Российская империя, Киевская губерния, Черниговская губерния, сенаторская ревизия.

## ABSTRACT

### SENATORIAL REVISION OF KIEV AND CHERNIGOV PROVINCES: FROM THE DIARY OF A. A. POLOVTSOV (OCTOBER 1880 – MAY 1881)

The diary of Russian statesman Alexander Alexandrovich Polovtsov (1832–1909), the person who belonged to the most important and valuable aristocratic and bureaucratic circles in Russian Empire, as a historical source completely has not been published yet. This edition included several occasions connected with the senatorial revision of Ukrainian Kiev and Chernigov provinces which was committed by Alexander Polovtsov from October 1880 to May 1881. Entirely this part of the diary due to the timeframes is published primary.

The value of this narration as a historical source for the Ukrainian historical study is evidentially undeniable. Senator Polovtsov was sent to revision the Kiev and Chernigov provinces at a time when the Russian Empire was experiencing an acute social and political crisis caused by the rise of the revolutionary movement which has revealed in terrorism, organized by «Narodnaya Volya». According to these conditions general M. T. Loris-Melikov who has concentrated political power in his hands at the beginning of 1880, firstly as a president of the Supreme Administrative Commission then as a Minister of Internal Affairs, considered that the implementation of the modern-liberal reforms would probably reduce heated confrontations among the country. As the main part of this transformation, senatorial revisions had to have been held locally on the purpose of detailed elucidation of states affair in political and socio-economical terms. Senator Polovtsov was sent as inspector to Ukraine.

The present diary covered the period from autumn 1880 till spring 1881 when Polovtsov was in Ukraine. This diary allows to explore communications between the St. Petersburg government and Ukrainian provinces and interrelated the components of the regional administrative structure between the province and the governor-general. The senator described the position of local government and self-government bodies – their personalities, the competence of employees, the degree of corruption. He paid much attention to the agrarian question: the consequences of peasant reform, the problems of land tenure and land use, the relations between peasants and landowners, in particular, the chinshevik issue that was specifically to the Right Bank of Ukraine.

Themes of the socio-cultural aspects have also deserved another attention: the state of ed-ucational institutions (from the parish school to the University of St. Vladimir), the confessional factor in the Ukrainian life (the social role of the clergy, the reasons for the spreading Stundism). In addition, Polovtsov was very sensitive to interethnic relations: in his diary, a significant part of notes was given to national issues – Ukrainian, Polish, Jewish.

Interesting thoughts by Polovtsov was stated of the current social groups. The local bu-reaucracy, landowners, peasantry, and intellectual society. The diary

contains significant material of the everyday life of cities and towns, townships and manor houses of Ukraine.

Furthermore, while being in Ukraine, Polovtsov thoroughly followed what was going on at the imperial court and government circles, and even, interrupting the revision for the time being, visited St. Petersburg by occasion of the murder of Alexander II the Emperor of Russia and accession to the throne his son Alexander III. Consequently, in his diary, events merged from the center of the empire and on its periphery in a single one course of social and political life.

It should be admitted that the diary of Polovtsov includes remarkable personal characteristics of states and public figures of that era, for instance, the Kiev governor-generals M. I. Chertkov and A. R. Drenteln, the Chernigov liberals V. M. Khizhnyakov, I. L. Shrag, A. F. Lindfors, P. P. Chervinsky, N. A. Konstantinovich.

Therefore, the publication of the diary of Polovtsov from the October 1880 to May 1881 provides a lot of valuable materials to researchers who involved in the reconstruction of the history of Ukraine of the «imperial period».

*Key words:* A. A. Polovtsov, the diary, the Russian Empire, Kiev Province, Chernigov Province, senatorial revision.

Київський університет імені Бориса Грінченка

**СЕНАТОРСЬКА РЕВІЗІЯ  
КИЇВСЬКОЇ ТА ЧЕРНІГІВСЬКОЇ ГУБЕРНІЙ:  
ЗІ ЩОДЕННИКА О. О. ПОЛОВЦОВА  
(ЖОВТЕНЬ 1880 – ТРАВЕНЬ 1881)**

*Упорядкування:*

Марина Будзар, Євген Ковальов, Дарина Терещенко

Підписано до друку 28.03.2019  
Формат 60x90/16. Папір офсетний.  
Наклад 100 прим.

Видавництво ФОП Антоненко Л.І. StreamARLine  
Надруковано в типографії ТОВ «День печати»  
м.Київ, ул. Березняківська, 28.